Революция и война

сб. 8 1921

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

Военно-научный журнал.

Сборник восьмой.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.

Издательский отдел.

1921.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Сборник восьмой.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1921.

СОДЕРЖАНИЕ:

БИБЛИОГРАФИЯ:

От редакции.

В виду возникающих в среде читателей вопросов об отношении редакции к печатаемым в журнале статьям, редакция считает нужным еще раз высказать свой взгляд по этому поводу.

Еще в первом сборнике редакция, выпуская журнал, поставила себе задачей: „правдиво описать и теоретически осмыслить события последних лет“ и приглашала к сотрудничеству „всех, желающих поделиться своим опытом и знаниями“.

В период общего строительства, когда теперь только стало возможным приступить к укреплению остова Красной Армии, когда ее боевой опыт еще не исследован и не исчерпан, неминуемы колебания и искания новых путей. В стадии исканий находится и наша молодая военная мысль, еще только пробивающаяся на свет и дающая первые ростки. В подобных условиях, раз нет единых, общих установившихся взглядов, **нет единой военной доктрины,** редакция считает своим долгом предоставить широкую возможность высказаться всем, кто интересуется проблемами войны и строительства армии, кто искренно хочет подвергнуть старые положения критическому пересмотру под углом зрения гражданской-классовой войны и социалистической революции.

Полагая, что в обмене мнений истина, к установлению которой мы стремимся, восторжествует, редакция охотно дает место на страницах журнала всякой дельной статье или заметке. Таким образом, печатая ту или иную статью, редакция этим вовсе не свидетельствует, что она к ней всецело присоединяется. Поэтому **все статьи следует рассматривать как дискуссионные**.

Единственной отправной точкой, единственным мерилом, которое для редакции остается всегда в силе и неизменным, это политическая линия, определяющая общий смысл существования Советской Республики, линия, проводимая Р. К. П.

Редакционная Коллегия.

Н. Какурин.

Преднамеренно-отступательный бой.

I.

„Война—говорит Наполеон—прежде всего искусство простое и все дело заключается в выполнении“. Но опыт показывает, что знание принципов ни к чему не ведет без уменья применять их на деле. „Очень далеко от концепции до драгоценной способности, помогающей приобретенные военные познания превращать в основу наших решений“,—говорит французский военный писатель Пейкер. Он-же прибавляет далее, что между понятиями о научной концепции и искусством командования—лежит целая пропасть.

В чем же заключается трудность искусства командования-уменья применять на деле твердо установленные и усвоенные принципы?

Трудность эта заключается в том, что на войне не бывает общих случаев, допускающих раз навсегда установленное применение неизменных форм, фигур, начертаний, способов действий. „На войне—говорит Фош—только и бывают частные случаи. Там все виды боевой деятельности, завершаясь, не воспроизводятся вновь. Все постоянно, до невероятности видоизменяется, а потому получаемые данные имеют ценность лишь относительную, в противоположность ценностей абсолютных, математических“.

Раз война состоит из частных случаев, то применение твердо установленных принципов каждому из них должно производиться различными приемами, в зависимости от обстановки.

Вот почему военное искусство не терпит шаблона и не признает его и вот почему трудность искусства командования и заключается в уменьи об'ективно подойти к каждому частному случаю и выбрать соответствующее этому случаю рациональное решение.

Клаузевиц говорит: „Война, это не система, не замкнутая доктрина. Всякая система, каждая доктрина, по природе своей ограничена пределами синтеза. Противоречие между подобной теорией и войной неизбежно, так как практика войны, почти во всех направлениях, простирается до бесконечности“.

Следовательно, до бесконечности разнообразны и те приемы, которыми мы стремимся решить постановленную нам задачу в зависимости от обстановки. Решений для каждого частного случая войны может быть несколько. Где-же критерий, который поможет нам определить, какое из них будет наиболее верным и правильным.

Наиболее верным и правильным решением будет то, которое даст возможность *с наименьшей затратой сил и энергии и с наименьшими потерями достигнуть желательных результатов.*

Итак, уменье командовать заключается в уменьи принимать рациональные решения. „Ясно—говорит Мольтке—что теоретических познаний для этого недостаточно. Тут нужно свободное практическое, артистическое развитие ума и характера, основанное, конечно, на предварительной воинской культуре, руководимой опытом, извлеченным из истории или приобретенным лично в течение жизни".

Лишь правильно поставленный военный интеллект, выбирая решение, не придерживаясь шаблона и применяя его к обстановке, а не обстановку к шаблону, всегда имеет шансы достигнуть своей цели.

Мы нарочно более подробно останавливаемся на этих вопросах и на мнениях по ним различных военных авторитетов, потому что как раз именно характерной нашей особенностью в военном отношении является способность быстро подпадать под влияние шаблонов и рабски им следовать.

Это стремление к шаблону, эта привычка смешивать существенное с несущественным, следствия принимать за причины и наоборот красной нитью проходит в истории наших последних войн и находит свое отражение в выводах нашей военной мысли, ложащихся потом в основание для обучения войск и командного состава. Происходит это от отсутствия выработки в себе уменья об'ективно и всесторонне подойти к каждому данному вопросу во всей полноте.

Гораздо легче плыть по течению, чем принимать решения, идущие на первый взгляд вразрез с установившимися взглядами и понятиями

Вследствие слабости воли полководца, не умевшего доводить, в общем правильно принятых, решений до конца и придававшего часто эпизодам случайного характера преимущественное значение, мы проиграли японскую кампанию, главным образом проиграли потому, что внутри самих себя не нашли достаточно сил довести раз начатое дело до конца. Нерешительность характера Куропаткина, по своим свойствам, любившего более оборонительно-отступательный образ действий и применявшего его вопреки обстановке, главную причину проигранной кампании—мы истолковали, как следствие применения оборонительно-отступательных действий, что в начале той кампании и являлось единственно необходимым по обстановке. И вот после этой войны мы торжественно провозгласили принцип „ничего,

кроме наступательного“ и в этом духе стали проводить все свои занятия, военные игры и сообщения.

Конечно, не вызывает никаких сомнений необходимость воспитания армии и командного состава в наступательно-маневренном духе. „Маневренные наступательные операции, в конце концов, преодолевают всяческое сопротивление—говорит Фош—пассивная оборона—не может избежать поражения“. Но при этом не следует забывать, что всякий принцип тогда только хорош, когда он соответствует обстановке и самая вредная вещь на войне—это предвзятые решения.

В силу разнообразия обстановки та или иная крупная военная операция, независимо от ее характера в целом, естественно может сложиться из ряда частных операций и отдельных эпизодов, в которых действия отступательные, оборонительные и наступательные, связанные единством идей могут всегда иметь место.

Правильно поставленный военный интеллект, об‘ективно подходящий к каждому частному случаю, всесторонне в военном отношении развитый и поэтому умеющий избегать предвзятости, лишь один сумеет правильно выбрать и установить взаимоотношения и связь, а также преимущественное значение и применение для каждого из этих способов действий. В данном случае гибкость военного мышления обеспечит нам и гибкость маневров, а следовательно—большую экономию в живой силе войск.

Гибкость военного мышления и гибкость маневрирования — вот качества, которых нам не доставало в минувшую империалистическую войну.

Провозгласив лозунг „ничего, кроме наступательного“, мы стремились следовать ему всегда, всюду и при всяких обстоятельствах, а так как обстоятельства ему иногда совсем не отвечали, то нам и приходилось неоднократно делаться жертвами собственных предвзятых решений и расплачиваться за них дорогой ценою.

Склонность к шаблону, в‘евшаяся в плоть и кровь, повлекла за собой развитие своеобразного фетишизма ввиде стремления сохранять за собой территорию вопреки всяким условиям и возможностям. Цепляясь за, сами по себе ничего не значущие и не стоящие, клочки территории, мы в жертву этому фетишу приносили самое дорогое, что только есть на войне: живую силу армии и ее дух. Дело доходило до смешного: командиры полков испрашивали разрешения при закреплении в занятом положении, когда наша атака замирала, у командования дивизий отнести расположение тэй или иной роты или даже взвода на столько-то шагов назад, ибо не брали на себя смелости самостоятельно принять решение, связанное с добровольным очищением нескольких квадратных саженей территории. Но дело при-

нимало уже чисто трагический оборот, когда во имя того-же фетиша, в стремлении сохранить за собой тот или иной исключительно географический об'ект, мы укладывали для этого целые дивизии и корпуса.

Не так поступали наши прежние союзники и противники.

В августе 1914 года Жоффр, в целях создания более выгодного исходного положения для задуманного им контр-маневра французской армии, не останавливается перед добровольной отдачей противнику части территории Франции; мало того, не признавая достигнутого им положения вполне удовлетворяющим его видам, он не останавливается перед новым крупным пожертвованием территорией, отходит почти к стенам Парижа, дает бой в наиболее благоприятной для себя обстановке и, разбив живую силу противника, тем самым возвращает себе, ранее добровольно уступленную, территорию.

Операция на Марне, преследовавшая цель сокрушения живой силы врага, начинается с отхода и превращается в конечном своем акте в маневренный наступательный бой. Для проведения своей основной идеи полководец одинаково пользуется двумя, на первый взгляд взаимно исключающими, способами действий: отходом и наступлением; совокупность их и создает то, что мы определили, как гибкость маневрирования. Примерно около этого-же времени, но на другом участке фронта—в Восточной Пруссии Гинденбург умышленно сдает пространство перед фронтом I русской армии Ренненкампфа, выигрывая время отступательными боями, производит перегруппировку своих сил и сосредоточение их на новых направлениях и обрушивается всеми этими силами на II русскую армию Самсонова, бьет ее, после чего вновь обращается всеми силами против армии Ренненкампфа и принуждает ее к поспешному отступлению.

Здесь опять таки общая операция освобождения Восточной Пруссии от вторшигся в нее русских армий приняла форму широкого и гибкого маневра, в котором все способы действий—оборонительные, отступательные и наступательные нашли себе место.

В апреле 1915 года немцы приводят в исполнение начало широко задуманного маневра по вытеснению наших войск из пределов Австро-Венгрии и обрушиваются превосходными количественно и технически силами на III русскую армию Радко-Дмитриева, стоявшую вдоль Дунайца от берегов Вислы до предгорий Карпат в районе Дукла-Бартефельдского прохода. Растянутое и в общем слабое расположение III армии обратило уже на себя внимание высшего командования и к III армии двигались подкрепления, которые могли уравнять нас если не технически, то количественно с противником. Но, как всегда, мы запоздали и подкрепления находились еще в пути,

когда началось решительное наступление противника на всем фронте III армии.

Первые два дня боя вполне ясно обрисовали положение—армия не могла держаться на столь широком фронте и понесла столь крупные потери, что удобоуправляемость корпусов начала нарушаться.

Казалось-бы, естественным решением в такой обстановке был-бы выход из-под непосредственных ударов противника и отход ее на подходящие подкрепления. Но это решение связано было непременно с отдачей противнику части занятой нами неприятельской территории. Как можно на это было решиться! И вот, судорожно цепляясь за территорию, мы начинаем хватать первые пакеты подходящих к нам подкреплений и швырять их в бой в тех направлениях, которые навязывает нам противник. Таким образом, сначала растрепывается 63 пех. дивизия, а далее, буквально чуть-ли не по-баталионно, подходящий от Самбора, III кавк. армейский корпус.

Результаты подобного образа действий известны: растрепав всю армию и по частям подходившие подкрепления, мы все-таки не могли удержать территории, в совершенно расстроенном состоянии отошли за р. Сан и, не будучи в состоянии уже оправиться от полученного сильного удара, не взирая на успевшие уже сосредоточиться довольно сильные подкрепления, не могли удержаться так долго, как это случилось-бы, если-бы III армия отошла за Сан, не расстроив себя предварительно решительными боями в невыгодной для себя обстановке.

Всем изложенным мы старались показать, что на войне все способы действий, в зависимости от обстановки, могут иметь место и применение. Полководец в своих операциях, в зависимости от задачи и обстановки, может равно и с успехом применять и оборонительную, и наступательную и отступательную тактику. В последнем случае отступательный бой будет конечно встречаться, как одно из средств, которым полководец проводит свое решение в жизнь. В приведенных на выбор нескольких крупных боевых операциях минувшей империалистической войны мы видим, как в руках, приобревших себе известность в эту войну, полководцев отступательные и наступательные действия и бои, веденные в духе единой идеи, служили к достижению главной поставленной ими себе цели.

Итак, как одна из форм боевой деятельности войск, **отступательный** бой встречается в операциях каждой войны и как одно из средств достижения цели в руках почти всех полководцев старых и новых времен. Тот, кто сумел избавиться от предвзятости в своих решениях и выработал в себе привычку об'ективного подхода к каждому частному случаю на войне, всегда сумеет применить это средство, не

доводя его до крайности, и в полном соответствии с обстановкой, а, следовательно, с наибольшей для каждого данного случая пользой.

Наши уставы посвящают всего лишь несколько строчек отступательному бою, при чем последний рассматривается исключительно, как вынужденный, т. е. навязанный нам злою, противодействующею нам волей противника.

Постараемся подойти к вопросу несколько шире и под несколько иным углом зрения. Постараемся установить природу и сущность преднамеренно-отступательного боя, из его сущности вывести случай его применения и способы употребления различного рода войск в зависимости от его характерных особенностей и целей, которые он в общем преследует.

II.

Проверенный практикой последних войн основной принцип стратегии ставит конечной своей целью только **сражение**, как средство окончательно разгромить **живую силу** врага, после чего все остальное— территория, важные политические и стратегические центры и пр. сами собой попадают в руки победителя.

Акт сражения настолько решителен, что для своей успешности он требует от стратегии ввода на поле сражения **всех сил в совокупности**, при условии **единства времени и единства места**.

Принцип этот известен—это принцип **экономии сил**.

Но при этом не следует забывать, что для одоления живой силы противника, сосредоточивая свои силы, мы должны соответственно обеспечивать их действия.

Если для обеспечения нашей главной операции мы выделим чрезмерно большое количество войск, то этим самым мы нарушим только что указанный принцип. По этому поводу Наполеон говорит: „Встречается много хороших генералов, но они желают ухватить слишком многое, вернее все предвидеть, все обеспечить, все оборонять: магазины, операционную линию, тыл, хорошую позицию, не отказываясь от другой, которая не хуже первой. Таким приемом они оборону приводят к кордону, а в наступательных операциях атакуют в разных направлениях или, скорее, ведут несколько атак одновременно. В обоих случаях они проходят к разброске, препятствующей управлению, единству комбинации, могуществу удара. В результате—безсилие. Что касается меня, я усматриваю всю важность только в массах. Я стараюсь их разгромить, будучи уверен, что все остальное, второстепенное, отпадает само собой.“

Отсюда следует, что силы, предназначенные для обеспечения главной операции, для действий, так сказать, подчиненного характе-

ра, должны быть строго ограничены в количестве и из вышеприведенного вытекает их общая роль.

Это будет войска добавочные, получающие каждый раз свое особое назначение и применяющие свою тактику.

Назовем их *войсками обеспечения,* разумея под этим термином авангарды, арьергарды, боковые отряды и пр. Главное требование, пред'являемое к этим войскам, заключается в способности к сопротивлению. Они не ищут и не должны искать окончательного решения на поле сражения. Для этого предназначаются главные силы, ведущие главную операцию.

Способность сопротивления этих войск заключается: или в действиях оборонительных, когда, пользуясь крепкой позицией и фортификацией, стараются уравновесить численное неравенство, или в отступательном маневре с боем, длительность которого в зависимости от имеющихся в нашем распоряжении пространства и времени может обеспечить главным силам выполнение преследуемого ими плана.

Масштабы современных боевых столкновений настолько выросли теперь в размерах, что иногда войсками обеспечения могут явиться целые армии, действующие на второстепенных театрах войны.

Итак, мы установим, что *войска обеспечения* решают свою задачу не только боем, но и отступательным маневром в сочетании с боем.

В последнем случае этот бой, само собою разумеется, не ищет и не должен искать окончательного решения на поле сражения. В этом заключается характерный признак преднамеренно-отступательного боя.

Избегая умышленно и по своей воле окончательного решения на поле сражения, мы тем самым сохраняем за собой возможно полную свободу действий, а эта последняя обеспечивает за нами необходимую гибкость маневрирования.

Таково одно из основных положительных свойств преднамерено-отступательного боя.

Другим, не менее важным его свойством является большая возможность сохранения в целости и порядке своей живой силы в состоянии, пригодном для дальнейшего маневрирования и боя.

Не ввязываясь в решителяный бой, избегая опасности поражения по частям, мы тем самым несравненно лучше выполняем основную, поставленную нам задачу, чем если-бы ввязались в решительный бой, рискуя в одном сражении сразу погубить свою вооруженную силу или сделать ее совсем не боеспособной в дальнейшем.

По этому поводу Клаузевиц говорит: „Авангарды выполняют свою задачу действительной боевой работой меньше, чем самым фактом своего существования; не столько боем, сколько беспрерывной угрозой применить бой. Они не могут окончательно затормозить действия неприятеля, но, подобно маятнику, умеряют и регулируют дви-

жение, позволяя таким образом распознать самый механизм и его значение“.

Ясно, что все, что здесь сказано относительно авангардов, относится и вообще к *войскам обеспечения* в том значении, какое мы выше придали этому термину.

Как общее правило, войска обеспечения не должны быть и не будут особенно многочисленными; следовательно им придется расчитывать в большинстве случаев на противника, превосходящего их в силах. Для успешного выполнения своей задачи им придется прибегать и к бою, и к маневру.

Сочетание того и другого и здесь должно дать наилучшие результаты. Действительно, начальник части, обеспечивающей операцию главных сил, решивший выполнить свою задачу исключительно оборонительным боем, конечно при условии успешного его исхода, может обеспечить за собой все то пространство, которое он должен удержать для сохранения должной свободы маневрирования главных своих сил, но при неудаче он рискует потерять сразу все это пространство и тем самым скомпрометировать операцию главных сил, а следовательно не выполнить своей основной задачи.

Последовательно сдавая части обеспечиваемого им пространства, заставляя противника тратить время на разворачивание, нанося ему потери, но по возможности сохраняя свои войска, начальник *войск обеспечения* также выполнит свою задачу, но с несравненно меньшим допущением случайностей в области выполнения поставленной ему задачи.

Какой из двух способов действий избрать—зависит уже от уменья командования, от уменья об‘ективно подойти к каждому частному случаю обстановки и всесторонне разобраться в нем.

Начальник арьергарда, прикрывающий проход своих войск через теснину, в близком от них расстоянии, не имея свободного пространства для маневра, естественно изберет первый способ действия, независимо от того, будет-ли у него уверенность в окончательном успехе или нет; быть может ему придется пойти еще дальше—на полную гибель всего своего отряда, лишь-бы этим актом самопожертвования выиграть необходимое время для спокойного выхода главных своих сил из угрожающей им обстановки. Таковы-же будут и действия начальника бокового отряда или авангарда при выходе главных сил, его выделивших, из угрожающего сомкнуться вокруг них кольца противника.

Наоборот, наличие в тылу свободного пространства, допускающего свободу маневрирования, не компрометируя движения главных сил, может подсказать второй образ действий, имея в виду те неоспоримые выгоды, которые он представляет, именно—меньшую долю

случайностей и риска. В последнем случае начальник, избравший этот образ действий, должен не упускать из виду того обстоятельства, что преждевременным выходом из боя он не исполнит своей задачи, ибо уступит противнику пространство с меньшей затратой времени, чем это могло-бы быть, а следовательно сам стеснит свою свободу маневрирования в дальнейшем. Кроме того, преждевременно выходя из боя, он даст возможность противнику купить свой успех легкой ценой, не скует его силы, не будет в состоянии определить их количество и намерения.

Таким образом, трудность преднамеренно-отступательного боя в том и заключается, что с одной стороны мы должны стремиться избегнуть окончательной развязки на данном поле сражения, а с другой стороны поспешным выходом из боя не дать противнику дешевой ценой купить легкий успех.

Естественно, что соблюдение обоих условий в полной мере требует от командования высшего уменья, выдержки характера, самостоятельности, широко развитого тактического кругозора.

Хорошие авангардные и арьергарные начальники, начальники *войск обеспечения* попадаются редко и теперь понятно, почему военная история особенно отмечает их. Сверх указанных выше качеств, им в высокой мере должно быть присуще свойство чутья обстановки.

Итак, мы установили, что преднамеренно-отступательный бой не ищет развязки на поле сражения и в силу последнего маневр находит в нем более обширное применение, как на поле сражения, так и вне его. Удачно примененный, этот вид боя обеспечивает нам выигрыш пространства и времени, дает возможность связать противника на второстепенном направлении в то время, как мы сами ищем решения на главном, и, наконец, дает возможность, не подвергая своих отдельных частей риску отдельного поражения, наиболее полно осветить силы и намерения противника, дать возможность главным силам с более выясненной обстановкой принять окончательное решение, изготовиться к этому решению и сосредоточиться в нужном направлении.

Трудность этого боя заключается в уменьи найти тот предел, далее которого бой является уже излишним, а следовательно по результатам не оправдывающим те потери, жертвы и риск, которые бывают сопряжены со всяким боем.

Как мы установили выше—эта форма боя наиболее часто будет встречаться в деятельности *войск обеспечения* разных назначений. Принимая во внимание, как общее правило, сравнительную малочисленность войск этого назначения, при всякой правильно скомбинированной крупной операции, здесь на первый план, как средство, уравно-

вешивающее эту малочисленность, должны выступить искусство маневрирования и искусство командования.

От последнего требуется в полной мере комбинирование (маневр) и управление, а от войск—подготовка, гибкость втянутость и выносливость на походе.

Малочисленность и большая самостоятельность отрядов (войск) *обеспечения*, их зачастую обособленность от главных сил выдвигают на первый план премущественное значение для них опасности обхода со стороны противника. В этом случае обходный маневр приобретает наиболее обширное применение, ибо *войска* (отряды) *обеспечения* с того момента, как они обойдены, теряют всякое значение.

Своебразные условия обстановки, в которых применяется преднамеренно-отступательный бой, его особенности и цели, которые он главным образом преследует, пред'являют особые требования к организации этого боя и использованию в нем различных родов войск, численному их взаимоотношению и их тактике.

К рассмотрению всех этих вопросов и переходим.

III.

Основная цель преднамеренно-отступательного боя—задержка противника, выигрыш времени, не ввязываясь в упорный бой с ним. Трудность боя, легкая возможность быть обойденным, а, следовательно возможно, и отрезанным; оба условия требуют преимущественного употребления таких родов оружия, которые, с одной стороны, в полной мере могут задержать противника с дальнего расстояния, не допуская его связаться с нами настолько, что затруднится наш выход из боя, а с другой стороны—могут своевременно предупредить нас об угрожающем обходе, широко освещая местность на флангах и перед фронтом.

Кроме того, раз мы умышленно хотим избежать упорного боя и желаем выиграть время главным образом маневрированием, то для этого более пригодны войска, могущие легче выйти из боя, оторваться от противника и подготовиться к новому бою.

Всем выше приведенным требованиям вполне отвечают *кавалерия* и *артиллерия*, а также специальные войска, вроде отрядов самокатчиков, броневых автомобилей и пулеметных частей. Большая огневая сила сопротивления и способность вести бой с дальнего разстояния облегчают выполнение им основной задачи без особого расхода живой силы пехоты.

Таким образом, как правило, можно считать, что артиллерия, кавалерия и специальные войска, вроде самокатчиков, пулеметных частей и броневых автомобилей, должны преобладать в составе *войск обеспечения*, безразлично будут-ли это авангарды, арьергарды или

боковые отряды. Пехота нужна будет в них постольку, поскольку надлежит придать большую устойчивость всему остову боевого порядка.

Количество последней будет находиться в прямой зависимости от того, какого характера бой придется вести *войскам обеспечения*.

Чем пространство для маневрирования в тылу у них будет больше, тем менее упорно они должны будут задерживаться на каждом данном рубеже для обеспечения операции своих главных сил, выполняя, преимущественно, свою задачу посредством маневра, тем, следовательно, меньшее количество пехоты понадобится при организации отрядов (войск) обеспечения.

Наоборот, при ограниченном в тылу пространстве или при специально данном задании во времени для маневрирования, главным средством выполнения своей задачи войска обеспечения должны будут поставить упорный бой, а следовательно в состав их должен будет преимущественно войти род оружия, наиболее пригодный к такого вида бою, т. е. пехота.

Итак, принимая во внимание основную цель преднамеренно-отступательного боя, выпадающего на долю войск обеспечения и заключающегося в *наблюдении за неприятелем и замедлении его продвижения*, преимущественное значение в этого рода бою будет принадлежать артиллерии и кавалерии и техническим войскам (броневики, пулеметные части и пр.). Как правило, *эти рода войск должны преобладать в отрядах обеспечения* по отношению к главному роду оружия—пехоте; последняя войдет в состав этих отрядов в количестве, лишь строго необходимом для обеспечения общей устойчивости боевого порядка.

Исходя из основной цели, которая преследуется этого рода боем, как желательный идеал—малочисленности войск, предназначаемых для ведения их изолированности, а следовательно и большей опасности для них обхода—и того особого значения, которое имеет обход этих войск как для них самих, так и для главных сил, от которых они высланы, при организации этого вида боя на первый план выступает—*обеспечение себя от обхода*.

Поэтому мерам *разведки и охранения* при организации преднамеренно-отступательного боя должно быть уделено самое серьезное внимание.

Самая интенсивная работа кавалерии должна предшествовать завязке этого рода боя. Высланная не только вперед, но и далеко на фланги, кавалерия должна, с одной стороны, установить тесное соприкосновение с противником, а с другой—воспрепятствовать коннице противника заскакивать в глубь нашего расположения и производить там свои разведки.

В частном случае службы арьергардов задачей конницы, приданной им, будет воспрепятствование конным партиям противника,

просачиваясь вокруг расположения арьергардов, непосредственно тревожить колонны главных сил на марше.

Во всех случаях надлежит организовать бдительное наблюдение за соседними путями, идущими от противника в район нашего расположения. Пути эти не только должны тщательно наблюдаться, но иногда их, по обстановке, полезно будет занять кавалерийскими отрядами, усиленными броневыми отрядами, командами велосипедистов и пр.

Иногда ради этого придется не останавливаться и перед дроблением кавалерии.

Такие отряды, при своей сравнительной малочисленности, могут развить настолько значительную силу огневого сопротивления, что сумеют удерживаться в течение продолжительного времени против значительно превосходящего их силами противника.

Распространение района разведывания и охранения в ширину и в глубину требует особо внимательного отношения к организации *связи*. Естественно, что сведения, получаемые от охраняющих и разведывательных частей, особенно далеко выкинутых на фланги, будут тогда только ценны и иметь значение, когда будут поступать своевременно, а следовательно вопросу устройства связи в этого рода бою должно быть уделено самое обширное внимание. Не приходится много распространяться, что связь эта по условиям обстановки должна быть комбинированной—технической и живой, ибо построить все свои расчеты исключительно на технической связи мы не можем, принимая во внимание те обширные в пространстве задания, которые должны быть поставлены связи, и то малое, сравнительно, время, которое дано будет на установку и снятие этой связи, раз мы задаемся целью не доводить решения до конца. Таким образом, живой связи будет необходимо придать значительное развитие и в некоторых случаях не придется даже останавливаться перед использованием для этого и некоторой части приданной кавалерии.

Вообще, готовясь к преднамеренно-отступательному бою, начальник войск обеспечения должен обдумать и предусмотреть все способы и возможности, полнее обеспечивающие ему свободу действий.

Эта свобода действий обеспечится соответствующей организацией разведки и охранения перед завязкой боя, а во время него и соответствующей группировкой и расположением войск. Но это еще не все. Если есть время и возможность, необходимо подумать о соответствующем обеспечении для войск более широкой возможности маневрирования и передвижений на всем занятом пространстве и усовершенствованием и устройством путей и переправ—в тылу маневрирующих войск. Соответствующая подготовка в этом отношении в дальнейшем может в значительной степени облегчить гибкость мане-

врирования и богатство маневренных комбинаций. В маневренной войне при изменчивости обстановки, необходимости разбрасывать войска обеспечения на обширном фронте, последнее условие имеет немаловажное значение.

Самая природа преднамеренно-отступательного боя делает излишним и подчас невозможным по времени обширные работы по инженерному усилению позиций—главное значение поэтому принадлежит выбору таких местных предметов и рубежей, которые как-бы самой природой уже подготовлены и предназначены к обороне. Искусство командования, главным образом, и будет заключаться в том, чтобы суметь найти такую позицию.

Естественно, что последняя в меру возможности должна быть усилена и при помощи инженерного искусства. Особенно обширное применение в этом случае найдут опорные пункты. Неприступных позиций, как известно, нет, но есть много позиций сильных, особенно благодаря современной огневой технике. Таким образом, всякое местоположение, дающее нам пункты, с которых можно наблюдать и вести дальний огонь, и опорные пункты удовлетворят нашим целям.

Оба эти условия ставят противника в необходимость вести наступление издалека, вводить в дело все свои средства или большую часть и использовать их до последней минуты (штурм опорных пунктов), что все в совокупности приводит его к потере времени, когда в его интересах было бы двигаться безостановочно.

Но, ведь всякая позиция, в конце концов, может быть взята противником, в силу различных причин, еще до истечения того срока времени, который нам необходимо у него выиграть, задерживаясь на ней.

Это, не хватившее нам на первой позиции время, мы сможем наверстать, расположившись на второй позиции, которая, конечно, также должна удовлетворять вышеуказанным условиям. Таким образом получится развитие обороны в глубину, дающее возможность вести ряд последовательных столкновений, избегая в каждом окончательного решения и вводя в каждое только часть войск.

Итак, командование, при необходимости прибегнуть к преднамеренно-отступательному бою, дабы наиболее гарантировать свободу наших действий, исходя из вышеизложенных соображений, должно решить вопрос об обеспечении себя от обхода, путем соответствующей организации службы охранения, разведывания не только вперед, но и на фланги, путем надлежащего использования кавалерии, надлежащей организации связи с частями, выдвинутыми вперед для разведки и особенно для охранения флангов; возможной подготовке сети путей и переправ в своем тылу для обеспечения гибкости маневрирования; наконец, о возможности развить оборону в глубину, путем

выбора ряда последовательных позиций, а если позволяет время, то обсудить вопрос и об инженерном их усилении.

Приняв все это во внимание, мы получим возможность использовать наши силы вполне соответственно той обстановке, в которой находимся.

Остается еще решить вопрос, каково должно быть расположение войск перед началом боя.

Заблаговременное развертывание не будет оправдываться обстановкой, оно может оказаться ей совершенно не соответствующим, пока не обозначилось направление наступления противника; достаточно, если предположенная позиция будет обеспечена за нами соответствующим расположением соответственной силы охраняющих частей, что позволит в случае необходимости направить на выбранную позицию все или большую часть наших сил.

Переходим к вопросу об использовании различного рода войск в зависимости от их свойств в преднамеренно-отступательном бою. Мы выше уже несколько раз указывали ту основную цель и задачу, которую должен преследовать всякий преднамеренно-отступательный бой. Цель и задача эта лучше всего характеризуется словами Наполеона: „не компрометируя себя, сдерживать противника, замедлять его движение, заставлять его затрачивать три, четыре часа, чтобы сделать одно лье“.

Ясно, что для этой цели, прежде всего, в дело должны быть введены войска, ведущие бой с дальних разстояний.

Это будет наилучший способ заставить противника замедлить свое маневрирование, заставить начать его разворачиваться издалека. Значит, артиллерия должна найти себе самое широкое применение в преднамеренно-отступательном бою с самых первых моментов его завязки. Во имя того же принципа—она не должна останавливаться перед открытием огня с самых дальних разстояний, хотя-бы это и не оправдывалось техническими соображениями.

В этого рода бою применение артиллерии может иметь самые разнообразные и гибкие формы, являющиеся недопустимыми в боях иного характера. Придача отдельных батарей, взводов и даже орудий не только полевой, но даже и тяжелой артиллерии частям сторожевого охранения имеет тут вполне законное применение.

В этом отношении приведем небольшой исторический пример.

К началу мая 1915 года русские армии, после упорных боев на р. Дунайце и в Карпатах, отошли на р. р. Сан и Днестр; III и VIII армии опирались своими внутренними флангами на бывшую австрийскую крепость Перемышль, которая, благодаря основательному разрушению своих верков австрийцами и ничтожному количеству бывшей в ее распоряжении крепостной артиллерии, рассматривалась

нашим высшим командованием не как крепость, а лишь как участок укрепленной позиции и была занята небольшим гарнизоном. Западный сектор обороны крепости был невыгоден для обороняющегося в силу наличия на нем ряда командующих высот и укрытых подступов к ним, дававших возможность противнику обозревать всю внутренность крепости в случае их занятия.

Прочно обеспечить за собой эти высоты мы не могли по недостатку сил.

Однако, вполне оценивая их значение и важность возможно дольше удержать их за собой, решено было их занять лишь сторожевыми охранением.

С этой целью на линию высот Хилиха-Подмазуры, общим протяжением 7 верст, был выдвинут 3-й баталион 91-го пех. Двинского полка. Само собою разумеется, что расположение этого баталиона было чисто групповое; баталиону этому была придана одна горная батарея и два 42-линейных орудия.

С раннего утра 3 мая, как только наши раз'езды обнаружили подход к расположению этого баталиона колонн противника, наши 42-лин. орудия открыли по ним огонь с дальней дистанции, чем принудили их приступить к разворачиванию.

Благодаря комбинированной стрельбе тяжелой и горной артиллерии и хорошему управлению огнем, наш баталион в течение целого дня удерживал свое расположение, заставляя противника заблаговременно разворачиваться, терять время, вводить в дело значительно превосходящие силы; лишь поздно вечером, согласно приказанию, баталион отошел на линию передовых фортов, не тревожимый противником, который в течение целого дня не мог достаточно с ним сблизиться.

Таким образом, возможно полное и раннее использование по возможности всей артиллерии и при том с дальних дистанций является непременным условием успешного достижения целей, преследуемых этого рода боем.

Кроме задач, выпадающих на кавалерию по организации разведки и охранению флангов в период, предшествующий бою, и во время самого боя, она по своим свойствам может быть использована с большой выгодой (особенно если численно преобладает в составе войск обеспечения) и в течение самого боя.

Именно здесь, имея в виду, что бой никогда своим решением не должен доводиться до конца, можно в полной мере использовать ее свойство быстро отрываться от противника, скоро преодолевать пространство до нового подходящего рубежа и быстро на нем устраиваться, пока противник, в частности его пехота, будет лишь

медленно продвигаться к этому новому рубежу. Таким образом, кавалерия, лишь усиленная пехотою поскольку это строго необходимо для придания ей известной длительной устойчивости, снабженная обильно пулеметами и артиллерией с приданными ей в известных случаях броне-отрядами является родом оружия, могущим с успехом и большими выгодами быть примененным в преднамеренно-отступательном бою.

Инженерные части войск найдут себе обширное применение и не столько по специально инженерному усилению позиций, что явится не столь уже насущно необходимым, на основании соображений, указанных выше, сколько по порче и приведению в негодность искусственных сооружений разного рода, мостов, виадуков, железнодорожных сооружений и пр., облегчающих противнику беспрепятственное и скорое передвижение. Равным образом, в отношении наших войск, на части эти выпадает задача уже обратная: именно, приведение в порядок и исправление существующих уже искусственных сооружений и устройство новых.

После сказанного остается рассмотреть вопрос о самой завязке боя, ведении его, выходе из боя и устройстве на новом оборонительном рубеже.

IV.

Еще раз вкратце припомним те основные цели, которые преследует преднамеренно-отступательный бой: *выигрыш времени* и избежание *отдельною поражения своих войск*, не доводя решения до конца. В силу этого необходимость возможно полного развития своего сопротивления в *глубину* на ряде последовательных позиций—рубежей.

Эти требования заставляют нас вводить в дело на каждом данном рубеже не все войска, а лишь *часть их*, строго необходимую для организации сопротивления на каждой данной позиции лишь *до известною предела*, с тем чтобы остальные за это время успели устроиться на следующем рубеже и приняли на себя отходящие наши войска, уже завязавшие бой с противником, дали-бы им возможность разорваться с ним, оправиться и устроиться в тылу на новых рубежах и так далее.

Раз ни на одном из этих последовательных рубежей не ищется окончательного решения, то роль и значение общего резерва в этого рода бою несколько видоизменяется: он обращается уже не в средство проведения в жизнь решений командования, не в средство навязать противнику нашу волю и решение, а как-бы в расходный магазин сил, из коего мы черпаем нужные нам силы: во-первых, для питания боя на впереди-лежащем рубеже, в случаях необходимых и в количестве строго ограниченном, и, во-вторых и главным образом,для организации обороны на последующих рубежах.

Как мы уже указывали выше, вся трудность в ведении этого рода боя заключается в том, чтобы определить, когда именно сопротивление на данном рубеже или позиции является уже излишним и не оправдываемым обстановкой.

Если нами основательно продумана организация боя в глубину, то обыкновенно, как общее правило, не ошибочно будет сказать, что сопротивление на впереди лежащем рубеже явится уже излишним после того, как наши войска из числа не введенных в дело уже устроились для встречи и своих отходящих войск и противника на сзади находящемся рубеже сопротивления.

Отсюда легко установить и местонахождение начальника, руководящего преднамеренно-отступательным боем. Место его будет между войсками, уже ведущими бой, и войсками, устраивающимися для нового боя. Будучи тесно связан с теми и другими, он всегда своевременно может установить момент, позволяющий прекратить сопротивление на старом рубеже с тем, чтобы начать его на новом.

Итак, завязка и ведение преднамеренно-отступательного боя должны вылиться в форму движения перекатами от рубежа к рубежу, от позиции к позиции с последовательной обороной каждой из них столько времени, сколько понадобится для устройства войск, не введенных в дело, на сзади находящейся позиции.

Вот почему вполне ясно требование не вводить в дело всех войск сразу, ибо в противном случае мы встретим сильные затруднения в планомерной организации нами отхода перекатами на сзади лежащие рубежи.

Теперь более подробно остановимся на различных фазисах преднамеренно-отступательного боя.

Завязка боя. Неизвестность является законом войны. С усовершенствованием оружия--увеличением дальности его действия и введением бездымного пороха—даже завязка боя не может дать полных исчерпывающих данных о силах, намерениях и расположении противника. Завязка современного боя совершенно справедливо уподобляется некоторыми военными писателями борьбе двух слепых, которые разыскивают друг друга, ничего не видя

Если это так, то продлить это состояние неизвестности для противника будет существенной нашей задачей. Поэтому крайне выгодно и желательно будет организовать более длительное и упорное сопротивление сторожевого охранения; усиление последнего частью артиллерии, даже отдельными взводами и орудиями в данном случае может иметь полное и законное применение и принести свои благие результаты, как это можно видеть из примера, приводившегося выше в действиях сторожевого охранения под кр. Перемышль в мае месяце 1915 года.

В дальнейшем развитии боя главное место и значение будет принадлежать артиллерии; значение пехоты сведется лишь к приданию известной устойчивости нашей первой линии обороны и в непосредственном обеспечении артиллерии от возможных случайностей.

Введенная в дело полностью, артиллерия огнем с дальних дистанций должна заставить противника заранее и издалека начать свое маневрирование и разворачивание. При этом не столь важны даже будут материальные потери, причиняемые противнику нашим дальним артиллерийским огнем, сколько именно выигрыш времени, проистекающий от дальнего разворачивания противника и происходящей вследствие этого значительной траты им времени.

Под прикрытием артиллерийского и дальнего пехотного боя части войск, не введенные в бой на первой линии сопротивления, устраиваются на второй оборонительной линии. Естественно, что войска эти и будут именно общим резервом до того момента, пока они фактически не вступят в бой, а следовательно выбор второй оборонительной линии вблизи того места, где по условиям обстановки должен был-бы находиться общий резерв, значительно облегчит задачу последнего, избавит его от излишних передвижений и даст возможность поскорее изготовиться к обороне на второй оборонительной линии.

По мере сближения противника с первой оборонительной позицией и занятия войсками, не ведущими боя, второй оборонительной позиции, можно приступить к планомерному очищению первой оборонительной позиции путем последовательного разрежения войск, ее занимающих, и отвода их на вторую позицию. Естественно, что отход должны начать войска, по свойствам своим нуждающиеся в большем времени для своих передвижений, чем все остальные, т. е. пехота.

Выше указано уже, что сопротивление на первой позиции в большинстве случаев безполезно будет затягивать далее того времени, как войска общего резерва не изготовятся к обороне на тыловой линии обороны или по крайней мере занятием опорных пунктов на этой линии не протрасируют, так сказать, новой линии сопротивления.

Более точные указания в теоретическом иследовании в отношении этого вопроса дать трудно. Тут-то в этой деликатной операции и должно сказаться все уменье начальника, ею руководящего, все его чутье обстановки.

Действительно, чем условия местности в ближнем тылу будут более благоприятны для открытого передвижения войск, тем легче могут они безнаказано оторваться от наступающего на них противника, укрыться от наблюдения, а следовательно—с меньшими потерями миновать сферу поражаемого пространства и более крупными

частями выйти из него; чем местность в ближнем тылу будет более открыта и равнинна, тем труднее будет акт непосредственного вытягивания войск из боя, тем более затянется он во времени и будет сопровождаться большими потерями; следовательно, как общее правило, можно только отметить, что в общих случаях затяжка боя до ближних и средних дистанций ружейного огня может сильно затруднить и нарушить планомерный выход из боя войск, его ведущих. С этим условием надлежит всегда считаться, учитывая свойство современного огня, что благодаря своему могуществу он со сравнительно дальнего уже разстояния обладает способностью как-бы приковывать войска к раз занятому ими положению, а следовательно и лишать их необходимой им свободы действий; последнего следует опасаться более всего.

Теперь остается решить вопрос о роли и задачах войск, постепенно очищающих первую линию сопротивления. Конечно, самым желательным и естественным был-бы отвод этих войск за вторую линию сопротивления, не привлекая их к участию в борьбе на этой линии.

За такое решение говорит слишком много мотивов, но оно не всегда будет возможным. Может случиться, что состав *войск обеспечения* в количественном отношении будет настолько незначителен, что одного их общего резерва окажется слишком мало, чтобы более или менее прочно обеспечить за нами вторую линию обороны.

Тогда этим войскам, всем или частично, придется принять участие и в бою на второй линии. Само собой разумеется, что тогда сопротивление на первой линии обороны соответственно должно быть сокращено во времени, дабы на вторую линию обороны привести войска более или менее свежие как в материальном, так и в моральном отношениях, не истрепанные предшествующими переживаниями боя.

Итак, в период дальнейшего развития преднамеренно-отступательного боя, задачей командования будет последовательный вывод войск, завязавших бой на первой линии сопротивления, с этой линии и устройство их на этой линии или в тылу нее; в последнем случае ясно, что они образуют вновь общий резерв отряда.

Мы уже указали, что вывод этот должен начаться с войск, нуждающихся в большем времени для своих передвижений и поэтому рискующих более, чем остальные, попав в сферу действительного огня противника или сцепившись с ним вплотную, утратить свою свободу действий, т. е.—пехоты.

Артиллерия, учитывая ее большую скорость движения и более легкий по сравнению с пехотою выход из боя, может несравненно дольше пренебрегать соблюдением выше указанного требования, почему на нее дальнейшим развитием боя выпадает уже дополнительная за-

дача—обеспечение выхода из боя всей или большей части своей пехоты. Ясно, что задача эта требует от артиллерии полного использования ее огневых средств, особенно в момент, когда пехота начнет уже сниматься с позиции. Поэтому, в целях необходимости держать наступающего противника непрерывно под огнем, артиллерия свой переход на сзади лежащий рубеж сопротивления должна выполнять не вся разом, а по частям.

В то время как остающиеся батареи своим усиленным огнем продолжают сковывать противника, остальные ускоренным аллюром переезжают на вторую линию сопротивления, где и изготавливаются к открытию огня, после чего таким-же порядком начинают свой переезд оставшиеся впереди батареи. Чем дольше на позиции будет оставаться хоть часть батарей, тем более это будет содействовать основной задаче, поэтому оставление на впереди лежащем рубеже впредь до окончательного его очищения отдельных артиллерийских взводов и даже орудий может и должно иметь место; эти последние вслед за окончательным очищением позиции усиленными аллюрами должны присоединиться к своим ранее отошедшим назад частям.

В то время, как главные силы войск обеспечения подобным образом сковывают противника на фронте, части их, выкинутые для обеспечения флангов, если они непосредственно не связаны с противником, могут и должны облегчать положение главных сил, не упуская из виду своей основной задачи, демонстративными действиями на флангах противника, короткими переходами в наступление, усиленной разведкой и пр.—задержать его продвижение. По переходе главных сил на следующую линию сопротивления части эти осаживают на одну с ними высоту.

Готовясь окончательно разорваться с противником, пехоту на линии сопротивления постепенно заменяют конницей и в конце концов оставляют последнюю целиком между наступающим противником и отходящей пехотой. Кавалерия, окончательно выжатая в арьергард, действуя, в общем способом, подобным выше указанному, несравненно успешнее может оставлять между собою и противником все большие и большие пространства, переходя от рубежа к рубежу, пока, наконец, окончательно не выйдет из тесного боевого соприкосновения с противником, не оставляя однако контакта с ним для наблюдения и разведки.

Таковы будут главные фазисы преднамеренно-отступательного боя.

Иногда отступательный бой может, как это часто и бывает, явиться следствием не доброжелательно принятого решения, а быть навязанным противником. Главной его особенностью, при стремлении к соблюдению всех выше указанных принципов, явится трудность, подчас невозможность соблюсти планомерность при выводе войск из боя и сохранить за собой свободу действий. Иногда первый удар, по-

лученный войсками, будет настолько велик и сила их морального и материального сопротивления настолько уже ослаблена, что они не смогуть зацепиться за позади-лежащий рубеж, если на этом рубеже на станут войска свежие, еще не испытавшие непосредственных впечатлений боя; этим войскам, а не рубежу самому по себе—суждено будет сыграть роль плотины, на которую обопрутся отходящие с боем войска, оправятся, приведут себя в порядок и окажут новое сопротивление противнику.

Главной задачей командования в этого рода бою должно явиться стремление сохранить во что-бы то ни стало порядок и боеспособность своих войск, главным образом пехоты, ибо на нее выпадает главная роль и вся тяжесть этого вида боя. Во имя достижения этого требования—сохранения боеспособности и обеспечения выхода из боя своей пехоты в порядке, артиллерия, как и в преднамеренно-отступательном бою, возможно дальше остается на своих позициях, прикрывая тяжелый маневр своей пехоты. Но если в преднамеренно-отступательном бою, артиллерия это делает потому, что обстановка и общие намерения командования позволяют ей это делать, не рискуя собой, то в случайно-отступательном бою ей уже приходится прибегать к этому даже вопреки обстановке, сознательно жертвуя собой во имя достижения общего блага.

Само собой разумеется, что последняя задача выпадет только на ту часть артиллерии, которая по общей обстановке и силам войск решительно для этого необходима, а излишняя артиллерия должа заблаговременно сняться и отойти в тыл.

Равным образом, во имя достижения той-же цели кавалерия не должна останавливаться перед выручкой ее на поле сражения, атакуя наседающего противника иногда вопреки обстановке, часто сознательно жертвуя собою только для того, чтобы спасти свою пехоту и дать ей возможность спокойно и в относительном порядке отойти.

В этом отношении атаки французских кирасир под Вертом в бою 6 августа 1870 года явятся на долгое время классическим примером правильно понятого кавалерией своего долга в момент вынужденного отступательного боя.

Далее, необходимо рассмотреть вопрос о роли общего резерва в этого рода бою. Естественно, что он может быть использован двояким образом: либо для возстановления утраченного положения путем контратаки, решение, к которому всегда следует прибегнуть, если только имеется хоть какой-либо благоприятный шанс на успешное его осуществление в связи с общей обстановкой; либо как опора войск, втянутых в бой с противником на тыловом рубеже. Какой из этих двух способов избрать—всецело будет зависить от обстановки и уменья и чутья начальника.

Надо полагать, что войскам, сбитым противником с основной линии обороны, легче будет зацепиться за тыловую позицию, если она уже занята частями резерва, не принимавшими еще непосредствен-

ного участия в бою; это также даст им возможность скорее оправиться и организовать более устойчивое сопротивление на тыловом рубеже.

Такой способ действий особенно полезен в тех случаях, когда приходится иметь дело с войсками молодыми или сильно потрепанными в предшествующих боях. В этих случаях попытки частичных контр-атак частями из общего резерва могут не только не привести к цели, но и напрасно растрепать общий резерв и увлечь его вслед за отступающими потрепанными войсками.

V.

Наше исследование было-бы не полно, если-бы мы не постарались иллюстрировать его соответствующими военно-историческими примерами.

К сожалению в нашей тактике на изследование сущности и природы этого вида боя обращалось весьма мало внимания; о нем упоминалось всегда как-бы вскользь, в конце, между прочим. Считают, что войска и командование, выученные и привыкшие наступать, всегда, очевидно, с'умеют и отступать; между тем это не совсем так. Организация планомерного отступления пред'являет ряд совершенно особых требований и к войскам и к командованию, особенно к последнему.

В силу изложенного военно-историческая литература обладает очень ограниченным количеством разработанных примеров на такого рода бои и существующие относятся к слишком отдаленному прошлому.

Поэтому в целях большой поучительности обратимся к только что недавнему прошлому и из этого минувшего постараемся привести пример, если не вполне, то во всяком случае в значительной мере отвечающий условиям и обстановке преднамеренно-отступательного боя.

Оговоримся тут-же, что за отсутствием сейчас под рукою всех документов и материалов автор заранее просит извинения за возможные погрешности и неточности, которые в общем, однако, существенно не изменяют общей картины.

Пример организации преднамеренно-отступательного боя.

(Действия 10 стр. дивизии 1-2-3 октября 1920 года под Лунинцом и на берегах Припяти).

(См. схему).

Общая обстановка. В конце сентября 1920 года 10 стр. дивизия входила в состав IV армии. В составе дивизии оставались всего 2 бригады: 28 и 29-ая, ибо 30 стр. бригада, ранее вошедшая в состав IV армии, находилась в прямом оперативном подчинении штабу IV армии, вследствие ее значительного удаления от главных сил дивизии.

В силу событий, происшедших на фронте IV армии, и захвата г. Пинска противником, первоначальная задача, данная 10 стр. диви-

зии в составе ее двух бригад (переправившись через Припять в районе м. Лунинец, двигаться в промежутке между р. Стырь и Горынь в общем направлении на Ковель и, войдя в связь с правым флангом XII армии, овладеть Ковелем, чем естественно значительно облегчилось-бы положение на фронте и левом фланге IV армии и правом фланге XII армии) была сначала приостановлена, а затем и вовсе отменена.

Прочие дивизии IV армии (57, 55 и 30 стр. бригада) по занятии г. Пинска противником начали отступление к северу востоку в общем направлении на Слуцк, а XII армия продолжала отступление на восток и около 28 сентября, если не ошибаюсь, оставила линию р. Горынь, выделив для связи с Западным фронтом небольшой боковой отряд из состава 58 стр. дивизии, который из района с. Высоцк, где он был расположен, также начал движение на восток одновременно с 58 стр. дивизией.

Для восстановления положения на фронте IV армии к ней были двинуты подкрепления в количестве 2-х бригад 8 стр. дивизии; одна из них, именно 24-ая стр. бригада двигалась на м. Логишин.

Из состава 10 стр. дивизии на левый берег р. Припять первоначально приказано было перебросить один стрелковый полк, а затем следующий и наконец приказано было перевести в м. Лунинец штаб 29 стр. бригады и сосредоточить в окрестностях этого местечка два ее полка.

Остальным силам 10 стр. дивизии, в количестве 4 стрелковых и 1 кав. полка очень слабого состава, приказано было, сохраняя прежнее расположение на более сокращенном, ранее занятом фронте Стахово-Ворсынь-Цмень-Столин, обезпечивать Лунинецкий узел от попыток противника овладеть им с юга, переправившись через р. Припять; общая-же задача дивизии заключалась в прикрытии окончательной эвакуации Лунинецкого узла.

На большее нельзя было и рассчитывать, учитывая общее положение дел на обоих фронтах, отсутствие у нас стратегических резервов и крайне слабый численный состав дивизии, почти заново сформированной после Варшавских боев.

Необходимо еще добавить, что кавалерийский полк, состоявший при дивизии, был фактически из'ять из ее распоряжения, ибо на основании неоднократных и настойчивых требований штаба армии его в конце концов пришлось отправить в тыл, если не ошибаюсь к ст. Рудня на правом берегу р. Припять, для поддержания связи с XII армией. По обстановке ему было место совсем не там, что впоследствии и подтвердилось, когда полку этому пришлось опять вернуться в состав дивизии.

К 1-му октября левофланговые части IV и правофланговые XII армий настолько удалились от района расположения дивизии, что фактически она явилась совершенно изолированной и прикрывающей единственно своими силами важное железнодорожное направление Брест-Лунинец-Гомель.

Силы и расположение противника и наши. Заняв г. Пинск отрядом Булах-Балаховича 26 сентября 1920 года, противник несколько дней не проявлял активности в Лунинецком направлении, поджидая подхода частей 18 Великопольской дивизии. К 1-му октября части эти сменили отряд Булах-Балаховича и распространились по р. Ясельде, а Булах-Балахович снизился к югу в промежуток между реками Струмень и Стырь.

Предшествующими стычками с войсками Булах-Балаховича, сопровождаемыми захватом пленных, было с довольно точной степенью приближения установлено, что отряд этот состоит примерно из 800 штыков пехоты, разделенных на три полка, с 4-6 пулеметами в каждом, 200-300 всадников, именуемых партизанским конным полком, и 4-х орудий.

Относительно состава и сил польских частей таких исчерпывающих данных в период происходивших событий у командования дивизии не было; лишь через несколько дней из опроса пленных удалось установить, что у поляков на Лунинецком направлении действовала вторая бригада 18 Великопольской дивизии с 2-3 батареями или 1-2 эскадрона кавалерии, общей силою около 2000 штыков и 200-300 сабель

По исполнении всех перегруппировок и перемещений части 10 стр. дивизии к вечеру 1 октября располагались следующим образом:

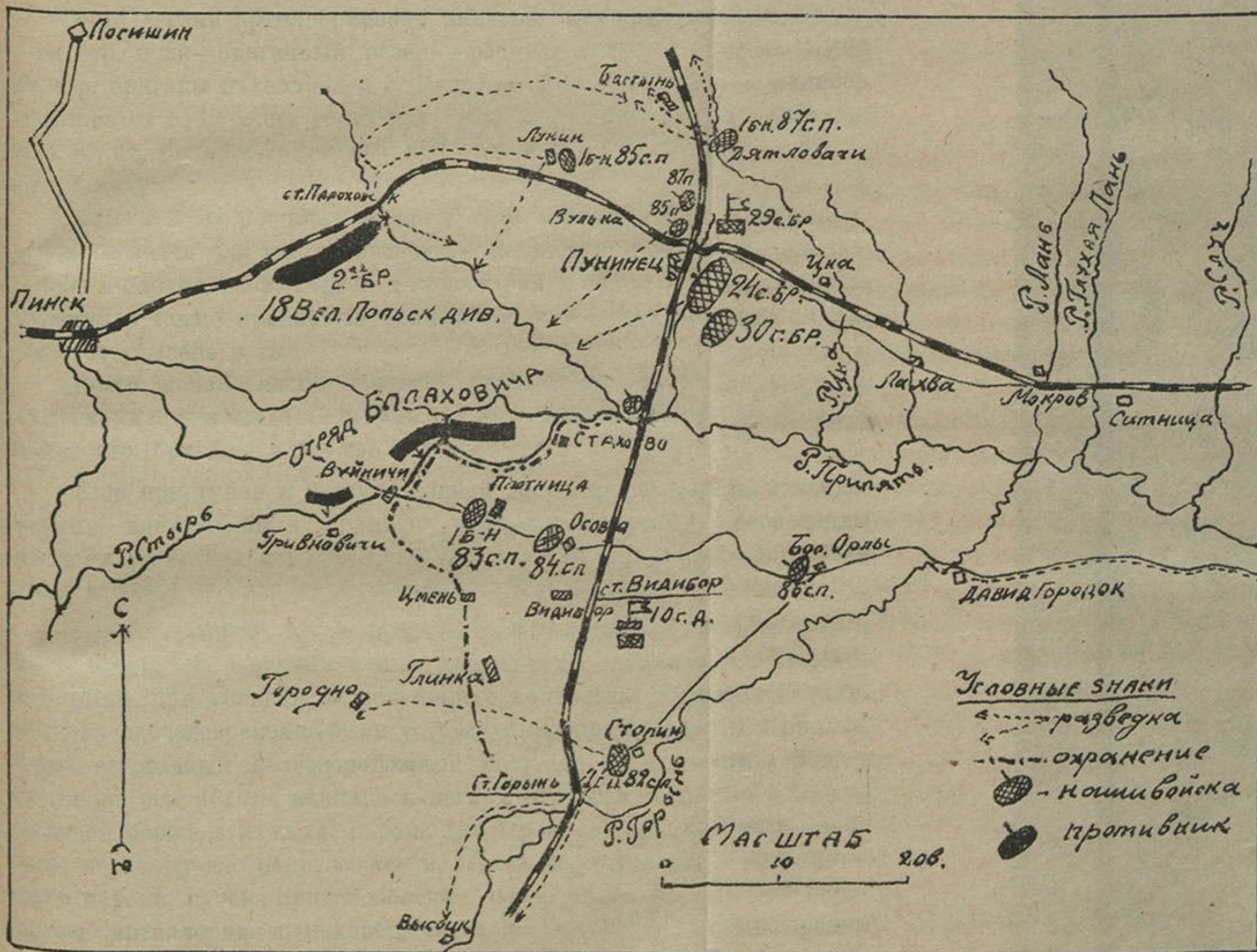
29 стр. бригада: баталион 85 стр. полка с командами пеших и конных разведчиков и 3-ей легкой батареей в районе с. Кунин, ведя пешую и конную разведку по линии р. Бобрик и далее до соприкосновения с противником. В районе с. Лунин бригадной саперной ротой были устроены опорные пункты и засеки.

Баталион 87 стр. полка с командой пеших разведчиков этого-же полка был выдвинут в район с. Дятловичи, ведя разведку на Бастынь для обеспечения Лунинецкого узла и всего расположения дивизии с севера и северо-запада.

Штаб бригады и по баталиону 85 и 87 стр. полков, в качестве резерва командира бригады, находились в м. Лунинец.

86 стр. полк той-же бригады находился в распоряжении командования дивизии, в качестве дивизионного резерва в районе с. Большие Орлы.

28 стр. бригада: 83 стр. полк в с. Плотница, имея сторожевое охранение по р. Стырь от ее устья до с. Вуйвичи включительно;

Посишин
Бастынь
1б-н. 87 с. п.
Дятловичи
Лунин
1б-н. 85 с. п
87 п
85 п
Вулька
29 с. бр.
ст. Парохонск
2-я БР.
18 Вел. Польск див.
Пинск
Лунинец
24 с. бр.
30 с. бр.
Цна
Р. Лань
Р. Глухая Лань
Р. Случь
Р. Цна
Лахва
Микров
Ситница
Отряд Булаховича
Стахово
Р. Припять
Вуйничи
Плотница
1б-н 83 с. п.
Осовая
84 сп
Р. Стырь
Гривновичи
Бор. Орлы
86 сп.
Давид Городок
ст. Видибор
Цмень
Видибор
10 с. д.
С
Ю
Глинка
Городно
Столин
82 сп
ст. Горынь
Р. Горынь
Высоцк
Масштаб
0
10
20 вёрст
Условные знаки
разведка
охранение
наши войска
противник

последний пункт занят был особенно сильно, имея в виду, что в нем имелась паромная переправа на большой дороге из Пинска на м. Давид-Городок; далее сторожевое охранение шло примерно на с. с. Рухче-Цмень-Глинка, в окрестностях последней смыкаясь со сторожевым охранением 82 стр. полка. Последний с 4 легкой батареей занимал одним баталионом м. Столин, имея в сторожевом охранении другой баталион по линии Цмень, раз'езд Горынь и ведя пешую разведку по обоим берегам р. Горынь на Городно и Высоцк.

1-ый легкий артиллерийский дивизион был придан 83 стр. полку, а 84 стр. полк—бригадный резерв—располагался в с. Оссова. Штаб 28 стр. бригады находился в с. Видибор. Поздно ночью в с. Видибор подошел от с. Городно 10-ый кав. полк. Штаб дивизии был расположен на ст. Видибор, имея при себе в качестве прикрытия дивизионную школу.

Тяжелая артиллерия дивизии, имея в виду крайне неблагоприятные условия для нее по свойствам местности (закрытая, лесистая, с очень плохим наблюдением и кругозором) и общую малочисленность дивизии, а также крайне изнуренный конский состав, заблаговременно была отправлена в тыл.

Всего командование дивизии располагало 1690-1800 штыков, 16 легкими орудиями (3-ий легкий артиллерийский дивизион находился при 3 стр. бригаде) и 200-250 сабель.

Еще приступая к наступательной операции на Ковель, командованием дивизии были приняты меры к возможному обеспечению дивизии от всяких случайностей, путем соответствующей подготовки тыла к более свободному и гибкому маневрированию.

Самым опасным для дивизии по свойствам местности являлось-бы быть втиснутой в водный мешок, образуемый слиянием рек Припяти и Горыни, при условии недостаточного количества переправ на них. Поэтому заблаговременно были устроены переправы через р. Припять, через взорванный железнодорожный мост, до возможности передвигаться по нем пехоте, коннице и легким повозкам и приспособления большой баржи в качестве парома для переправы артиллерии и тяжестей; через ту-же реку, южнее м. Лахва, на месте уже существующего парома, путем приспособления более емкой баржи—для переправы артиллерии и, наконец, через р. Горынь у Давид-Городка была также усовершенствована существующая паромная переправа. Не довольствуясь этой работой, 10-ый инженерный баталион тотчас по ее окончании приступил к усовершенствованию путей в тылу, особенно на участках, прилегающих к переправам, и к устройству предмостных укреплений у переправ. Эта система переправ обеспечивала за дивизией возможность, в случае необходимости, либо свободно

целиком перейти на левый берег р. Припяти, перенеся свою коммуникационную линию вдоль железной дороги Лунинец-Гомель, либо, наоборот, целиком стянуться на правый берег Припяти, имея коммуникацию вдоль правого берега р. Припять по Мозырскому тракту. Кроме того они-же обеспечивали поддержание связи между частями дивизии в случае одновременных действий по обоим берегам реки.

В последнем случае особое значение имели переправы у раз'езда Припять, почему для специального их обеспечения был поставлен заградительный отряд дивизии.

Связь, при столь разбросанном расположении дивизии, была организована следующим образом.

Прежде всего полностью использованы были существующие постоянныя линии вдоль железнодорожных линий и вдоль тракта Пинск, Давид-Городок. Мозырь. В с. Большие Орлы была устроена тыловая центральная станция, от которой был подан провод на м. Лахва; таким образом штаб дивизии на случай повреждения магистрали Лунинец-ст. Горынь мог держать связь со своими штабами бригад через с. Большие Орлы, т. е. с тылу; на случай необходимости перенести штабам свое расположение далее в тыл тыловая связь таким образом являлась уже подготовленной; оставалось ее лишь несколько развить и дополнить.

Обращаясь к рассмотрению рубежей сопротивления в глубину, необходимо отметить, что командование дивизии предполагало, выдвинутыми вперед частями от 29 и 28 стр. бригад, оказать сопротивление противнику ровно столько времени, сколько потребно было для того, чтобы заствить его развернуться, обнаружить свои силы и выяснить направление главного удара.

Дальнейшими рубежами сопротивления должны были явиться: удобная для обороны—благодаря своему возвышенному положению—железнодорожная линия от ст. Лунинец до ст. Горынь с намечавшимися на ней главными узлами сопротивления—Лунинец, перекресток железной дороги и тракта Пинск-Мозырь у с. Оссова и район м. Столин-ст. Горынь. Наконец, далее—линии рек Цна и Ветлица и еще далее р. р. Лань и Случь.

Пока не выяснилось окончательно главное направление удара противника: по левому или по правому берегу р. Припять, дивизионный резерв—86 стр. полк—оставался на правом берегу реки в районе узла путей—с. Большие Орлы, откуда он легко мог быть переброшен на левый берег реки Припять.

Перевод его заблаговременно на левый берег реки являлся пока излишним, ибо были уже получены сведения о том, что к Лунинцу от м. Логишин двигается 24 стр. бригада, которая, хотя и оставалась в распоряжении командования армией, но несомненно одним своим

присутствием в районе м. Лунинец являлась уже до известной степени опорой 29 стр. бригады.

Оценка расположения. Передовая линия сопротивления, долженствующая задержать противника, заставить его обнаружить свои силы и намерения, занята тремя баталионами (из общего количества 12); линия эта не занята равномерно: по условиям местности и свойствам сети путей, отходящих от противника в наше расположение, на ней намечаются более густо занимаемые узлы сопротивления, именно Лунинец, переправа у с. Вуйвичи и район Столин-раз'езд Горынь.

Изолированное положение дивизии, без войсковой связи с соседними армиями на много десятков верст, заставляет особенно подумать о безопасности флангов; отряды их обеспечивающие должны быть в таком удалении от расположения главных сил дивизии и такой силы, чтобы дать возможность командованию дивизией *своевременно* принять решение и *время* на приведение этого решения в исполнение.

Поэтому с правого фланга все расположение дивизии обеспечивается баталионом и командою пеших разведчиков 87 стр. полка в районе с. Дятловичи, на пути, ведущем в обход всего расположения дивизии с севера, а с левого фланга расположением 82 стр. полка с батареей в районе м. Столин-ст. Горынь—на путях, ведущих в обход всего расположения дивизии с юга по обоим берегам реки Горынь.

Более солидно обеспечить левый фланг дивизии было признано необходимым в силу того, что накануне были получены сведения, впоследствии не подтвердившиеся, о движении колонн противника по обоим берегам р. Горынь на север.

В совокупности войска сторожевого охранения и войска, обеспечивающие фланги—всего 5 баталионов—должны в полной мере дать дивизии *свободу действий*, необходимую для нее тогда, когда выяснится направление главного удара противника и его намерения.

Остальные баталионы, которые первоначально не предполагалось ввести в дело, располагались групповым способом вблизи главных узлов второго оборонительного рубежа, на котором предположено было оказать более длительное сопротивление и на путях наиболее удобных как для развития наступления противника, так и для продвижения их вперед в случае необходимости.

Если-бы кавалерия дивизии не получила специального задания от армии, потребовавшего отхода в тыл, она была бы выброшена на направление, по которому обнаружилось бы продвижение главных сил противника, а временно, за вычетом расхода на разведку, находилась бы в резерве.

Завязка боя. Под вечер 1 октября разведка 29 стр. бригады обнаружила накапливание противника в районе ст. Парохонск, а пешая

разведка 83 стр. полка, выкинутая на левый берег р. Стырь, начала отходить под натиском передовых частей противника, двигавшихся от г. Пинска.

Оттеснив нашу пешую разведку на правый берег р. Стырь, противник—отряд Булах-Балаховича—распространился по левому ее берегу от устья, примерно, до с. Гривковичи.

Попытка его передовых частей немедленно форсировать реку в районе с. Вуйвичи была отбита, а небольшие его партии, успевшие было перебраться на наш берег, были прогнаны обратно за реку сторожевым охранением, поддержанным ротой резерва.

С наступлением полной темноты противник дальнейших активных попыток не предпринимал и ночь на участке дивизии прошла спокойно.

Развитие и ход боя. С утра 2 октября противник перешел в наступление почти на всем фронте дивизии.

На участок 29 стр. бригады, именно на баталион 85 стр. полка у с. Лунинца, с утра обнаружилось наступление значительных сил противника от ст. Парохонск.

Части Булах-Балаховича около 10 ч. утра, пользуясь проводниками из местных жителей, успели скрытно переправиться через р. Стырь у ее устья и лесными глухими тропинками двинулись на с. Плотница мимо с. Стахово.

Кавалерия Булах-Балаховича переправилась через р. Стырь южнее Гривковичи и двинулась в охват сторожевого охранения 83 стр. полка с юга.

Это последнее с боем, и частично пробиваясь, начало отходить на с. Плотница на баталион полкового резерва, который занял позицию у этого селения.

В дальнейшем 83 стр. полк, при поддержке 84 стр. полка и 1-го легкого артиллерийского дивизиона, задерживая наступление противника, начал постепенно осаживать на линию железнодорожного полотна, где и задержал наступление противника до вечера.

Конница Балаховича, переправившаяся южнее с. Гривковичи, двинулась глубоким обходом с юга, но в районе с. Глинка была сначала задержана сторожевым охранением 82 стр. полка, а далее наткнулась на главные силы полка и, понеся значительныя потери, частично рассеялась и в дальнейшей операции уже никакого почти активного участия не принимала.

Около 13 часов противнику пришлось развернуть значительные силы против баталиона 85 стр. полка в с. Лунинец; постепенно разворачиваясь и введя в дело артиллерию, противник около 15 часов начал сильно теснить этот баталион. Тогда из резерва командира бригады был выделен другой баталион того-же полка, который,

выдвинувшись к с. Вулька, принял отходивший от с. Лунинец баталион. Примерно около полудня в м. Лунинец прибыла 24 стр. бригада 8-ой стр. дивизии, численностью не свыше 800 штыков, без артиллерии и почти одновременно 30 стр. бригада, совершившая в течение нескольких дней ряд форсированных маршей с боями, сильно истрепанная и измотанная, численностью не свыше 600 штыков, в состоянии весьма мало в данный момент боеспособном.

Артиллерия этой бригады двигалась кружным путем и еще не успела присоединиться к ней.

Около 16 часов начальник дивизии после указаний, данных командиру 28 стр. бригады в с. Видибор о дальнейшей организации боя с Булах-Балаховичем, через раз'езд Припять прибыл на ст. Лунинец, где от командующего IV-й армией получил приказ о начале отступления дивизии и получил в свое распоряжение 24 стр. бригаду. Таким образом, начиная с этого времени, действия дивизии должны были вылиться в преднамеренно-отступательный бой.

Тем временем противник, вводя в дело все новые и новые силы, начал вновь решительно теснить 85 стр. полк.

В силу нового задания, выпавшего на долю командования 10 стр. дивизии, не представлялось уже более необходимым вводить в дело новые части, а предстояло, наоборот, разрешить вопрос о планомерном выходе из боя и отступлении.

Около 17 часов в штаб 29 стр. бригады были собраны командиры всех 3-х бригад, им были отданы следующие распоряжения:

Командиру 30 стр. бригады немедленно собрать свою бригаду и следовать с нею через м. Лахва в район с. Мокров—р. Лань, куда прибыть не позднее утра 3 октября. По прибытии в назначенный район занять рубеж р. Лань и приступить к его укреплению.

Командиру 24 стр. бригады было приказано развернуть свою бригаду по линии безымянной речки, что восточнее м. Лунинец и вдоль полотна железной дороги и пропустить через себя отходящие части 29 стр. бригады.

Командиру 29 стр. бригады было приказано начать отход, опираясь на баталион 87 стр. полка, еще остававшийся у него в резерве, для чего баталионом этим занять западную окраину м. Лунинец.

По выходе частей бригады из боя и прохождении через расположение 27 стр. бригады устроиться за р. Цна, притянуть к себе баталион 87 стр. полка из с. Дятловичи и известить о занятии расположения за р. Цна командира 24 стр. бригады, который лишь после этого должен был начать свой отход от м. Лунинец и, следуя через с. с. Лахва и Мокров, прибыть в с. Ситница, где и поступить в общий резерв дивизии.

3-ья легкая батарея должна была оставаться при 24 стр. бригаде, а после выхода ее из боя вновь поступала в распоряжение командира 29 стр. бригады.

28 стр. бригаде через с. Бол. Орлы, при посредстве начальника штаба дивизии там находившегося, была дана директива, организуя свой отход вышеуказанным способом, к рассвету 3 октября отойти в район с. Бол. Орлы и далее продолжать свое движение с таким расчетом, чтобы 5 октября прибыть в район м. Туров, откуда в районе ст. Житкевичи искать связи со штабом дивизии для получения новых директив.

Технические условия и значительное удаление пути отхода этой бригады от пути отхода прочих бригад дивизии и штаба дивизии не позволяли расчитывать на поддержание с нею регулярной связи, особенно технической, на марше.

Дивизионному резерву: 86 стр. полку приказано было из с. Большие Орлы следовать к с. Мокров, где и присоединиться к своей бригаде.

Дивизионному заградительному отряду и дивизионной школе было приказано: обеспечивая внутренние фланги частей дивизии, действовавших по обоим берегам р. Припять, основательно портя все переправы через эту реку, следовать вдоль ее левого берега на паромную переправу южнее м. Лахва, а далее на Мокров, на присоединение к главным силам дивизии.

Благодаря принятому способу отхода назад системой перекатов до выхода из под непосредственных ударов противника отход в дальнейшем происходил в полном порядке и наступление противника, задерживаемое последовательно на ряде позиций свежими частями, значительно замедлилось в своем развитии.

Часам к 19-ти части 29 стр. бригады с боем осадили на выдвинутый на их поддержку баталион 87 стр. полка и в 19 часов начали проходить через м. Лунинец через расположение 24 стр. бригады, к этому времени уже успевшей занять указанную ей позицию.

Противнику, правда, удалось ворваться в м. Лунинец, распространившись, главным образом, по его западной окраине, но в дальнейшем его наступление, встреченное сопротивлением 24 стр. бригады, развития уже не получило.

К рассвету 3 октября 29 стр бригада заняла указанное ей положение, после чего 24 стр. бригада приступила к постепенному очищению своей позиции.

Пропустив достаточно вперед 24 стр. бригаду, 29 стр. бригада около полудня 3 октября, не тревожимая противником, снялась со своей позиции и двинулась на с. Мокров, где к ней присоединился успевший подойти 86 стр. полк.

Во время всех этих передвижений полевой штаб дивизии находился, регулируя все движение перекатами, сначала в м. Лунинец, затем в с. Цна, после чего перешел в м. Лахва и далее тоже двинулся на с. Мокров.

По отходе за р. Лань дивизия продолжала свой дальнейший отход, уже совершенно не тревожимая противником.

Если-бы противник, не ограничиваясь занятием м. Лунинец, продолжал свое дальнейшее наступление, то он был-бы встречен вновь готовыми к бою частями дивизии, сначала за р. Цна, которые, заставив его опять развернуться и не доводя решения до конца, отошли-бы на 30 стр. бригаду, успевшую уже к тому времени достигнуть указанного ей рубежа и устроиться на нем.

Заключение.

В предлагаемом исследовании мы старались показать, что во многих операциях отступательный бой может иметь вполне законное место, как один из частных эпизодов, на которые распадается вся операция, преследуя в окончательном виде иногда и совсем иные цели.

В дальнейшем мы установили, что при некоторых видах боевой деятельности войск и преднамеренно-отступательному бою в сочетании с маневром будет принадлежать исключительное значение как решению, позволяющему с наименьшей затратой сил и энергии и наименьшим риском вполне достигнуть желаемых результатов.

Мы установили, что, в случаях не требующих *окончательного решения*, а лишь *выигрыш времени* без риска отдельного поражения своих войск, это будет наиболее законная форма боя.

В дальнейшем мы пришли к заключению, что таковыми случаями в боевой деятельности войск будут именно те из них, кода командование, желая сохранить за собою в возможно полной мере *свободу действий*, организует *безопасность операции* посредством службы обеспечения.

Последняя должна предусматривать в широком смысле, как гарантирование маневренной свободы охраняемых войск, так и в более узком, чисто материальной, если можно так выразиться, их страховки от внезапного огня противника, от его налетов, нечаянных нападений и пр. И то и другое требует минимального расхода сил, имея ввиду сохранение в распоряжении командования возможно большего количества свободных войск для осуществления своих главных решений, а, следовательно, как правило, обусловливает малочисленность войсковых частей, назначаемых для несения службы обеспечения.

Исходя из вышеизложенного мы установили, что именно в силу вынужденной своей малочисленности *войска обеспечения*, разумея под

этим термином авангарды, арьергарды, боковые авангарды, отряды, выделенные на фланги и пр., должны будут преимущественно прибегать к форме боя *преднамерен но-отступательного*.

Из двойной цели, которая ставится войскам (отрядам) обеспечения: *наблюдать* за неприятелем и *замедлять его приближение* вытекают и способы действий этих отрядов, а тем самым и медленность его продвижения; занимать и удерживать за собою позиции ровно столько времени, сколько этого требует обстановка и благоразумие, но отнюдь не больше; отступать возможно медленнее и планомернее; принимать все меры против обходов, памятуя, что войска обеспечения, будучи обойдены, теряют всякое значение.

На основании целей, которые должны преследоваться *войсками обеспечения* всех назначений, и способов их действий мы установили и тактику различных родов войск, входящих в состав отрядов обеспечения, в преднамеренно-отступательном бою, основанную на специальных свойствах каждого рода оружия и их численное взаимоотношение.

Наконец, мы проследили способ действий войск и командования перед началом боя, в момент развития его и прекращения, и очертили как особенности этого боя, так и те специальные требования, которые при этом должны быть соблюдены и войсками, и командованием.

В пределах, возможных для теоретического исследования, мы постарались определить момент, когда сопротивление с впереди-лежащего рубежа должно уже быть отнесено назад.

Мы нарочно более подробно и детально остановились на тех сторонах боевой деятельности войск, в рамках которой, сообразно обстановке, преднамеренно-отступательный бой является наилучшим решением, почему техника его выполнения и заслуживает внимания и изучения.

В заключение мы должны отметить, что преднамеренно-отступательный бой для своего планомерного ведения пред'являет высокие требования к выучке, дисциплине, втянутости в боевую жизнь и духу войск и начальников.

Само собою разумеется, что преднамеренно-отсупательный бой не является никогда решительным, а потому применение его вне рамок указанной в исследовании обстановки будет не полезно, а вредно.

Как всегда, венцом искусства полководца должна быть наступательная операция, заканчивающаяся таким-же боем, как единственно дающим решительные результаты, но вспомогательное значение преднамеренно-отступательного боя, как иногда единственного средства, все таки настолько велико, что заслуживает внимания и исследования природы и свойств этого вида боя, а также и случаев его применения.

М. А. Баторский.

Преследование и выход из боя.

Задача стратегии при отступлении— вернуть армии оперативную свободу движения.

Шлихтинг.

Из всех операций наиболее сложной и трудной является выход из боя и отход, в особенности после большого сражения.

Ряд боевых эпизодов войны 1914—18 г. г. и гражданской войны показывает, что в период отхода части несли наибольшие потери в людях, лошадях и материальной части. Кроме того за время отхода наблюдалось наибольшее разложение в частях и упадок сил; в большинстве случаев отходы протекали неорганизованно. Нередки случаи, когда победоносно наступавшие армии, после блестящего продвижения и преследования противника, оказывались в положении битых и опрокинутых тем самым противником, который так недавно поспешно отходил.

В начале войны 1914 года, армия Ренненкампфа, вторгнувшись в Восточную Пруссию, через месяц отходила в безпорядке к государственной границе и откатилась почти к самым стенам Ковенской крепости. То-же мы видим в армии Самсонова, потерявшей в боях под Сольдау свыше 75 процентов своего состава и ставшей не боеспособной.

В том-же году австрийская армия, дошедшая почти до Люблина, откатывается с молниеносной быстротой, очищает не только русскую территорию, но и всю Восточную Галицию и останавливается лишь в предгорьях Карпат.

Эта-же армия, оправившись в 1915 году, под руководством генерала Макензена приводит в исполнение знаменитый прорыв под Тарновом, который дает в руки австро-германцев всю Галицию и Польшу. В 1916 году воскресшая и реорганизованная русская армия переходит снова в наступление и наносит австро-германцам чувствительное поражение. Однако до разгрома дело не доходит и наступление разбивается об укрепленные позиции немцев.

Наиболее выпуклым примером служит период боев в Румынии. Столь блестяще начатое наступление румынской армии завершилось

полнейшим ее разгромом и потерей столицы. Положение было восстановлено ценой переброcок нескольких русских корпусов и конницы. Такую-же картину мы наблюдаем в Сербии, которая потеряла всю территорию и собрала на острове Корфу лишь небольшие кадры своей, некогда блестящей, маленькой армии.

На франко-германском фронте и на итальянском, где бои носили иной характер, таких больших колебаний фронта не наблюдалось. Здесь, кроме первых столновений, закончившихся марнскими боями, сражения носили чисто позиционный характер и колебания исчислялись километрами.

Веденная Россией с 1918 года гражданская война дает ряд характерных примеров колебаний фронта, быстрых продвижений и стольже быстрых отходов.

Взять хотя-бы движение 7-й армии в пределы Латвии и Эстонии. Пройденное до Ревеля пространство было ею отдано в течение двухтрех дней. Такие-же резкие колебания наблюдались на востоке, когда Красная армия, отходила от предгорьев Урала. к Волге, на юге, где Деникину в октябре 1919 года удалось дойти до Орла, и отсюда пришлось безудержно катиться вспять, под ударами только что отходившей Красной армии, которой он был впоследствии разбит и принужден ликвидировать свой фронт.

Блестяще начатое наступление против Польши привело Красную армию к стенам Варшавы и к отходу почти в исходное положение, с которого было начато наступление. А между тем, как видно из отзывов немецкой печати, в Германии, полякам и восточной политике Антанты пели отходную и считали дело Польши непоправимым (статьи майора Прей в „Berliner Tageblatt“ в августе 1920 года).

Приведенных выше примеров достаточно, чтобы доказать существующую тесную связь между преследованием и отходом. Как видно, армии после выигранных сражений и длительного преследования, по истечении известного промежутка времени оказывались в положении битых и вынужденных к быстрому отходу, сопряженному с большими потерями в людском составе и материальной части.

Это дает основание считать, что существует какой-то закон, по которому при современных массовых армиях наступающий и преследующий, если им не будут приняты какие-то меры, может оказаться в положении преследуемого и лишиться всех плодов своих побед.

Вместе с тем это доказывает, насколько трудно организовать правильное преследование и умелый выход из боя. „Отступление после неудачи, одна из труднейших задач на войне, ибо нет времени на его подготовку и не все части способны к выполнению задач арьергарда“, говорит Незнамов.

Действительно наиболее трудной и сложной задачей является выход из боя, в особенности после большого сражения; заблаговременный отход или уклонение от боя осуществить гораздо легче.

Попробуем несколько разобраться в тех причинах, которые влияют в той или иной мере на упорядочение выхода из боя, существовании связи между преследованием и поражением с отходом и теми мерами, которыми оказалось-бы возможным предовратить это поражение и отход после блестящего наступления.

Многое зависит от плана действий, приводимого в исполнение с об'явлением войны. Важно с первых-же дней сохранить свободу действий и маневра и быть хорошо осведомленным о группировке и силах противника.

В этом отношении должа работать с полным напряжением разведка всех видов (агентурная, конная, воздушная и пешая при сближении), широко освещая высшему командованию обстановку, без чего войска вступят в бой вслепую. Однако, получаемые сведения, служа необходимым коррективом, не должны влиять в смысле изменения решения, ранее принятого командованием. Основная идея должна остаться прежней; всякие колебания ощущаются весьма болезненно войсками и подрывают авторитет начальников и веру в их способности.

По мере постепенного развития хода операции войска начнут сближаться, войдут друг с другом в тесное соприкосновение, которое и должно будет привести в конечном счете к сражению. Важно выиграть это первое сражение и тем самым поднять настроение в войсках, вселить в них дух бодрости и веру в свои силы. Поэтому выигрыш боя должен быть всемерно обеспечен. Однако при современных столкновениях массовых армий, дерущихся на большом (широком) фронте, мало вероятий, чтобы первое-же сражение могло-бы привести к столкновению всех сил, выставленных с обоих сторон, и могло-бы заставить противника отходить на всем фронте. Более вероятным кажется, что это первое сражение явится с обоих сторон пробным, где противники лишь будут обоюдно знакомиться с тем, чтобы впоследствии уже, как следует, навалиться.

Это первое сражение будет для обоих сторон весьма знаменательным и позволит командованию, всесторонне оценив свое положение, принять дальнейшее решение, которое в конечном счете сведется к решению или продолжать продвижение, с целью развить первоначальный успех, достичь в наикратчайший срок решительных результатов и приблизить момент решающего сражения, или, наоборот, отказаться от этой мысли и оторваться от противника, чтобы спасти армию—ее живую силу и сохранить за собой свободу действий на будущее.

Рассмотрим первый случай, когда удалось отбросить противника, начавшегося отходить. В данном случае задача командования будет крайне щекотливой.

Ему придется преследовать две совершенно противоположные цели: 1) неотступно по пятам преследовать отходящего противника, не давая ему опомниться; 2) подвести наиболее свежими и с готовым тылом главные силы к решающему сражению, т. е. к тому моменту,

когда противник после отхода остановится и решится, в выгодных для себя условиях, дать бой.

Первое требование приводит к необходимости иметь сильные и подвижные авангарды, способные сломить сопротивление противника, его арьергардов.

Без этого выдвижение за линию частей, прикрывающих отход противника, которое может обеспечить преследующему получение более ценных сведений о планах противника и намечающейся у него группировке, невозможно.

Командование должно по ходу дела решить, где можно ожидать сопротивления со стороны противника и на какой линии он окажет более серьезное сопротивление арьергардами и главными силами. Обычно такой линией будет какой-нибудь естественный рубеж, удобный для обороны. Необходимо напрячь все силы, чтобы овладеть этим рубежом раньше, чем противник успеет осесть на него и закрепиться. К этому должен стремиться авангард преследующего, ценою даже больших потерь.

В своей стратегии Шлихтинг дает указание о большой целесообразности организации движения, прикрывая отход армий одним, а не несколькими арьергардами, имея на второстепенных направлениях лишь небольшие заслоны. Можно считать, что это одинаково применимо в отношении авангардов.

Основная задача, которая должна преследоваться авангардом— пробить завесу арьергардов противника и, заглянув глубоко в тыл, произвести у него беспорядок, помешать приведению в исполнение намеченного им плана и своевременно дать знать своему командованию обо всем замеченном.

Для этой цели окажется, безусловно, выгоднее иметь один сильный авангард, руководимый опытным и хорошо известным начальником, чем ряд мелких, неспособных к проявлению инициативы, авангардов. К тому-же один такой авангард возможно лучше снабдить, обеспечить и подобрать в состав его соответствующие части. Он станет действовать на наиболее важном для нас направлении, а на второстепенных будут следовать небольшие заслоны, которые в отношении своего продвижения окажутся в полной зависимости от движения авангарда. Он будет прокладывать дорогу и пробивать своим наступательным движением путь для остальных частей. Результат движения такого сильного авангарда будет значительно ощутительнее и приведет к большим достижениям. По прорыве линии арьергардов он будет действовать, в случае надобности, не только вперед, но и радиально. Вышеизложенное позволит выдвинуть положение, по которому *наступающему, после выигранного сражения, следует обеспечить себя одним сильным, способным к самостоятельным действиям авангардом, который бросить в наиболее выгодном для себя направлении, по общему замыслу намеченного плана действий.*

Этот авангард должен быть богато снабжен конницей, не раздробленной, а действующей цельной организационной единицей, при полном взаимодействии с приданной пехотой и артиллерией. Вполне точно определить состав такого авангарда затруднительно, приблизительно желательно иметь не менее дивизии кавалерии и до бригады пехоты с облегченным тылом. Авангарду следует придать бронесилы и авиасредства.

Второстепенные направления будут прикрыты небольшими частями, задача которых сводится к обеспечению колонн от неожиданностей и постепенному продвижению за отходящим противником, продвигаясь, где нужно, и с боем.

Действия такого авангарда должны быть крайне решительными, а если надо, то и дерзкими. Лишь этим путем можно достигнуть реальных результатов. При боевых действиях, во избежание лишних потерь, необходимо по мере развития боя искать возможности в полной мере использовать охваты и обходы. К прорыву силой прибегать только при невозможности применить первые две комбинации.

Лишь при такой системе авангард оправдает свое назначение, расшифрует намерения противника, сможет произвести в его тылу панику и беспорядок и осветить старшему начальнику, в достаточной мере, обстановку.

Таким образом разница между авангардом и остальными заслонами будет заключаться в том, что первому *необходимо искать боя с противником и боем выяснять обстановку, рискуя собой*, [от вторых-же этого не требуется; их главная задача не терять соприкосновения с противником, если можно, своими средствами выбить противника и предупреждать свою колонну о всех замеченных существенных переменах.

Наконец авангарду должна быть обеспечена прочная связь со старшим начальником и главными силами; если потребует обстановка, вперед может быть выброшен оперативный пункт.

Из вышеизложенного видно, насколько ответственной является задача авангарда; она требует соответствующего подбора частей и начальника авангарда. Части должны быть проникнуты духом неослабного движения вперед и способны к проявлению инициативы. В их образе действий должна быть отвага, дерзость и элемент самопожертвования в нужную минуту. На этот авангард при завязке решительного сражения старший начальник, с точки зрения силы, рассчитывать не должен. Части авангарда явятся резервом старшего начальника; с развертыванием главных сил фактически кончается работа этого авангарда. В этом будет отличие его от действий авангарда, как у нас их принято понимать; это вполне понятно, ибо с подходом к полю сражения каждой колонне придется иметь вне зависимости от этого свой авангард.

Такой авангард может быть выброшен вперед на три или четыре перехода. Это тоже одно из тех условий, которое приведет к необходимости каждой колонне обеспечить себя охраняющими частями.

Таким образом, на армейском участке в 4-5 дивизии (схема), при преследовании на важнейшем направлении, вперед будет выброшен авангард силою до одной кавалерийской дивизии и одной стрелковой бригады, сзади, в трех или четырех переходах, будут двигаться главные силы, прикрытые своими небольшими охраняющими частями, которые могут быть с подходом к полю сражения усилены до уставной нормы авангарда.

Однако из этого не следует, чтобы действия конницы были стеснены присутствием пехоты. В случае надобности конница действует самостоятельно и вне зависимости от пехоты.

Пехота авангарда закрепляет успехи конницы, способствует удержанию захваченного при контр-атаках пр-ка; при невозможности коннице продавить завесу арьергарда противника, это делает пехота авангарда. Поэтому в случае надобности конница может двигаться быстрее пехоты авангарда, которая при первой возможности наверстает расстояние.

Для ускорения ее движения желательно использовать, где это возможно, обывательские подводы.

Такая группировка будет вызываться самой обстановкой. Противник будет безусловно стремиться при неудаче оторваться от наступающего, но именно этого ему позволить нельзя, так как это вернет ему свободу действий.

Предлагаемая схема движения, вероятно, встретит не мало возражений. Но как иным путем соединить две, столь различные задачи, как неотступное преследование и подход к полю сражения со свежими главными силами и организованным тылом? Двигаться со всеми силами вперед, не обращая внимания на свой тыл, крайне рискованно и может неминуемо привести, как это и наблюдалось, к полному краху, потому что войска подойдут к полю сражения усталыми, без огнеприпасов, с дезорганизованным тылом и без связи, в то время, как противник, откатывавшийся на свой тыл, встретит наступающего во всеоружии, что и приведет с его стороны к контр-удару и вероятной неустойке наступающей стороны. Следовательно приходится констатировать необходимость главными силами идти медленнее, чем отходящий противник, что даст ему возможность оторваться от наступающего. Так как это крайне невыгодно, ибо позволит ему ускользнуть от преследования, вслед за ним надо будет посылать вышеуказанный авангард. Задачей его будет не дать противнику уйти, быть все время с ним в соприкосновении, беспокоить его и доносить по линии старшему начальнику, благодаря чему войска наступающего не пойдут уже вслепую, а будут знать обстановку к моменту начала сближения. В отношении деятельности, начальнику авангарда должна быть предоставлена широкая самостоятельность; руководить его работой

старший начальник не сможет, он должен только дать ему вполне определенную задачу и указать на свои планы и предположения на будущее. Этого вполне достаточно, дальнейшая работа будет зависеть от сметливости и личных качеств начальника авангарда.

Суммируя все вышеизложенное, можно указать, что после первого столкновения, закончившегося удачно и приведшего к отходу противника, высшему командованию надлежит: 1) немедленно с перестроением войск в походные колонны, выделить сильный авангард, который бросить в наиболее выгодном для наступающего направлении, исходя из будущего плана действий; 2) дать вполне исчерпывающую директиву начальнику авангарда, детально ознакомив его с предстоящим планом и предположениями высшего командования; 3) принять меры к полному обеспечению авангарда средствами связи, огнеприпасами и продовольствием из числа того, что нельзя получить на месте; 4) наметить группировку главных сил и организовать их движение с таким расчетом, чтобы к полю сражения войска подошли свежими и во всеоружии; 5) следить за оборудованием тыла и сохранения в нем порядка; 6) наметить те рубежи, на которых противник мог-бы оказать сопротивление, приняв меры к более детальному их изучению с подходом к ним (надо полагать, что противник постарается уйти от наседающего не менее как на 3 или 4 перехода, раньше этого вряд-ли он окажет серьезное сопротивление); 7) не рассчитывать на авангард, как на силу, могущую быть использованной в предстоящем сражении, а как на свой резерв.

Естественно, что такая организация марша с выделением авангарда осуществима лишь в условиях широкой маневренности, допускающей большие колебания фронта. В позиционной войне это неприменимо, равно как и в условиях нормального отхода, когда после неудачи обе стороны разделяет не больше одного-полутора переходов. При таких условиях колонны выбрасывают каждая от себя свой авангард. Но вероятнее всего, что противник сразу-же оторвется от наступающего, уже по одному тому, что ему это выгодно, т. к. дает выигрыш пространства и свободу маневра.

Таким образом, при удаче, выброшенный вперед авангард будет продвигаться, пробивая ряд арьергардных позиций противника, пока не наткнется на серьезное сопротивление, которое послужит предвестником, предстоящего боя главных сил.

Противник при своем отходе первоначально будет стремиться задержаться на естественных рубежах или базироваться на созданные еще в мирное время укрепления, если таковые будут, т. к. врядли ему удастся создать с первых дней войны необходимое количество фортификационных сооружений. Таковые появятся лишь по мере дальнейшего развития хода операции и перехода от широкой маневренности к смешанной системе маневрирования и позиционных участков, без которых, вероятно, не обойтись. Во всяком случае нас-

тупающий должен быть хорошо осведомлен об имеющихся у противника, еще в мирное время, укреплениях и их состоянии.

Если решающее сражение будет выиграно, начнется дальнейшее преследование противника. Вестись оно будет, придерживаясь вышеуказанных рамок вплоть до следующего сражения. Здесь, лишь в отличие от преследования, предпринятого после боев второстепенного значения, высший орган командования, заинтересованный окончательным уничтожением армий противника, может указать на желательные ему направления авангардов и об'екты действий.

Надо иметь ввиду, что первоначально преследование придется вести на более широком фронте, сетью авангардов, выпустив их вперед на расстояние до одного перехода, дабы замаскировать истинное направление, по которому будет брошен авангард и для более подробного выяснения истинного направления отхода главных масс противника. Это-же диктуется и тем, что вначале арьергарды противника будут обладать большим упорством, которое надо сломить с с первых-же дней для облегчения работы наступающему.

Возможен также случай, когда решающее сражение не приведет к окончательному поражению одной из сторон, а вынудит противников прибегнуть к лопате и искать исхода боя не в полевой войне, а в длительной позиционной. Это будет служить явным признаком упадка физических сил обоих сторон.

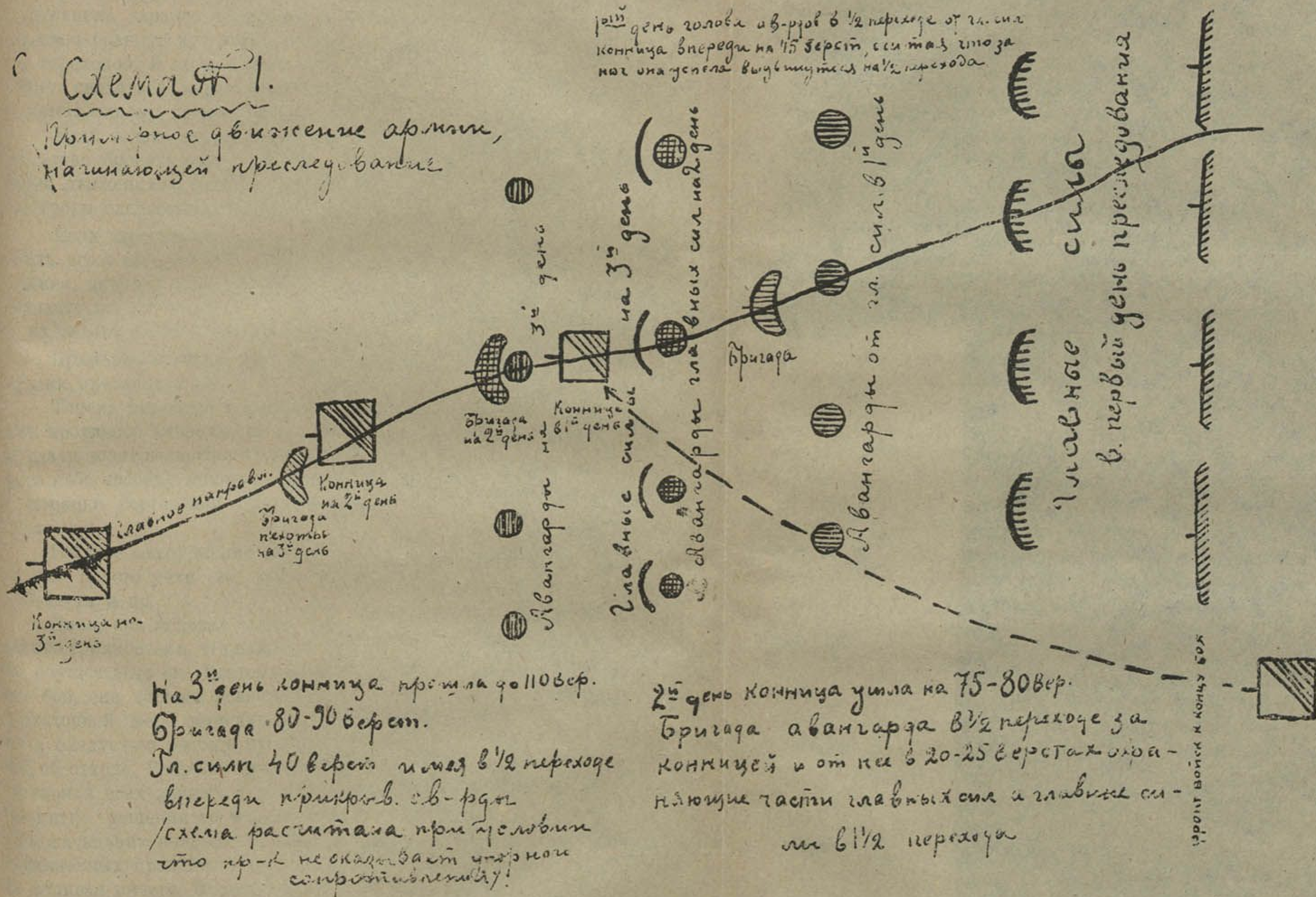
Если позиционная война будет вестись не на всем фронте, исход боя следует искать на маневренных участках. В ином случае останется один выход—прорыв укрепленной полосы. Взять укрепленную позицию с налета вряд-ли удастся, придется затратить не мало времени на подготовку.

Переход к позиционной войне является также и показателем значительного ослабления моральных сил сторон; поэтому в интересах наступающего вернуть войскам дух активности и способность к движению вперед, раньше, чем это сделает противная сторона или раньше, чем противник успеет настолько врыться в землю, что выбить его будет крайне трудно. Каждый день обороны или пассивности при переходе впоследствии в наступление потребует лишних жертв и сопряжен с большими трудностями при самом осуществлении плана.

Это также приводит к необходимости вести войска готовыми выдержать серьезный бой, т. е. диктуется необходимость вести главные силы на известном удалении от противника и сосредоточено, с готовым тылом.

Сам по себе, прорыв укрепленной полосы, при соответствующей подготовке и наличии технических средств, а также правильно выбранном пункте атаки, не так уже труден.

В отличие от маневренного боя, в случае неудачи, противнику дается возможность отойти заблаговременно, замаскируя отход арьер-

Схема № 1.
Примерное движение армии, начинающей преследование
1-ый день голова ав-рдов в 1/2 переходе от гл. сил
конница впереди на 15 верст, считая что за ног она успела выдвинуться на 1/2 перехода
Главное направл.
Конница на 3-й день
Бригада пехоты на 3-й день
Конница на 2-й день
Бригада на 2-й день
Конница в 1-й день
3-й день
Авангард на 3-й день
Главные силы на 3-й день
Авангард главных сил на 2-й день
Бригада
Авангард от гл. сил в 1-й день
Главные силы в первый день преследования
Фронт войск к концу боя
На 3-й день конница прошла до 110 вер.
Бригада 80-90 верст.
Гл. силы 40 верст имея в 1/2 переходе
впереди прикрыв. ав-рды
/схема расчитана при условии
что пр-к не оказывает упорного
сопротивлению/
2-й день конница ушла на 75-80 вер.
Бригада авангарда в 1/2 переходе за
конницей и от нее в 20-25 верстах охра-
няющие части главных сил и главные си-
лы в 1 1/2 перехода

гардами; последнее ему сделать легче. Самый отход поэтому будет более упорядочен.

Части будут отводиться или на ближайшую позицию, если у противника заранее оборудована целая система укреплений, как в германо-французскую войну, или-же сразу будут оттянуты на несколько переходов. В этом случае задача атакующего и преследующего будет сводиться к разгадыванию планов и намерений противника и немедленному преследованию отходящего по пятам.

Если только отход своевременно не обнаружен, придется первоначально бросить одну конницу, задачей которой будет форсированными движениями нагнать противника. Пехота будет идти вслед; для быстроты следования, желательно сажать ее на подводы.

Если противник снова осядет, следует принять меры, чтобы сбить его с занятых позиций в первые-же дни. При неудаче, авангард должен, вцепившись в противника, вести тщательную разведку и подготовить все необходимые данные к моменту подхода главных сил. С их вводом в бой начнется новая операция, прорыв и преследование.

Примерно в таком виде выльется работа авангардов и войск, ведущих преследование.

Теперь перейдем к рассмотрению одновременных действий и задач иротивной стороны, т. е. той, которая выходит из боя и после неудачи ищет возможность оторваться от противника и тем самым вернуть себе свободу маневра. Шлихтинг указывает, что выход из боя в порядке составляет труднейшую задачу в области тактики и стратегии.

Главное затруднение заключается в том, что вступившему в бой не так просто уйти из него незамеченным, по условиям времени, местности и др.

Днем, как показал опыт, отход почти невозможен и сопряжен с такими трудностями, что найдется мало начальников, которые решились-бы осуществить его. Поэтому войска должны считаться с тем, что, начав бой, они должны довести его до вечера. За день обстановка в достаточной мере выяснит, на что можно рассчитывать в дальнейшем; следует-ли вообще продолжать бой или правильнее отдать приказ об отходе. Решение принимается старшим начальником из сопоставления всех данных и сводок, полученных за день. Таким образом принятие решения во многом зависит от тех данных, которые старший начальник получает с мест. Поэтому необходимо добиваться от подчиненных правдивого освещения обстановки, без преувеличений и не утаивая ничего. В донесениях мало касаться одних оперативных вопросов, следует обязательно коснуться морального состояния войск. Очень хорошо, если старший начальник до отдачи приказа переговорит с подчиненными по проводу.

Не рекомендуется доводить бой до степени полного истощения физических и духовных сил бойца, ибо такое состояние войск может легко привести их к катастрофе. В таком случае лучше отойти. На

отход вовсе не надо смотреть, как на нечто позорное, недопустимое. Борьбу за каждую пядь земли, как это у нас водилось в 1914—1918 году, нельзя признать правильной. Фактически мы не достигали цели, теряли в людях, материальной части, зря трепали оставшийся кадр частей и в конечном счете все-же отходили и отдавали огромные участки территории. Проще было-бы сразу-же отойти на то-же расстояние, но без потерь, которые нельзя оправдать.

Развивая операцию, надо искать случай разбить живую силу противника, но если сражение привело к отрицательным результатам и противник сохранил свою боеспособность, а у другой стороны есть опасение, что ей не удержаться, следует всеми мерами спасать живую силу армии и не дать ей погибнуть в бесславных боях за каждый клочек земли, предоставив борьбу отдельно-выделенным для этой цели частям и оттянув главные массы войск.

Части, на которые будет возложена борьба, называются арьергардами.

На них падет задача сдерживать натиск противника.

Старший начальник, принявший решение отойти, намечает самый порядок отхода, число и силу арьергардов и те рубежи, на которых должно быть оказано сопротивление. Во франко-германскую войну следующий рубеж определялся имеющейся в тылу позицией. На восточном Русском театре, вследствие непонимания нами элементов боя и привычки цепляться за каждый холмик, войска отводились на небольшое расстояние, но обыкновенно не удерживались и отдавали громадные пространства. Такой отход не давал возможности оторваться от противника, что позволяло ему вести безнаказанно преследование и подставляло под его удары не только выделенные арьергарды, но и главные силы, окончательно деморализуя войска. В противоположность этому, в гражданскую войну Красная Армия при отходах отскакивала на большие расстояния, иногда слишком большие. Нормально, первый отскок исчислялся в три перехода, а иногда и четыре. При этом отходы протекали без системы и организации, что об'ясняется также слишком поздним, по времени, отходом войск, когда они уже фактически потеряли способность сопротивления.

Можно, приблизительно, считать нормальным отход главных сил на 3-4 перехода, т. е. на 75—100 верст. Если по обстановке будет видно, что и на новом рубеже, выбранном на этом расстоянии, войска по своему состоянию не способны к упорному сопротивлению, лучше отойти еще на два-три перехода.

Основной задачей командования будет: 1) своевременно учесть обстановку и дух войск, дабы во время начать отход и подготовиться к новой операции. Однако следует иметь ввиду, что войскам ни в коем случае не следует прививать понятие о возможности беспрепятственного откатывания. Части должны быть воспитаны в том духе, что по отходе они обязаны драться на вновь занятой позиции с полным упорством и знать, что дальнейшего отхода быть не должно. В этом

направлении следует обязательно работать, если только в войсках чувствуется колебание; 2) рассчитать, на какое разстояние следует отойти, т. е. где и на каком рубеже лучше и удобнее всего перейти в контр-наступление; 3) принять соответствующие меры к обеспечению железной дисциплины и порядка в войсках и, главным образом, в тылу, для предотвращения беспорядков, паники и т. п. вредных явлений; 4) наметить силу, состав и задачи арьергардов; 5) в соответствии с намеченной линией обороны, с которой предполагается вновь перейти в контр-наступление, с отходом придавать войскам ту группировку, которая предусматривает осуществление и проведение в жизнь нового плана; 6) подянуть в эти районы резервы и необходимые средства для боя.

Наиболее тяжелыми будут отходы в первые три-четыре перехода; противник будет наседать более энергично, будет обладать большими средствами, как находящийся около своей базы. С другой стороны отступающий не успеет еще оправиться от потрясений неудачного боя и будет, поэтому, более впечатлителен. Поэтому в эти дни арьергардам придется выдержать более серьезный натиск и оказывать более серьезное сопротивление.

Их главной задачей будет: не дать себя опрокинуть и не позволить противнику пройти через их линию в тыл. Это указывает на то значение, которое приобретает правильный выбор начальника арьергарда и самый состав его. Теоретически определить точное количество арьергардов не представляется возможным. Это всецело дело старшего начальника. Вообще-же, это будет зависеть, главным образом, от числа направлений, которые следует прикрыть. Решение выделить арьергарды от всех колонн окажется правильным лишь с началом отхода. Когда-же начнется оттягивание известного числа сил в тыл и войска приступят к перегруппировкам, количество арьергардов придется сократить и ограничиться значительно меньшим числом, прикрывая наиболее важные направления. В отличие от преследования, при отходе войска должны быть настолько прочно прикрыты, что, в случае наличия нескольких важных в политическом и стратегическом отношении направлений, число арьергардов нельзя будет ограничить одним и считать такое положение правилом, а возможно выделение 2-х арьергардов и больше. При этом отход пехоты арьергарда прикрывается конницей, которая должна дать возможность пехоте после боя оторваться и отойти. Преждевременный отход конницы может поставить пехоту арьергарда в тяжелые условия.

В отношении численности арьергарда, при существующей организации Красной Армии, желательно иметь в его составе всю наличную конницу данного участка и если участок армейский, то до бригады пехоты, с артиллерией. Таким образом здесь, как и при наступлении, проводится принцип создания организации, способной к сопротивлению и самостоятельным действиям, обеспечивающим главной массе войск возможность безболезненного отхода. При возможности,

арьергардам придаются авиасредства и бронесилы. Кроме того принимаются меры к обеспечению непрерывности связи. Для этого, если нужно, выбрасывается вперед оперативный пункт или просто сборный пункт донесений.

Наконец командованию остается решить еще один серьезный вопрос—насколько в конечном счете следует отойти.

К этому вопросу можно подойти следующим путем. Отход преследует, сам по себе, стремление оторваться от противника и иметь достаточно свободы для начала новой операции. Эту свободу отступающий получит и может ею воспользоваться до известной степени только в том случае, если поставит противника в такие условия, при которых ему придется замедлить свое наступательное движение, ради сохранения полной боеспособности своих войск и тыла. Иначе говоря, с отходом на 4-5 переходов, можно считать себя до известной степени гарантированным, а при 6-7 переходах—уверенным в том, что противник начнет ощущать недостатки организации своего тыла. Если принять нормальным суточный переход в 20 верст для пехоты и 30 верст для конницы, получим в первом случае 80-100 верст и во втором 120-140 верст. Для кавалерии соответственно 120-150 и 180-210.

Следовательно, с отходом на 150-200 верст можно считать себя обеспеченным. Конечно, следует внести поправку за счет местности. Если окажутся выгодные рубежи ближе или дальше указанных норм, войска, естественно, должны осесть на них.

Помимо цифровых данных следует еще принять во внимание общее состояние армии. Если войска сильно потрепаны и деморализованы, лучше отойти на большее расстояние. Если части в массе сохранили свою боеспособность, отход может быть совершен, сравнительно, на-коротке.

В такую примерно схему выльются общие положения при отходе.

Из всего вышеизложенного видно, какая существует связь между преследованием и отходом. Первое стремится к сохранению теснейшей связи с противником, к движению неотступно, шаг за шагом за отходящим, действуя в нужном случае дерзко и навязчиво. Второе должно проявлять крайнее упорство, не допускать противника выйти себе в тыл и заглянуть на производящуюся там работу. Обе стороны стремятся создать для себя наиболее выгодные условия будущего боя. Отступающий, уклоняясь от боя до того момента, когда ему это выгодно, стремится поставить к этому решающему мементу своего противника в наименее выгодные для него условия боя. Преследующий, в свою очередь, должен всеми мерами стремиться сохранить свою инициативу и подойти к полю боя во всеоружии. Если он этого не сделает, а отходящему удастся оторваться и перегруппироваться, он неминуемо потерпит при столкновении неудачу, окажется в положении прижатого и будет вынужден поспешно уходить, спасая свои кадры. Ряд перечисленных выше примеров указывает на это с достаточной очевидностью. Все поражения были причиной отсутствия готов-

ности армии к серьезному сопротивлению в момент подхода к линии, на которой противник решил дать бой и где он к этому изготовился.

Вторгаясь в Восточную Пруссию, мы должны были знать, что с подходом к линии Кенигсберга немцы окажут нам серьезное сопротивление и что нельзя идти дальше без подготовки. Наша оплошность обошлась нам не в один десяток жертв и из-за нее мы теряли немало имущества. Та-же картина повторилась в Галиции. В одинаковой степени слабо было поставлено военное дело и в Румынии. Подготовки нами произведено не было, а между тем мы не могли не знать, что из себя представляет румынская армия. В эпоху гражданской войны эти примеры также нередки, но здесь они находят некоторое оправдание в слабой подготовке самой армии, ее командного состава, от которого нельзя было требовать того-же, чего от старых, опытных командиров, прошедших хорошую школу и проведших не один год на военной службе.

Поэтому, если в будущем мы захотим предотвратить возможность таких безудержных отходов после блестящих побед, нам надо будет иметь ввиду, что подход к полю сражения должен быть совершен во всеоружии. Иначе говоря: преследование поручить определенному числу войск, поставив ему ряд вполне конкретных заданий, а ядро вести в полном порядке для будущего сражения.

Правда, это требование до известной степени будет связывать командование, но в целях достижения основной задачи последнее обязано принять и меры предосторожности. Исключение составят моменты полного разгрома армии противника. Здесь, конечно, не приходится говорить о предосторожности, а лишь о преследовании в полной мере и всеми средствами, дабы окончательно добить врага. Однако такие случаи представятся не сразу и мало вероятий, чтобы противник с первых же дней оказался-бы настолько разложившимся, чтобы не был способен к сопротивлению. Больше вероятий, что он, видя свое безвыходное положение, или капитулирует на милость победителя, или отведет свои войска на территорию соседнего государства, стремясь сохранить кадры для будущей борьбы.

Таким образом, при преследовании и отходе или выходе из боя, главное значение отводится работе авангарда и арьергарда, а также разведке. Кроме того следует отметить значение духовных и нравственных сил армии. Наступающий идет вперед с приподнятым настроением, это настроение необходимо всемерно поддержать. Оно может понизиться лишь от усталости, недоедания и дезорганизации тыла. Эти недостатки, как говорилось выше, должны быть устранены, какою-бы ни было ценою.

У выходящего из боя настроение определенно подавленное. Нет веры в свои силы, в возможность победы, вместо этого проявления трусости, апатии, отсутствие способности к сопротивлению. Основная задача командования—вернуть войскам веру в свои силы, в свое командование, бороться против всякого проявления разнузданности

и беспорядка. Чем скорее удастся войскам вернуть их уверенность, тем скорее можно будет помышлять о новой операции. Из этого видно, что если у наступающего речь идет лишь о поддержании и сохранении духа, то у отступающего его следует создавать заново, а это, в связи с самым фактом отхода, который обыкновенно крайне трудно провести, вещь не легкая.

Несмотря на встающие затруднения, к этому следует стремиться всеми мерами и использовать для этого все средства, т. к. без этого войска не окажутся и в будущем достаточно устойчивыми и начатый первый отход может повлечь за собой откатывание по всему фронту, что равносильно полному поражению и приведет к окончательному разгрому живой силы. Поэтому, над вопросами преследования и выхода из боя, как наиболее трудными боевыми эпизодами, следует основательно подумать каждому начальнику, которому придется на войне руководить войсками и вести их в бой.

Уличный бой.

В отличие от прежнего устава полевой службы, устав Р.-К. К. Армии дает некоторые указания о системе ведения уличного боя, но того вопроса касается довольно поверхностно. Между тем следует считать, что вопрос уличного боя современем придется классифицировать, как бой, имеющий свою совершенно особенную физиономию и который придется выделить в области тактики в особый отдел.

За 3 года войны Советской России приходилось вести немало уличных боев, но до сего времени в печати этот весьма интересный вопрос совершенно не освещался. Поэтому не безынтересно ознакомиться с теми способами борьбы, которые применялись в Германии, и которые могут послужить некоторым дополнением к указаниям, изложенным в Полевом Уставе Р.-К. К. Армии.

В будущем-же является безусловно желательным уделить этому отделу большее внимание, вызывая на страницах военно-научных изданий по этому вопросу широкий обмен мнений.

Предлагаемый вниманию читателей очерк, является главой из труда капитана немецкой службы Рорбека—„Элементарная тактика“ (изд. 1920 г.).

„Войско, поставленное правительством для подавления беспорядков силой оружия или оказания одним своим присутствием давления на массы, нуждается во вполне ясном, точном и определенном письменном распоряжении.

Это приказание послужит основой для разведки данного пункта, в который правительство посылает войска. Эта разведка должна быть проведена кратко, тщательно и осторожно.

Разведчиками должны быть лица, пользующиеся особым доверием, с большим тактом, умеющие держать язык за зубами и в тоже время проворные, способные быстро ориентироваться в обстановке и способные разбираться в людях и массовых движениях.

Разведка должна преследовать две цели. Узнать и изучить способы действий своих противников, а также на какие гражданские

организации могут опираться и базироваться войска. Это—политическая сторона разведки. Но параллельно с ней должна вестись и чисто военная разведка. Первоначально разведчики должны войти в соприкосновение с вождями всех партий, даже враждебной стороны, и ознакомиться с политическим положением и настроением. Войсковая разведка будет направлена на освещение состояния вокзалов, разгрузочных платформ, важных отдельных зданий, районов, выгодных для атаки и обороны; к снабжению, в большом количестве, планами данного города с нанесением пунктов расквартирования войск, их политической благонадежности, мест арсеналов, наличия верных лазутчиков из местных жителей, способствующих передаче донесений и общения с лицами, верными правительству, которые остались в городе; мест складов, лазаретов, санитарных учреждений, типографий и т. п.

Начальник войскового соединения принимает решение на основании полученных разведкой данных. Естественно, что должны быть сделаны попытки разрешить конфликт без применения оружия.

Таким образом, придется вступать в переговоры с противной стороной, которой начальник войск может угрожать открытием военных действий, если взбунтовавшиеся не подчинятся требованиям правительства.

Но возможен случай, когда безусловно придется применять вооруженную силу и без нее вопроса не разрешить (например: обеспечечение ж.-д. линии).

В таком случае руководителю остается только решить, следует-ли ему заблаговременно предупредить о появлении войск или прибытие их должно быть неожиданным.

Заблаговременное предупреждение о прибытии войск может повлиять отрезвляюще на вождей противоположной стороны, дать им возможность раз'яснить своим единомышленникам положение, и при своей слабости заблаговременно положить оружие, не начиная кровопролития.

Неожиданное появление войск действует вызывающе и лишает возможности заблаговременно обсудить положение. С другой стороны, быстрое и неожиданное появление войск может зачастую предотвратить большое кровопролитие.

Перед вводом вооруженных сил в действие надлежит решить, какой силы должны быть отряды, их организационный состав и поставленные им цели.

В принципе войска никогда не будут достаточной силы, так как состав встретит ограничение в зависимости от времени года, когда войска нельзя располагать биваком, а квартир не окажется, или при отсутствии помещений для лошадей. Тактические соображения играют крупную роль в вопросе составления войсковых соединений. В крупных центрах, например, прежде всего потребуется большое количество пехоты, богато снабженной пулеметами и минометами. Артиллерия и конница вряд ли смогут найти в уличных боях широкое применение,

но их присутствие будет иметь чисто моральное значение. Они будут иметь большое значение в разбросанно расположенных рабочих фабриках по селениям, в особенности если состояние пути не позволяет применение автогрузотранспорта для переброски пехоты. Обеспечение железнодорожного узла, или определенного участка ж.-дор. магистрали требует наличия бронепоезда.

Также рекомендуется применение небольших соединений всех родов войск. Как показал опыт, роте пехоты с приданным взводом пулеметов, минометов и артиллерии по плечу задачи уличного боя и по ликвидации банд.

Большую пользу приносят бронеотряды, которые сами неуязвимы, дают экономию сил и производят сильное моральное впечатление.

Вслед за разрешением вопроса о расчленении войск, следует разрешить вопрос о переброске. Первоначально надо выяснить, вести-ли войска по одной магистрали и выгружать на одной станции, или-же можно и должно использовать ряд жел.-дор. линий и разгрузочных станций. Переброска по одной линии облегчает управление. Выгрузка с разных станций дает выгоды более быстрого сосредоточения и возможность концентрических действий с разных направлений.

Распределение войск по эшелонам следует всесторонне обдумать. В основу надо класть отправление войск в зависимости от предстоящего их применения.

Управление войсками должно следовать в первых эшелонах, дабы с места принять в свои руки руководство и организовать связь, так как в большинстве случаев первоначальные действия и распоряжения играют первостепенное значение. Вышеуказанные боевые соединения (пехота, пулеметы, немного артиллерии и конницы) должны быть погружены отдельными эшелонами с оставлением позади себя излишних обозов. При этом движение эшелонов должно производиться полной скоростью. Во вторую очередь уже идут, недостающие и оставленные позади, обозы.

В зависимости от обстановки командование в дальнейшем займется разрешением следующих вопросов: точное обучение и повторение войскам порядка и способов применения оружия; указания войскам, как им надлежит держать себя по отношению к местному населению; отпечатание и расклеивание воззваний и распоряжений, а также разбрасывание их при помощи авиации; если потребуется, об'явление осадного положения; прием и использование разведчиков из гражданского населения; закупка или приобретение большого числа планов города; совместное обсуждение и совещание с местными властями о создавшемся положении и разработка плана действий; ведение переговоров с представителями печати; урегулирование санитарного вопроса; об'единение и подчинение себе войск и управлений гарнизона, с целью скорейшего размещения прибывающих войск и устройства им необходимых удобств (кровати, топчаны, тюфячные наволочки, умывальные принадлежности и т. п.). При способе неожи-

данного появления и прибытия войск, лучше всего следует прибыть по возможности одновременно со всеми войсками, сразу же прочно занять вокзал и прилегающие строения и все наиболее важные пункты и здания. Это быстрое появление войск и одновременное решительное их действие гарантируют командованию, что войска не войдут в соприкосновение и общение с восставшими.

Важно уберечь войска при первом выступлении от раздробления сил.

Зачастую с целью внесения элемента неожиданности, придется выступление и начало действий приурочить к рассвету.

При марше сквозь толпу, или когда войскам приходится защищаться против наседающих на них враждебно настроенных масс, следует опасаться подпускать толпу близко к войскам, так как легко может случиться, что насевшая вплотную толпа свяжет действия войск и обезоружит их.

Поэтому войска должны сохранить за собою достаточный простор, чтобы, в случае агрессивных действий со стороны противника, иметь возможность применить оружие, не допуская случая разоружения.

Начальник данного войскового соединения вправе по сигналу предварить противную сторону очистить улицу или площадь, и может, в случае неисполнения, угрожать применить оружие. После двухкратного приглашения, на которое не последовало очищения, начальник вправе предупредить, что после третьего предупреждения будет пущено в ход оружие.

Применение холодного или огнестрельного оружия всецело зависит от начальника. Рекомендуется в первую очередь прикрепить к ружью штык—тесак, после чего первые ряды начинают теснить толпу, действуя прикладами; в то-же время задняя шеренга дает несколько выстрелов в воздух. При агрессивных действиях толпы войска применяют вслед за тем тесаки и пускают в ход огнестрельное оружие.

Если войскам удается достигнуть результатов без кровопролития, они, продолжая свои увещевания, продвигаются вперед, тесня и расчленяя толпу по соседним улицам. Если стоящие впереди не могут податься назад, потому что они теснимы сзади стоящими, не остается другого способа, как выпустить по тылу несколько легких мин или ручных гранат. Этот способ обыкновенно дает хорошие результаты, так как зачинщики и бунтари обыкновенно держатся в задних рядах. Также рекомендуется послать часть стрелков в верхние этажи соседних зданий с приказанием открыть с крыш или чердаков огонь по задним рядам.

Организация самого марша зависит в первую голову от ширины улицы; следует принять за правило, что все повозки должны следовать по середине. Наиболее целесообразной оказалась следующая организация и группировка на марше: авангард высылает головной отряд, снабженный ручными гранатами и автоматическими пистолетами, а позади него следует, цепью, сам. Вслед за ним в 25—30 метрах

следует отделение ружей-пулеметов: за ним в таком же удалении командир головной роты с ударной группой, а вслед—главные силы, при которых следуют пулеметы, минометы, орудия и обозы 1-го разряда. При желании или необходимости сократить глубину колонны, повозки идут в середине, а пехота главных сил следует по бокам, причем пехоте по пути своего следования следует внимательно следить за домами.

Войска двигаются по одному, по обеим сторонам улицы, тесно прижавшись к стене и наблюдая в оба за зданиями противоположной стороны. В случае надобности высылают в боковые улицы особые патрули или они закрываются выделяемыми с этой целью от колонны патрулями.

Столь-же важно обеспечить себя от нападений с тыла. Расчленение арьергарда почти однотипное с авангардом. Непосредственно впереди тыльного отряда следует пулеметная двуколка с готовым к бою пулеметом или орудие.

Особое значение приобретает немедленное закрытие движения по боковым улицам, для предотвращения дебуширования на главные силы враждебно настроенных масс или войск, что затормозит движение. Заслоны эти по мере подхода к ним тыльного отряда присоединяются к нему для дальнейшего совместного следования.

Артилерия идет, имея вложенные в канал ствола снаряды с действием на картечь, причем тут-же впереди или на лафете возятся два лотка с подготовленными к действию снарядами.

Кроме ездовых, все спешены, имея карабины за плечами; пулеметы и минометы следуют на готове. Возможен случай, при котором лошадей придется оставить в тылу в месте расквартирования, заставив обоз I-го разряда, необходимый для боя, везти командам в ручную.

Для закрытия улиц, кои по оперативным соображениями должны стать непроезжими, рекомендуется применять наиболее простые препятствия из колючей проволоки, усиленные небольшими пешими постами.

Удаление этих постов от проволочных заграждений не больше 25—30 метр. и, по возможножности, вблизи от ворот и входных дверей в дома, дабы иметь возможность в случае надобности отойти и дать обстрел.

Переходить через рогатку, как в ту так и другую сторону, должно быть запрещено.

Ввиду того, что не всегда возможно получить на месте колючую проволоку, войскам следует иметь ее с собой.

Очистка площади. При подходе к площади следует предоставить возможность толпе рассосаться по прилегающим улицам. Поэтому не следует дебушировать по большому числу улиц. С другой стороны следует обеспечить войскам возможность свободного отхода, вследствие чего желательно боковые улицы закрыть, не допуская движе-

ния по ним в сторону пути отхода и подвоза войск. При рогатках оставлять часовых.

По достижении площади на командующих над площадью зданиях(наиболее высоких и дающих хороший обстрел) ставятся пулеметы, лучшие стрелки и люди со светящими пистолетами. В это-же время на улице войска обеспечиваются выдвижением минометов.

Войска приступают к активности после безуспешного троекратного предупреждения.

Уже заранее должны быть намечены особые части, которые должны вести преследование толпы по боковым улицам, после чего, пройдя известное расстояние, войска ставят рогатки и закрывают по ним доступ на площадь. Как только войска приобретут свободу действий на площади, они ставят на ней орудия, могущие стрелять по разным направлениям; в то-же время на крыше домов, на наиболее выгодных пунктах, берущих под продольный огонь соседние улицы, ставятся пулеметы. Важно назначить определенное лицо, ответственное за оборону и защиту площади.

Атака здания. Перед атакой должно быть произведено всестороннее обследование и разведка и составлен подробный план действий. В первую очередь следует решить, каким путем изолировать защитников от внешнего мира; каким способом обезвредить и лишить защитников способности действий во время подготовительных к атаке действий; каким путем создать наиболее выгодные для атаки условия; какие задачи дать отдельным штурмующим колоннам и как воспрепятствовать защитникам бежать.

Разведка должна выяснить: наиболее удобные подступы, план надворных построек, где у противника расположены пулеметы и минометы.

Прилегающие дома должны служить базой атакующему. Существенную помощь окажут фотографические снимки с воздуха.

Перед атакой совершенное окружение и изоляция здания должны быть проведены настолько полно, чтобы, атакующему не пришлось-бы опасаться за свой тыл. Чтобы при атаке нести наименьшие потери, следует принять меры к тому, чтобы во время атаки противник был лишен возможности открывать огонь. Прежде всего следует добиться очищения противником всех пунктов, дающих ему выгоды флангового огня, как-то: балконы, башни, выступающие вперед ниши и т. п.

Равным образом принимаются меры к уничтожению пулеметов противника, соотвествующей установкой своих пулеметов, на крышах и чердаках соседних домов. Если приходится иметь дело с упорно дерущимся противником и пулеметный огонь окажется мало действительным, остается лишь смести дом минометным и артиллерийским огнем.

Рекомендуется также применение дымовых шашек, которые хорошо направлять в окна и середину двора. Для разрушения ворот

следует пустить в ход артиллерию. Особенно тщательно должен быть подготовлен ввод предназначенных к штурму частей.

Эти группы следует формировать из небольшого числа людей храбрых и решительных. Необходимо обеспечить тыл штурмующих выделением резерва; это послужит им поддержкой. Каждой отдельной группе надлежит дать определенную задачу, иначе отдельные колонны будут друг другу мешать. Чтобы рассредоточить силы обороняющегося и отвлечь его внимание, целесообразно повести атаку на отдельные строения с разных сторон, наступая одновременно со стороны улицы, с соседних домов и крыш, с верхних этажей, пробиванием потолка или стены и т. п.

Колонны, штурмующие с улицы, должны всемерно использовать мертвое пространство.

Для пробивания ворот и дверей и овладения погребами служат сильные заряды и ручные гранаты. Внутри зданий наиболее применимы револьвер, ручная граната и штык.

Оборона отдельного здания. Общественные здания, нуждающиеся в охране, по преимуществу—массивные строения с хорошим кругозором, что способствует переносу обороны в само здание. Это как нельзя более верно. Атакующий учитывает, что основная сила обороняющегося в здании, ему удастся замкнуть оборону и достигнуть положительных результатов, применив ограниченное количество живой силы с привлечением к делу технических средств. При таких условиях такой отдельный пункт должен быть скоро сдан. Поэтому правильным решением будет—оборонять здание малым гарнизоном, сохранив большую часть для маневра и с целью затруднить противнику ведение разведки. Средствами к созданию известного плацдарма служат: забаррикадирование улиц; занятие, расположенных на ближайших углах, зданий; занятие соседних с домом крыш; организация прочной связи посредством радио, телефона, телеграфа и т. п.

Активной обороне способствует применение сильной и хорошо вооруженной гранатами и револьверами команды.

Ее действия должны быть обеспечены заблаговременно тщательно произведенной разведкой, обеспечивающей успешность вылазки (через крыши соседних домов и т. п.)

Пассивная оборона ведется ограниченным числом людей и пулеметами.

Маловажные выходы следует так забаррикадировать, чтобы баррикады было-бы легко разобрать, если потребуется воспользоваться выходом для вылазки. Остальные проходы обеспечиваются постами в 3 человека (1 начальник и 2 часовых).

Пулеметами следует располагать так, чтобы они могли взять под огонь выход; кроме этого они обеспечиваются стрелками, вооруженными гранатами. Балконы и ниши следует применять для расположения пулеметов, берущих под продольный огонь улицу. Окна в нижних этажах закладываются мешками. Стены, водные преграды и т. п.

следует применять как препятствие для атакующего. Орудия и минометы при обороне зданий мало пригодны, разве только для защиты ворот.

Следует возможно дольше скрыть от противника группировку сил и пулеметов обороняющегося. Следует приучить гарнизон к быстрому проведению тревоги. Каждое здание должно иметь ответственного коменданта.

Занятие и охрана вокзала. При большой площади, занимаемой вокзалом, требуется большое количество войск и тщательная разведка следующих пунктов: действует-ли полностью все оборудование, кто привел его в негодность, в какое время без ущерба делу может быть закрыто движение, в порядке-ли. жел-дор. сооружения и телеграф, как держит себя жел-дор. персонал, с какой стороны вокзалу угрожает наибольшая опасность.

При выяснении этих вопросов и дальнейшем занятии вокзала, надлежит работать в полном контакте с жел-дор. администрацией.

Вслед за занятием вокзала следует принять следующие меры: занять телефонную и телеграфную сети, все выходы, сооружения и депо, разместить пулеметы с таким расчетом, чтобы они брали под огонь входной путь и под'ездные пути, выслать путевые патрули, занять жел-дор. мастерские, осветительные станции ближайших зданий. До тех пор, пока фактически не проведена полностью защита станций, требуется самый тщательный контроль, дабы не подвергнуться каким либо-либо неожиданностям. В то-же время следует тотчас-же связаться с соседними станциями, дабы уберечь себя от неожиданности с той стороны. Если в этом отношении существуют какие-либо опасения, на ближайшие станции высылаются патрули, осматривающие поезда.

Бывает целесообразно заготовить шпалы и рельсы для организации заграждений на пути и установки на них пулеметов, берущих под огонь полотно жел. дороги. Кроме того следует иметь на готове паровоз, при нескольких платформах или крытых вагонах с установленными на них пулеметами и орудиями, для активного противодействия противнику.

Необходимость охранять далеко отстоящие жел.-дор. постройки приводит к разброске сил. Устранить это нежелательное явление можно путем организации групповой обороны и правильно налаженной между участками связью. Кроме того крайне существенно иметь небольшой резерв в распоряжении главного руководителя обороны.

Помимо организации обороны и защиты станции и ее сооружений, на войска может также выпасть задача по охране товарных поездов от ограбления бандами. Прибывающие с грузом составы лучше всего выгружать в определенных пунктах, отделяя от порожняка. Наконец следует принять соответствующие меры по закрытии всех лишних выходов, даже и в прилегающих к станции районах, к орга-

низации наблюдения за железнодорожниками, выдаче пропусков для передвижений по ночам; следить за тем, чтобы наиболее важные районы были освещаемы. Все эти мероприятия преследуют цель предохранить от грабежей.

Обеспечение производства обыска домов. Лучше всего приступить к обыскам на рассвете. Если обыск имеет ввиду осмотр ряда домов, следует предварительно оцепить весь квартал. Следует в тоже время принять меры к тому, чтобы нельзя было-бы сообщаться домам между собой, пользуясь крышами и внутренними дворами или садами. Необходимо первоначальное подробное инструктирование всех участников обыска в предстоящей им задаче, после чего уже следует быстро выступить и занять все посты, дабы этой быстротой и одновременностью лишить возможности местных жителей принять какие либо меры противодействия.

Следует заранее узнать у местных властей не имеют ли некоторые из домов оцепленного квартала потайные ходы и куда они выходят. Для обыска отдельного дома достаточно выслать команду в 10 человек под начальством одного лица. При обыске выставляется парный пост у выходных дверей, но так, чтобы не вызывать ничьих подозрений; другой парный пост ставится у черного хода. Эти посты не должны никого пропускать в дом или из дома, не произведя предварительного тщательного осмотра, или, если дано особое распоряжение, никого не выпускать из дому. Один парный пост немедленно-же поднимается до чердачного помещения и следит за ним, чтобы никто не мог покинуть дома, пользуясь крышей. Другой парный пост ставится на лестнице, с целью воспрепятствовать на время обыска общению жителей между этажами. Остальные люди под руководством начальника предпринимают самый обыск.

В случае враждебного отношения жителей дома, рекомендуется сосредоточить их в одном помещении, приставив к ним часовых, имея при себе во время обыска лишь представителя домового комитета. Наконец, всегда должен быть намечен условный знак и выбрано сборное место на случай тревоги.

М. Н. Волчанецкий.

Управление артиллерией в полевом бою.

(Этюд).

Необходимо всегда отыскивать перемены, происшедшие от изменения условий, чтобы не застыть в формулах прошлого, некогда справедливых, в настоящее время ложных.

Ланглуа.

Самые могучие средства, будучи применяемы порознь, не могут привести ни к какому результату ни в пехоте, ни в кавалерии, ни в артиллерии, ни вообще в какой-бы то ни было отрасли военного дела.

Наполеон.

I.

Три года борьбы на гражданском фронте создали свой опыт, свои тактические и стратегические навыки, определенную систему войны. Революционной России, быть может, суждено на этом опыте внести в военное искусство свои поправки, как революционная Франция в свое время сломала Фридриховскую военную систему. Отрицать это, значить уподобляться печальному герою Ульма—Макку, говорившему о Наполеоне, что „с этим человеком нельзя воевать: он не признает никаких законов войны". Но нельзя оправдать и противоположной крайности, стремящейся сдать на слом все сооружения прежнего военного знания. Борьба этих двух течении выдвигает на очередь вопрос о применимости старых положений в новых условиях, о контроле нашего научного багажа в таможне гражданской войны.

Пройдет еще немало времени, пока наука скажет в этом вопросе свое решительное слово. Но ждать этого слова некогда. Надо собрать имеющийся опыт и попытаться, теперь-же, хотя бы частично, установить приложимость старых выводов к тем условиям войны, которые имели место, в частности на русско-польском фронте, чтобы отбросить все проходящее, наносное и вредное и узаконить хорошее и здоровое.

Шесть лет войны, которую вела Россия сперва на австро-германском, а потом на революционном фронтах, имели для последовательно сменивших друг друга армий—старой и Красной—громадное значе-

ние. В частности, сильные колебания в области порядка применения испытала артиллерия.

Можно с уверенностью утверждать, что ни одна отрасль артиллерийской тактики не пришла в столь хаотическое состояние, как управление артиллерией. Причины этого вполне понятны. Такие вопросы, как характер позиций, способы связи, прикрытие артиллерии, настолько тесно зависят от технических свойств, что малейшее нарушение их основ тотчас ощущается в ряде весьма болезненных последствий и непреложность установленных принципов становится очевидной. В области-же методов управления артиллерией, постановки задач, распределения наличных средств и их группировки, области гораздо более отвлеченной и трудно усваиваимой, допущенные ошибки далеко не столь очевидны и последствия их гораздо менее уловимы. Мало того, самый анализ в этой плоскости требует более серьезной подготовки и недочеты в работе артиллерии, проистекающие от недостатков управления, легко могут быть отнесены за счет ошибок технического характера.

Известно, что чем дольше тянутся военные действия, тем больше нареканий вызывают на себя технические войска за, якобы, недостаточную поддержку ими в бою пехоты. Причины этого могут быть двоякого рода. Во-первых, сама пехота теряет свои боевые качества под влиянием общего утомления страны войной и начинает пред'являть к технике все более широкие требования. Во-вторых, (и именно это важно для разбираемого вопроса) под влияниям продвижения на высшие должности лиц, зарекомендовавших себя на более-низших командных ступенях, но ни теоретически, ни практически не подготовленных к этим новым назначениям, усвоенные мирным обучением навыки исчезают; наступает пора атрофии мысли, шаблона и механичности решений, или же решений подчас очень энергичных и даже правильных по общему смыслу, но с крупными техническими ошибками.

Ссылка в этом отношении на пример знаменитых полководцев, воспитавшихся войной—не основательна, так как все они стремились к анализу своего опыта и пополняли его непрерывным чтением (Наполеон возит с собою целую библиотеку, Суворов в битве при Нови читает своим солдатам «Комментарии» Юлия Цезаря и т. п.), для рядового же начальника очень соблазнительно противопоставить „свой опыт“ (всегда ограниченный) „теории“ и „фантазиям мирного времени“, тем более, что шаблон освобождает утомленный мозг от напряжения.

Только творческая военная мысль, неустанно следящая за ходом событий, в течении всей войны, перерабатывающая кровавый опыт в выводы холодного разсудка и насаждающая эти выводы непосредственно на полях сражений, может предотвратить застой и упадок. Так именно и поступали великие полководцы всех времен. Так пытались сделать и у нас в 1914—18 г. Но, беря свои выводы, по преимуществу из опыта западно-европейского театра военных действий,

где были совершенно иные условия работы вообще и артиллерии, в частности, «ставка» не могла выполнить роль идейно руководящего органа, на которую претендовала, и армия, получая чуждые ее духу и опыту наставления, сдавала их в канцелярию и подшивала к делу. Поэтому атрофия росла и маневренный опыт затягивался позиционными навыками.

Таким образом, отмеченный хаос мысли в области управления артиллерией подготовлялся [всей совокупностью событий еще в старой армии.

Когда-же империалистическая война для России неожиданно оборвалась и приняла резко маневренный характер, свойственный ей в 1918-20 г., к этому явлению прибавился еще целый ряд новых влияний.

Замещение в первое время высших командных должностей неподготовленными к этой роли лицами; малочисленность войск и артиллерии, в особенности; недостаточная стойкость пехоты; партизанский и полурегулярный характер войны; наконец, явившаяся в результате этих и еще целого ряда причин*), разбросанность войск привели к полной децентрализации в применении артиллерии, так что даже самое представление о возможности управления и комбинаций в значительной степени изгладилось.

На смену широкого об'единения и массовой работы артиллерии пришла полная разрозненность действий. Творчество артиллеристов свелось к нулю и заменилось одним и тем-же всегдашним шаблоном. В редком только случае батареи не придавались полкам и даже ротам. Дивизион, как тактическая единица, решающая общую задачу, перестал существовать. Артиллерия уже не была регулятором боя и применение ее во многом основывалось на ложных принципах; от пушки стали требовать, чтобы она действовала как пулемет.

В этом отчасти виной „Наставление для действий полевой артиллерии в бою“ 1912 г., которое, будучи во многих отношениях прекрасным руководством, грешит большим пробелом, так как уделяет весьма мало внимания работе высших артиллерийских соединений.

В специальной литературе этот вопрос также очень мало разработан и все сочинения на эту тему можно, буквально, пересчитать по пальцам.

III.

Общеизвестные боевые свойства артиллерии—сильное моральное воздействие огня, особенно массированного, способность поражать со

*) В ряду их следует особенно подчеркнуть: 1) несоразмерность тактических участков с назначенными для действий силами: на полк в 200—300 штыков, а иногда и менее—участки в 5—10 и более верст, на дивизию из 9 полков, силой каждый в одну роту хорошего состава—фронта целой армии и т. п.; 2) отвлечение от стратегических и тактических задач соображениями о размещении и продовольствии войск; 3) порой—перегрузка артиллерией (4 орудия на 200 штыков), порой—полный недостаток по отсутствию подвоза снарядов; наконец, 4) общая разброска сил и недостаток связи и единого руководства.

значительных расстояний и, притом, участки большой площади, широкая управляемость—определяют собою основные принципы ее боевого применения.

Этими принципами являются:

1) Возможность введения артиллерии в бой в полном составе, без оставления резервов;

2) Свободу расположения артиллерии в пределах боевого протяжения своих войск в целях невыгоднейшего поражения.

3) Возможность широкого использования свойств местности в целях наилучшего укрытия батарей.

4) Об'единение работы многих батарей и, как следствие этого, *целесообразное распределение огня и применение сосредоточенной стрельбы,* несмотря даже на разбросанное расположение артиллерии.

5) Быстрые и внезапные *переносы огня* для поочередного поражения различных целей. Эти боевые свойства артиллерии вытекают из ее технических свойств. Поэтому, раз только последние остались неизменными, никакие особенности гражданской войны не могут отбросить ни одного из перечисленных положений. Точно так-же сохраняют свое значение прежние условия наиболее плодотворного использования современной артиллерии, потому что они непосредственно вытекают из этих боевых свойств.

Эти предпосылки таковы:

а) *правильная постановка артиллерии боевых задач;*

б) *об'единение работы* возможно большего количества батарей;

в) *постоянная и непрерывная связь* артиллерии между собою и с войсками других родов;

г) широкое проявление старшими артиллерийскими начальниками *самостоятельности и инициативы* в действиях.

Между тем, практика показала, что некоторые из перечисленных положений в армии забыты, или считаются в современных условиях неприложимыми. Ниже мы попытаемся разобраться, насколько это утверждение основательно.

IV.

„Артиллерия является вспомогательным родом оружия в самом полном смысле этого слова“ (Noehn). Этот подчиненный характер службы артиллерии заставляет направлять всю ее деятельность для поддержки действий других родов войск, что в свою очередь возможно только при условии, если батареи примут самое тесное участие во всех перипетиях боя.

Отсюда становится ясным громадное значение целесообразного управления артиллерией в бою. Обеспечивая полную общность действия с пехотой, полное слияние этих двух главных родов оружия в единый боевой организм, оно одновременно дает два неоценимых преимущества: обусловливает самую деятельную помощь пехоте и ведет к наиболее полному осуществлению намерений общевойскового командования.

Для понимания тех положений, которые будут развиваться дальше, необходимо условиться в значении артиллерии на поле боя. Если признавать за нею только роль местного помощника, прочищающего дорогу пехотным частям вплоть до разведывательных команд (как это иногда практиковалось на польском фронте), то об управлении артиллерией, как целым, не может быть речи, как не говорится об «управлении пулеметами». Но если понимать под артиллерией могущественный огневой регулятор, при посредстве которого начальник может, в сочетании с пехотными резервами, влиять на исход боя, то перед нами встает вопрос чрезвычайно широкого об'ема: как добиться того, чтобы этот регулятор действительно исправлял события и командовал боем, а не шел только в хвосте происходящего.

Это условие необходимо еще в противовес тактическому скептицизму известной категории военных кустарей, отрицающих значение общих принципов в управлении артиллерией, называющих их «праздной выдумкой», „плодом кабинетных измышлений, которые неприменимы в боевой обстановке“ и т. д.

На пути к истине встает вопрос о способе, которым можно установить принципы управления артиллерией. Здесь вполне уместно привести слова Г. Леера: „принципы получаются из наблюдения над частными явлениями, путем отвлечения, отброса всего частного, второстепенного, путем полного изолирования от обстановки, от случайных примесей условий времени и места, короче—в безвоздушном пространстве т. е. в области чистых отделов стратегии и тактики“. Без этого мы рискуем безнадежно запутаться в области частностей, переменных подробностей, создаваемых разнообразием обстановки, и никогда не сделаем ни одного вывода. И, только установив этим способом общие принципы, можно говорить о приложении их в отдельных частных случаях. Таков обычный путь науки—от анализа к синтезу. Так, например внешняя баллистика изучает траэкторию снаряда в чистом виде, в безвоздушном пространстве, а потом переходит к частному случаю, к движению его в воздухе. Этот путь, как единственно правильный, можно рекомендовать и всякому строевому начальнику, который пожелал бы проверить выводы настоящей статьи на собственном опыте.

V.

Большое значение для управления имеет вопрос о подчиненности. Общее, административное подчинение, определяемое раз навсегда штатом, постоянно. Но оперативное подчинение может меняться в зависимости от обстановки.

Общие положения, установленные в этом вопросе до войны, можно считать только подтвержденными ее опытом. Главнейшие из них заключаются в следующем:

1) *Артиллерия подчиняется начальнику того войскового соединения, на которое она работает.* Напр., батареи, решающие задачи в пределах одного какого-нибудь бригадного участка находятся в подчи-

нении командиру бригады; артиллерия распространяющая свое действие на фронте двух или более бригад, подчиняется начальнику дивизии и т. д.

2) *Артиллерия*, приданная какому-либо войсковому соединению, *должна быть подчинена обобщающему ее действия артиллерийскому начальнику*. В дивизии нынешнего состава таким начальником является начартдив. В стрелковой бригаде постоянным начальником артиллерии обыкновенно является командир входящего в ее состав легкого дивизиона и прочие части, поступающие в бригаду для временного усиления, подчиняются ему (ст. 10 „Наставления для действия полевой артиллерии в бою"). Это вполне понятно, так как такие комбриги и комдивы, постоянно работая вместе, привыкают друг к другу и у них вырабатываются необходимые общность мыслей и языка и взаимное доверие.

В русско-польской войне случались отступления от этого правила в обоих направлениях: назначение начартбригом случайного (большею частью старшего из командиров дивизионов) лица, или совершенное отсутствие общего начальника артиллерии. В первом случае начартбриг не пользовался достаточным авторитетом, сравнительно поздно прибывая на место боя, не знал участка и получал сведения о нем от коренного комдива.

Особые условия (напр. личные способности отдельного начальника) могут, конечно, заставить отступить от этого правила, подчиняя старшего младшему и коренного комдива бригады—временно входящему в ее состав, и совершавшиеся назначения такого рода приносили несомненную пользу.

Отступления другого порядка гораздо больше отзывались на продуктивности работы, так как противоречили основному принципу—об'единению деятельности возможно большего числа батарей.

В этом отношении показателен пример 80-й стр. бригады в бою под Волковыском 24/IX—1920 г. Бригаде, кроме обычно действовавшего с ней 3-го легартдива 27-й стр. дивизии, был придан также 27-й гаубичный дивизион, но общего арт. начальника не было. В результате, не говоря уже о трудном положении комбрига, имевшего несколько подчиненных артиллерийских начальников, батареи были расположены совершенно произвольно, на большом удалении, действовали разрозненно и принесли минимум пользы; тогда как в том же бою артиллерия 79-й бригады, благодаря разумному руководству единого артначальника—командира 1-го легкого дивизиона, стреляла весьма удачно, приведя к молчанию и согнав с позиции численно превосходную артиллерию противника.

В случае, если создается группа дивизионной артиллерии, не подчиняющаяся ни одной из бригад, начальником ее назначается старший из командиров частей, входящих в состав этой группы, помощник начальника артиллерии дивизии или сам начартдив.

з) Командиры артиллерийских дивизионов и меньших частей, вступая в исполнение обязанностей начальника артиллерии, сохраняют и непосредственное командование своими частями.

В минувшей войне это положение на практике осуществлялось редко и прежде всего потому, что фактически командиры дивизионов почти никогда своими дивизионами не командовали, предоставляя комбатам полную свободу.

Практика подвергла испытанию еще один коренной вопрос—о взаимоотношениях общевойсковых начальников с артиллерийскими. В подавляющем большинстве случаев последние играли весьма малую роль в оперативном отношении. Обыкновенно, приказ о движении, расквартировании или бое составлялся в штабе отряда без участия артначальников; по выражению одного рапорта, „деятели общевойсковых штабов считали эту отрасль своей неприкосновенной монополией“.

Мнение артиллерии не выслушивалось и поправка на ее свойства в планы не вводилась. Между тем, артиллерия вносит в характер действий войск значительный корректив: например, при выборе оборонительной линии обращается главное внимание на удобство артиллерийских позиций; при наступлении может потребоваться занять некоторые рубежи, необходимые для выгодного расположения батарей или организации наблюдения и т. п. Естественно, что в результате этого невнимания к артиллерийскому воздействию на натуру боя страдало все дело.

Не легче приходилось и самой артиллерии, так как на нее часто возлагались задачи, не соответствующие ее свойствам—напр., тяжелые орудия двигались вместе с наступающими цепями; артиллерийские взводы посылались впереди пехотной разведки, „для расчистки путей наступления“ и т. п. Образцов подобного применения пушки „à la mitraillese“ можно было бы подобрать немало. Противоречие их природе артиллерии, как рода оружия, настолько очевидно, что далее останавливаться на этом вопросе не приходится.

Очевидно, что это ненормальное явление было следствием оторванности артиллерийских начальников от оперативной работы. Начальники отрядов, занятые по горло работой и не всегда способные дать себе отчет в важности рационального использования артиллерии, относились к постановке ей задач довольно поверхностно... Между тем, как увидим впоследствии, вопрос этот очень сложен и оказывает громадное влияние на успех дела.

Многочисленные примеры из войны 1918-20 г. г. довольно однообразны. Ряд изученных боев *) только подтверждает незыблемость следующих основных принципов взаимоотношений артиллерии с общевойсковыми начальниками:

---

*) Яркий пример их—бой 2-й стр. дивизии на подступах к Варшаве, описанный в 3-ем сборнике журнала «Революция и Война».

1) На начальника отряда (дивизии, бригады) возлагается ответственность за целесообразное употребление артиллерии и правильную постановку ей задач.

2) Начальник отряда управляет артиллерией, указывая ей общую цель действий в бою. Германский генерал и писатель Noehn определяет сферу деятельности начальника отряда так: ему „абсолютно невозможно производить командование иначе, как только указанием вообще боевого назначения для действия артиллерии“ *). На практике общевойсковые начальники распространяли свое вмешательство гораздо дальше, доходя до точного определения каждой батарее позиции, целей и расхода патронов, и неправильности этого не сознавали. В данном случае можно доказать ошибочность подобного вмешательства путем следующего сравнения: командир бригады, например, определяя своим подчиненным задачи, не вмешивается в детали боевого расположения полков, вроде расположения полковых резервов, и способы выполнения полученного задания, если действия командиров полков правильны; аналогичным образом поступают и начдивы по отношению к бригадам. Распространяя этот принцип на артиллерию, следует признать, что последней также должна определяться цель действий, а способы осуществления—предоставляться выбору артиллерийских начальников.

Таковы общие нормы, регулирующие степень вмешательства войскового командования в круг деятельности артиллерии. Подробней этот вопрос разбирается в следующей части, посвященной взаимоотношению плана артиллерийских действий с общим.

VI.

Необходимость поддержки артиллерией каждого маневра пехоты выдвигает на очередь вопрос о способах об'единения работы обоих родов оружия; этих способов два: 1) *соответствие артиллерийских действий общему плану*, который определяет тот или иной маневр пехоты и 2) *тесная связь* последней с батареями. Вопрос о связи—отдельная область, хотя и находящаяся в тесном соприкосновении с управлением, но составляющая предмет особого рассмотрения. Общность-же маневрирования (включая в это понятие и движение огня артиллерии) достигается тем, что артиллерийские действия находятся в прямом соответствии с пехотными, непосредственно из них вытекая.

Отсюда понятна недопустимость импровизации и важность предварительной выработки известной схемы деятельности артиллерии, положив в эту схему, как основное начало, развитие общего плана действий. Без этого, „без руководящей, направляющий идеи все наши действия будут представлять собою ряд неосмысленных, бесцельных и бессвязных шагов, короче—не стройно организованное целое, а какую-то неорганизованную кучу отдельных актов“ *(Г. Леер.)*

**) Noehn. Техника командования артиллерией в полевой войне, перевод В. В. Руппенейт СПБ. 1913.

К сожалению, не во всех случаях такая систематизация действий артиллерии осуществима. В авангардном бою работа батарей всегда бывает более или менее случайна; то-же можно сказать и о первых моментах всякого случайного боевого столкновения. Задача старших артиллерийских начальников в подобном случае кроется в том, чтобы высшим напряжением интуиции, методической настойчивости и воли претворить бессистемность в стройное осуществление замыслов командования.

Дабы эта трудная задача могла быть выполнена, артиллерии необходимо, в лице ее начальников, всегда быть в курсе дела, намерений командования и целей которые необходимо достигнуть, вообще и в ближайший момент; чтобы начальник артиллерии переживал с начальником отряда все события, будучи с ним и в разведке, и при составлении оперативных предположений и докладывая свое мнение прежде отдачи приказа. С другой стороны начальник отряда в лице начарта должен иметь помощника, готового содействовать ему всем разумом и знанием.

Только тогда можно быть уверенным в правильной постановке артиллерии боевой задачи и в, соответствующей обстановке, ее выполнении. Какие сведения нужно дать начарту и чем при этом руководствоваться было разобрано в № 3 журнала „Революция и Война" в статье „На подступах к Варшаве", но для полноты нелишним будет повторить высказанные там главнейшие положения.

В общем случае:

...задача артиллерии может быть определена либо в общем приказе, либо путем отдания частного приказа артиллерии. Первое предпочтительнее, так как автоматически знакомит с задачами артиллерии всех войсковых начальников.

В отношении артиллерии приказ о вступлени в бой должен предусматривать: а) исходную задачу артиллерии. При этом не следует стремиться детально установить все задачи артиллерии, так как их об'ем и последовательность зависит от хода боевых действий, которые предугадать заранее невозможно. Вместе с тем, артиллерия должна получить инструкцию, пригодную на весь срок, который потребуется пехоте для выполнения поставленной ей задачи. Следовательно, задача артиллерии должна быть изложена не в виде ограничивающего приказа, а в форме директивы и заключать в себе точное изложение намерений начальника в отношении применения силы артиллерийского огня, а выбор способа содействия лишь в общих чертах, предоставляя детали начарту.

Обращаясь к постановке задачи артиллерии по существу, следует иметь в виду, что требования, которые к ней пред'являются, должны находиться в строгой зависимости от фактического состояния артиллерийских средств в момент боя. Никакие подчиненные соображения и обстоятельства не могут оправдать стремления взять от нее больше, чем она может выполнить при своей численности, состоянии и запасах снарядов. Преувеличенные требования приведут всегда к тому, что часть их останется невыполненной. При недостатке сил лучше установить известную последовательность в обстреле целей, начиная с важнейших.

Вместе с тем нельзя возлагать на артиллерию задач, которые она должна вообще решить; это так же недопустимо, как и требовать разведки вообще.

Примерная формулировка задач: 1) прикрыть фланг от возможных атак противника; 2) поддержать атаку; 3) вызвать и потушить огонь неприятельской артиллерии; 4) разрушить

(такие-то) оборонительные сооружения противника; 5) держать под обстрелом (такие-то) пункты неприятельского тыла.

Вторым вопросом, могущим иногда потребовать указаний, является—б) район расположения артиллерийских позиций. Вообще говоря, нельзя стеснять артиллерию в выборе позиций; однако в отдельных случаях встречаются такие особенности обстановки и намерений, которые могут повлиять на расположение батарей: уязвимость общей позиции в известном направлении, свойства местности в отношении укрытия, дорог для подхода и т. п. или, например, необходимость оставить место для ожидающихся прибытием новых артиллерийских групп. Указания о районе позиций должны содержать в себе перечень обстоятельств, влияющих на расположение батарей, и указание района, в котором возможен выбор артиллерийских позиций.

Третьим элементом приказа о развертывании артиллерии, является—в) срок окончательной готовности и порядок открытия огня. Развертывание должно закончиться с таким расчетом чтобы артиллерия успела подготовить вступление пехоты в бой и поддержать ее развертывание.

Время и порядок открытия огня зависят от обстановки: в некоторых случаях важно начать стрельбу возможно ранее, чтобы застигнуть противника до окончания им развертывания, поддержать авангард или закрепить достигнутый успех; в других выгодно подождать, пока изготовятся все батареи, чтобы сразу обрушиться на противника превосходными силами.

Вступление артиллерии в бой требует предварительной подготовки, от успешности которой зависит действительность ее работы; поэтому не следует без надобности ограничивать срок, необходимый ей для открытия огня; в некоторых случаях может оказаться выгодным даже задержать вступление в бой пехоты, чтобы дать артиллерии время изготовиться.

Остальные сведения (как, например, данные о противнике и своих войсках, пункты, направление и время атаки и т. п.) артиллерия почерпнет из общих параграфов приказа.

Чтобы увеличить время подготовки артиллерии в бой, начдив должен возможно ранее, и не дожидаясь окончания составления приказа, предупредить начарта о предстоящей работе, сообщив ему готовые сведения о противнике, о полученной задаче и т. п. Тогда начарт будет иметь время обдумать и исполнить многое до выработки приказа о бое: разведать дороги, собрать необходимые сведения о местности и противнике, сделать многочисленные внутренние и хозяйственные распоряжения и пр.

Лучше начарта никто не может знать, чего можно требовать и что может дать артиллерия; поэтому последний должен непременно быть участником составления приказа о бое дивизии.

Необходимо установить, когда все эти указания должен дать начальник дивизии и когда—командир бригады и даже меньшего отряда. Когда дивизия занимает участок, достаточно узкий, чтобы мыслимо было об'единение работы артиллерии на ее фронте (2-я дивизия под Варшавой), когда должны быть созданы отдельные артиллерийские группы, подчиненные через начартдива—начальнику дивизии, тогда вышеприведенный приказ должен быть отдан начдивом. Но на этот случай можно расчитывать лишь очень редко. В большинстве, если фронт дивизии растянут, если, по обстановке, артиллерия должна быть об'единена в бригадные группы, весь этот перечень сведений должен быть помещен в приказе командира бригады. Невозможно перечислить все случаи и определить, когда требуется создание дивизионных групп, а когда бригадных; главнейших принципов, ложащихся в основу подчинения артиллерии тому или иному начальнику, два: 1) *общность предстоящих для решения задач* и 2) *возможность взаимной поддержки.*

Если на участке дивизии есть цели, важные для всей дивизии в общем, для борьбы с ними должна быть создана отдельная группа, подчиненная начдиву. Если таких целей общего значения нет и задачи артиллерии на участке каждой бригады обособлены, необходимо образование бригадных артиллерийских групп.

В качестве примера можно указать уже упоминавшийся бой 2-й дивизии под Варшавой. Наличие многочисленной неприятельской артиллерии, железно-дорожный путь Варшава-Белосток с курсировавшими по нему польскими бронепоездами—были целями общего для всей дивизии значения; узость фронта и стык бригад вблизи железной дороги позволяли об'единить работу артиллерии под руководством начарта. Этого сделано не было и наступательные попытки 2-й дивизии разбились о противодействие польской артиллерии и, безнаказанно работавших, бронепоездов.

Если в этом примере начдив 2 не понял необходимости создания специальной группы, а начарт не настоял на ее образовании, то в оборонительном бою 27-й стр. дивизии на р. Сервеч начдив В. Путна впал в противоположную крайность.

В первых числах октября 1920 г. 27-я стр. дивизия занимала позиции по линии старых русских окопов, сохранившихся со времен русско-германской войны. Протяжение фронта достигало 20 верст, поэтому об'единить артиллерию в масштабе дивизии, или, хотя-бы, находившихся в окопах двух бригад, было затруднительно. Этому-же препятствовала и малочисленность средств—сектора обстрела батарей не могли быть наложены один на другой и массирование огня было затруднительно. Неизвестность направления, в котором будет наступать противник, не позволила создать две-три сильных группы для обстрела этих направлений—участок дивизии был повсюду доступен для атаки. Не смотря на все это, начдив приказал начальнику артиллерии об'единить работу батарей; конечно, это приказание, за невыполнимостью, проведено в жизнь не было. В том-же бою был допущен ряд ошибок другого характера и к нему еще придется вернуться.

Второе условие, требующее об'единения работы артиллерии—возможность взаимной поддержки входящих в группу батарей—обусловливается стремлением сосредоточить по каждой цели огонь возможно большего числа орудий. Для иллюстрации его можно было бы привести те-же два примера, в которых, также, в одном—взаимодействие обстановкой требовалось и было возможно, а в другом было неосуществимо. Более показательным является бой 56-й стр. дивизии под Гродно, 23-го сентября 1920 г., где была полная возможность взаимной поддержки на участках Башкирского и 1-го легкого артиллерийских дивизионов, стоявших на одном и том-же участке, но действовавших в одиночку. Неуспех дивизии, опиравшейся на форты, может быть в значительной мере об'яснен разрозненной работой артиллерии. Также на взаимопомощь не было уделено достаточного внимания в нарвской операции, где частью об'единялась артиллерия,

не имевшая возможности действовать по одним целям, в то время, как батареи, способные для взаимодействия, стреляли без общего руководства. Результат этого боя известен—неуспех, об'ясняемый в значительной доле тем, что артиллерии не удалось подготовить атаку.

Оценка способа применения делается начальником артиллерии совместно с начдивом, на их летучем военном совете, который должен предшествовать отдаче оперативного приказа по дивизии.

Если начартдиву придется об'единить работу артиллерии самому, он отдает свой приказ о бое, содержание и процесс выработки которого таковы:

Начдив в своем приказе определенно укажет начарту задачу, которая предстоит дивизии, и, в частности, роль артиллерии в связи с действиями бригад.

Начальник артиллерии, учавствуя в выработке оперативного приказа, будет в курсе всех сведений о противнике, о соседних частях, о положении полков своей дивизии, о местности, свойствах дорог и пр.

Кроме того, указанные сведения к этому моменту будут пополнены донесениями передовой артиллерийской разведки о свойствах местности со специально-артиллерийской точки зрения, об обнаруженных войсках и сооружениях противника и т. п.

На основании этих сведений начарт может не только ответить себе на вопрос, что и как должна делать артиллерия, но и доложит начдиву свои соображения по поводу того, в какой мере артиллерийские действия могут повлиять на характер боя. Возможно, что придется задержать движение пехоты, чтобы дать время артиллерии на развертывание. При обороне главное внимание обращается на удобство артиллерийских позиций и свойства наблюдательных пунктов (ст. 625 полевого устава), в зависимости от которых придется и наметить пехотные позиции. В отдельных случаях может понадобиться защищать или даже завладеть местными предметами, необходимыми артиллерии для наблюдения.

Затем, на обязанности начарта лежит также выяснить степень обеспеченности артиллерии с флангов и с тыла и просить, если нужно, отдельное прикрытие для батарей.

Наметив в общих чертах свой план, начальник артиллерии дивизии выясняет некоторые детали, требующие дополнительного освещения—проходимость дорог, свойства отдельных урочищ, степень закрытия и маскировки, предоставляемые отдельными местными предметами, характер растительности, свойства наблюдательных пунктов и пр.

Все эти сведения могут быть получены от передовых артиллерийских раз'ездов и путем личной разведки начарта и командиров дивизионов, которых последний привлекает к работе согласно намеченного в общих чертах плана, в отведенных им районах.

Таким образом начальнику артиллерии станет вполне ясным, какое влияние могут оказать на намеченный им план действий условия места и времени. Лишь только после этого и сопоставив свои намерения с наличием огнестрельных припасов, начарт может принять окончательное решение.

Вызывая командиров дивизионов для разведки, начарт уже дал им общие указания об обстановке, задаче дивизии, общей группировке артиллерии, исходных задачах дивизионов, позиционных участках и пр. Остается только дополнить их и оформить приказом, содержащим

1) Сведения о противнике и своих войсках.

2) Общая задача дивизии.

3) Группы, их назначение и численность.

а) район позиций—пространство для развертывания, боковые границы; б) ответственные боевые участки; в) задачи каждой группе. Степень детализации задачи зависит от обстановки. Стремиться перечислить все цели во все периоды боя не следует, т. к. выбор их—дело комдивов. Главная задача начарта при определении роли каждой группы заключается в таком

распределении артиллерии, чтобы в каждом периоде боя могли обстреливаться все важные в тактическом отношении цели. Впоследствии, находясь на наблюдательном пункте, начарт лично будет регулировать работу групп, обеспечивая своевременное сосредоточение огня на важных пунктах. Поэтому его приказ должен формулировать задачи только с такой степенью полноты, чтобы комдивы, располагая батареи, имели ввиду возможность их выполнения и взаимодействия между дивизионами. Здесь-же должны быть даны указания о целях групп, лежащих в пределах других участков и либо требующих флангового обстрела, либо ненаблюдаемых или необстреливаемых ими.

В некоторых случаях, не указывая командирам групп района, придется ограничиться только указанием их роли косвенным определением цели. Чаще всего это будет иметь место при выделении части артиллерии для работы в отдельной колонне или боевом участке, указывая в таком случае только назначение группы—например, поддержать атаку на таком-то участке и т. п.

Распределение целей должно иметь в виду только группы, а дальнейшая детализация предоставляется начальникам групп. Начарт-же распространяет свою разработку далее только в том случае, когда необходимо добиться максимальной действительности огня путем сочетания флангового и фронтального обстрела и комбирования навесной и настильной стрельбы. Но такая постановка вопроса требует уже от начарта большого количества времени и тщательной разведки и осуществима только при обороне или при атаке укрепленной полосы и в редких случаях при затяжке боя и необходимости произвести перегруппировку.

г) указания о технике огня (самые необходимые, т. е. не вторгаясь в деятельности командиров дивизионов и определяя только такие вопросы, как порядок пристрелки, во избежание перемешивания выстрелов отдельных групп, указания об интенсивности огня и т. п.).

д) пути движения артиллерии.

4) Порядок открытия огня; возможны три способа введения артиллерии в бой: а) немедленно по занятии позиции каждой частью отдельно; б) по особому указанию начарта и в) указанием начинающей огонь батареи и для последней—момента открытия огня.

5) Указания о связи.

6) Расположение питающих средств и путей питания.

7) Местопребывание начарта.

Недостаток времени может не позволить отдать такой полный приказ и, вообще, отдать письменное распоряжение. При налаженной телефонной связи, в бою, приказания удобно передавать по проводу, при неимении его—через ординарцев. Ради экономии времени в случаях, не терпящих отлагательства, придется ограничиться сообщением самого важного, дополняя пропущенное впоследствии. Точно так-же, не следует дожидаться прибытия всех командиров частей для разведки, указания целей и т. п., тормозить, отдачу приказа о вступлении в бой—необходимостью наладить питание частей огнестрельными припасами и т. п.)

VII.

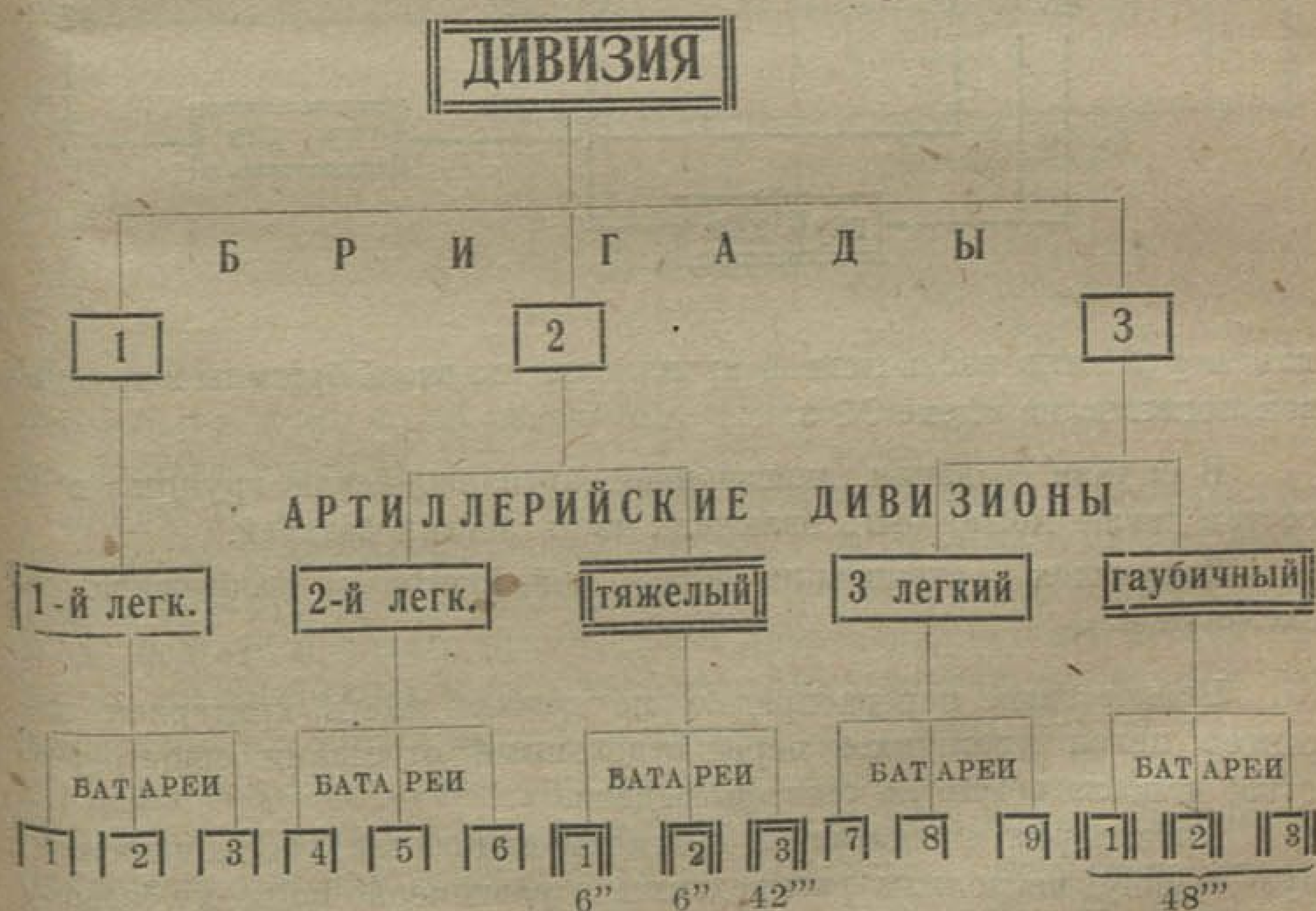
В том, наиболее частом в маневренном бою случае, кога артиллерия передается в бригады, начальнику артиллерии дивизии придется ограничиваться только совещанием с начдивом о том, как ее распределить по бригадным участкам. Средствами для создания бригадных групп, при нынешних штатах, будут дивизионы: 3 легких, 1 гаубичный и тяжелый, а всего:

легких батарей			6 или 9
гаубичных			2 „ 3
тяжелых	пушечных		1 „ 2
	гаубичных		1 „ 1
		Итого	10 или 15

Часть из этих батарей (легкие) постоянно входит в бригады.

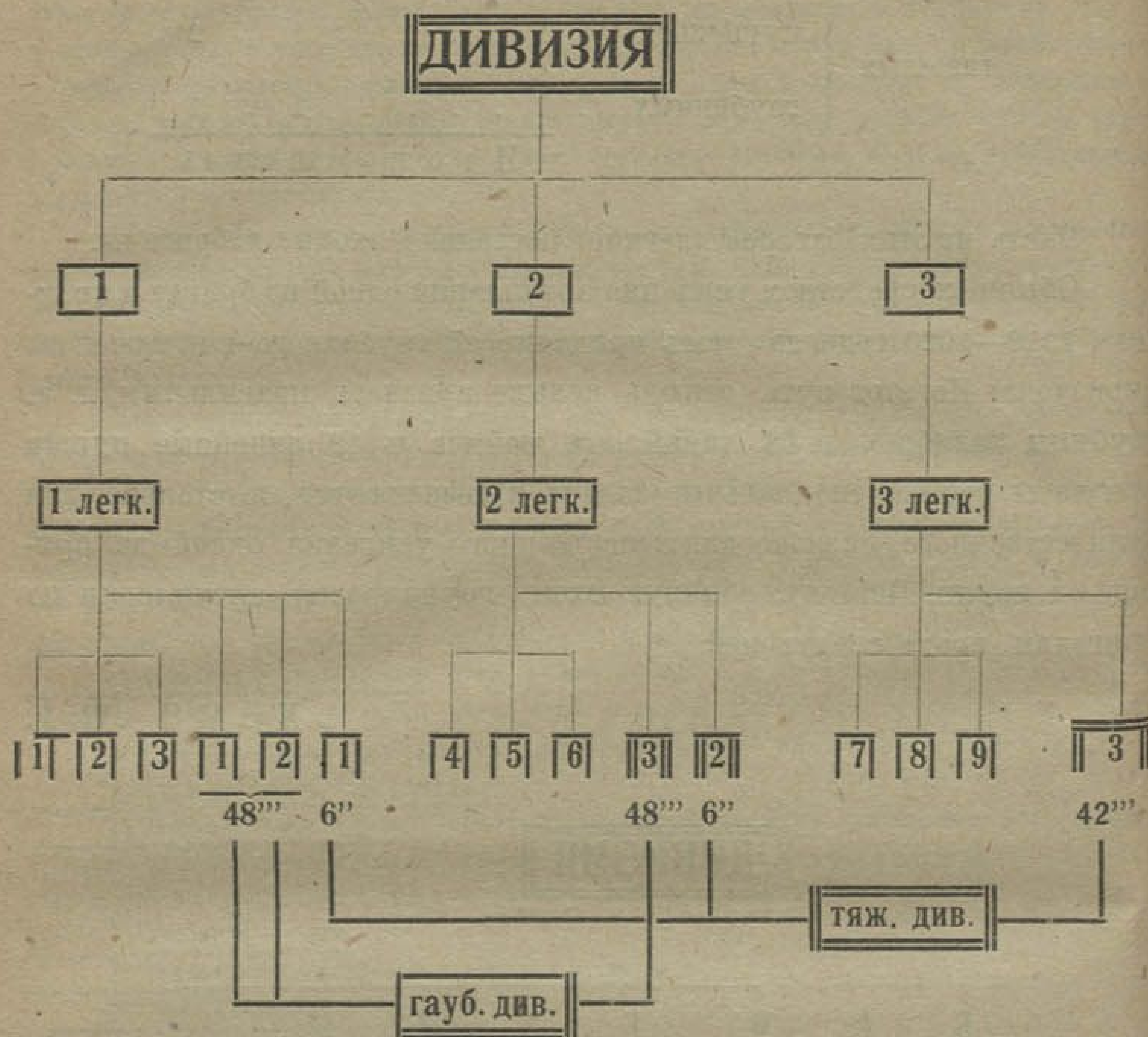
Обычным средством усиления артиллерии одной из бригад в практике 1918—1920 года являлось придание ей гаубичного или тяжелого дивизиона. Но этот путь отнюдь нельзя признать правильным, т. к. гаубицы калибром в 48 линий и 6 дюймов и 42 линейные пушки призваны решать специальные задачи и назначаются не столько для количественного, сколько для качественного усиления одной из бригадных групп. Поэтому, обычную схему группировки артиллерии по бригадам, вроде следующей:

Схема № 1.

в некоторых случаях необходимо изменить, раздробив гаубичный и тяжелый дивизионы по разным бригадам, как показано в схеме № 2.

Схема № 2.

или переместив часть легкой артиллерии из своей бригады в другую, как показано на схеме № 3.

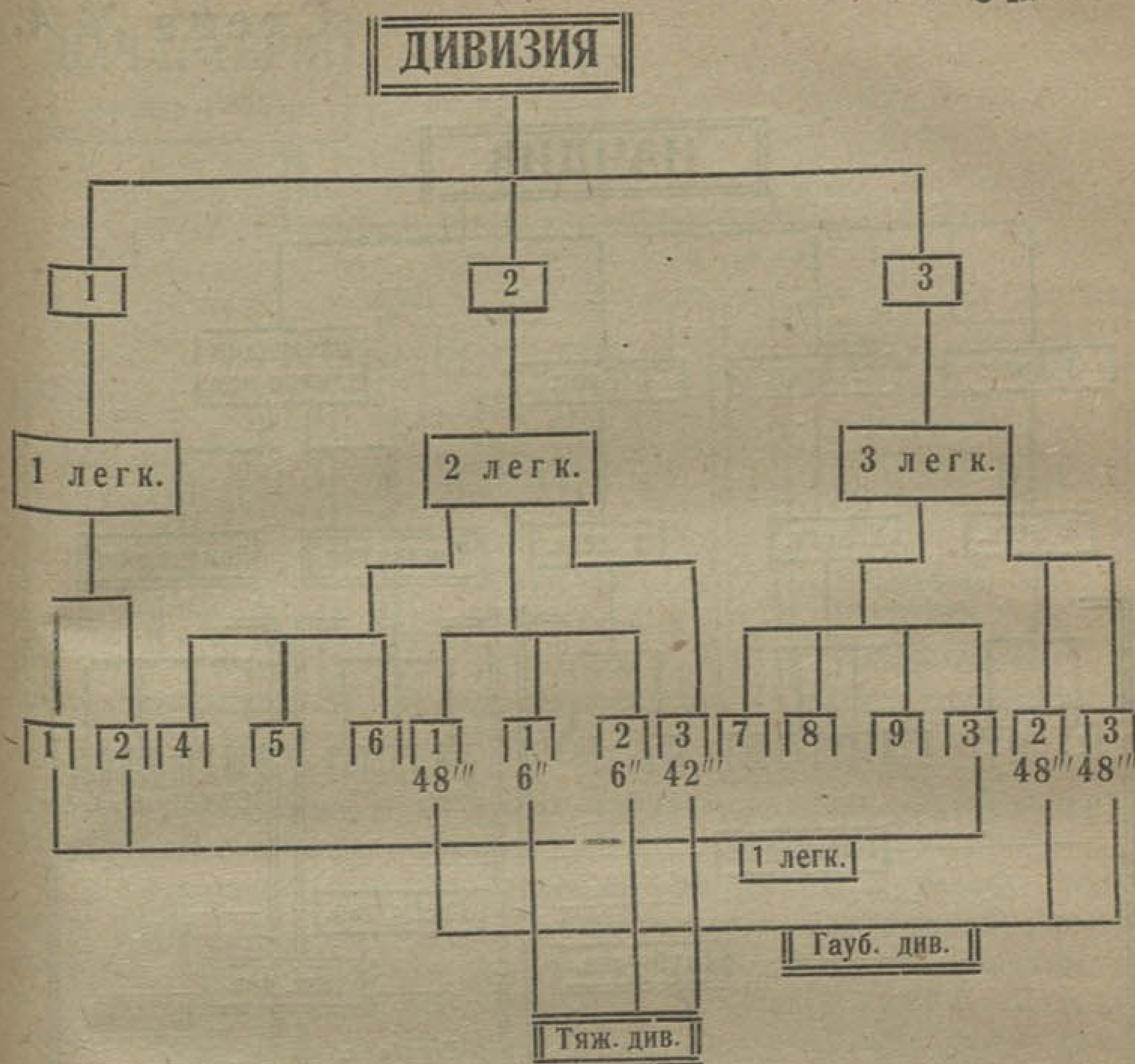
В случае создания дивизионной артиллерийской группы, в ее состав также может быть включена часть легких батарей.

Получится организация вроде той, которая изображена на схеме № 4.

Всякое такое перераспределение должно иметь критерием характер целей имеющихся перед отдельными отрезками общего участка, и возлагаемые на бригады задачи.

Артиллерия, придаваемая бригадам или составляющая дивизионную группу, не должна распределяться равномерно по всему боевому протяжению (нарушением этого правила особенно отличалось применение артиллерии в минувшую войну). Стремление дивизии добиться хоть какого нибудь огня перед всем фронтом приводит к тому, что артиллерия дробится и на главных и наиболее важных участках оказывается слабой. Недостаток артиллерии для создания непрерыв-

Схема № 3.

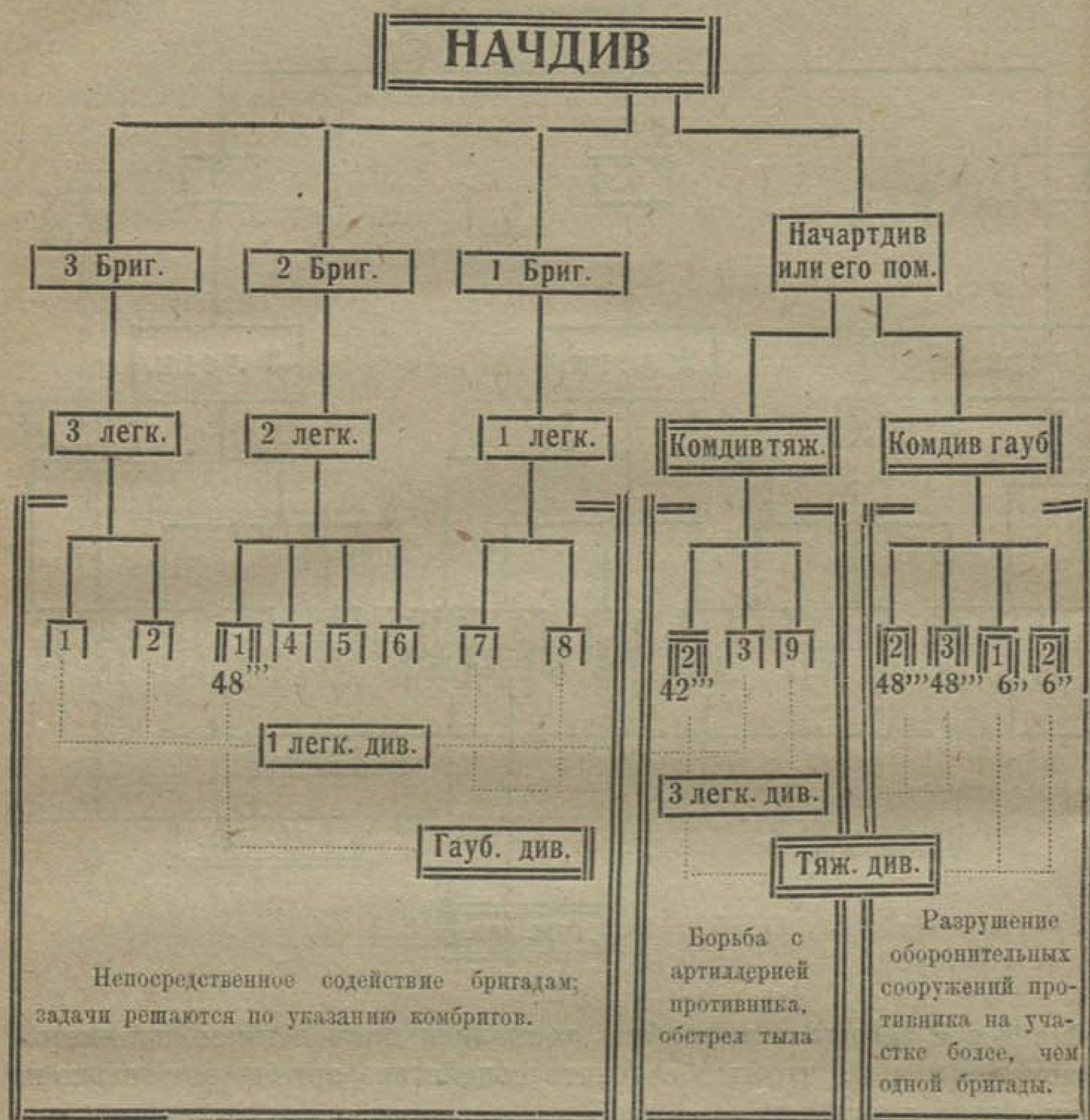

ной огневой завесы должен быть восполнен применением пулеметов, минометов и т. п., чтобы обеспечить содействие артиллерии только на важнейших участках.

Поэтому и в бригадах наличные батареи должны разбиваться на подгруппы, количество и состав которых зависит от численности включенной артиллерии и характера задач. Возьмем, например, случай, когда бригаде приданы, кроме своего дивизиона, еще две легких батареи, две гаубичных и одна тяжелая. Организация их в один из моментов боя может получить, примерно, вид схемы № 5.

При сосредоточении управления артиллерией в бригадах, начальникам артиллерии последних придется выполнить всю работу, указанную в предыдущей главе для начартдива. Возможно, что недостаток времени не позволит им отдать полный письменный приказ. В таком случае начартбриг сделает частные распоряжения, устно, каждому начальнику подгруппы отдельно. При неожиданных столкновениях, когда необходимо возможно быстрое введение артиллерии в бой, возможнс что начарты бригад, не имея достаточно времени и

Схема № 4.

сведений о противнике, принуждены будут отдать лишь очень краткие указания, определив своим подчиненным только общий характер выпадающих на их долю задач, границы участков для расположения и стрельбы и пути маневрирования. Тогда придется впоследствии, по выяснении обстановки, дать дополнительные указания, быть может, перераспределить участки и, если позволят условия, переместить часть артиллерии.

Во всех этих случаях каждый начальник должен заботиться об организации взаимопомощи между подчиненными ему группами, обра-

Схема № 5.

щая особенное внимание на стыки войсковых соединений: начартдивы—бригад, комдивы—полков *).

Не ограничиваясь взаимодействием на стыках и между группами, необходимо, поскольку это допускается обстановкой (время, средства связи), целиком использовать дальнобойность орудий и привлечь артиллерию к обстрелу даже удаленных целей. Получающийся таким образом косоприцельный, фланговый или даже тыльный огонь не только усиливает воздействие артиллерии количественно, но и увеличивает ее значение обстрелом сбоку и сзади, к которому войска особенно чувствительны.

VIII.

При определении назначения и количества артиллерийских групп можно преследовать следующие цели: 1) борьбу с артиллерией противника, 2) разрушение препятствий, затрудняющих продвижение пехоты при наступлении, 3) противодействие встречному удару при наступлении или отбитие атак противника при обороне и 4) непосредственное сопровождение атакующей пехоты.

В скоротечном бою трудно рассчитывать на планомерную борьбу с неприятельской артиллерией, поэтому создание отдельной противо-

*) В Красной Армии наблюдалось обратное явление—стыки являлись местом наименьшего сопротивления, в которое поляками неизмено наносился удар. Это об'яснялось, кроме малой связи и взаимодействия в пехоте, крайней раздробленностью артиллерийских сил и отсутствием какой-бы то ни было взаимной поддержки и выручки.

батарейной группы только ослабило-бы поддержку пехоты. Кроме того, в распоряжении артиллерии есть время для борьбы с неприятельскими батареями, пока пехота обоих сторон не сблизилась на расстояние действительного ружейного огня. Этим промежутком необходимо воспользоваться, чтобы всеми силами обрушиться на противника и потушить его артиллерию. В дальнейшем, по сближении, независимо от результата артиллерийской схватки, огонь главной массы батарей должен быть перенесен для непосредственного содействия пехоте и лишь небольшая часть их оставляется для борьбы с особенно вредящими батареями противника. Таким образом при ограназации групп должен быть предусмотрен переход от одних целей к другим и соответственно этому необходимо назначить начальников об'единений и организовать связь.

Постоянных отдельных групп разного назначения в полевом бою организовано не будет и в течении всего боя батареи будут последовательно решать разные задачи, начиная от обстрела неприятельской артиллерии, переходя впоследствии к обстрелу участков пехотной борьбы—местных предметов, укреплений, подступов—и живой силы противника. Только при наступлении небольшая часть батарей может быть выделена (если количество остающейся артиллерии за этим вычетом будет достаточно для решения главных задач) для ближнего содействия пехоте—подавления траншейной артиллерии, обстрела ближних подступов, разрушения препятствий, противодействия местным контр-атакам противника и сопровождения атакующей пехоты, для моральной поддержки и с целью немедленного выезда на захваченную позицию. Эта *артиллерия сопровождения* распределяется мелкими единицами (батареями, взводами) непосредственно между атакующими частями и решает задачи по их указанию. Об'единения ее в общую группу быть не должно. Работа-же прочих батарей, хотя и должна протекать в тесной связи с действиями пехоты, но эта связь не должна выражаться в распределении артиллерии мелкими частями между пехотой. *В случае недостатка артиллерии, выделение части батарей для ближнего содействия может быть сделано после того, как атака будет подготовлена или даже когда наметится успех.*

Нарушением этой схемы постоянно отличалась история русско-польской войны. Каждая батарея работала самостоятельно, подчиняясь пехоте и, в сущности, вся артиллерия назначалась для ближнего содействия. Поэтому не было об'единенной борьбы с батареями противника и систематического и об'единенного устранения всех препятствий на пути пехоты; такая бессвязность действий значительно понижала эффект артиллерийской работы.

Среди значительной массы артиллеристов распространено мнение, что артиллерия в резерве не держится, основанное на уставном указании, что „боевые свойства артиллерии допускают введение ее в бой в полном составе, без оставления в резервах“ *). Но, *допускают*—

*) Наст. для действ. арт. в бою, ст. 4 пун. а.

не значит *требуют*—и в оборонительном и в наступательном бою возможен случай постепенного введения артилерии в бой, со временным оставлением части ее в резерве. При наступлении таким случаем может быть, например, невыясненность места главного удара, вынуждающая задержать вступление в бой части батарей, тяжелых или гаубичных *). В обороне,—если имеется несколько равновероятных направлений наступления противника, также может оказаться полезным не выставлять на позиции всю артиллерию сразу, а выдвинуть до начала боя лишь небольшую часть батарей **). Вступление же остальных батарей должно быть вполне подготовлено и выполнено, во всяком случае, ранее неприятельской артиллерии.

Части, которые сорганизованы в бригадные, а тем более в дивизионные, группы и решают общие задачи, в постепенности, определяемой по ходу дела начальниками этих групп, становятся малоотзывчивыми к местным нуждам, хотя и мелким, но подчас имеющим серьезное значение для пехоты, особенно для морального ее состояния. Исправить этот дефект призваны батареи ближнего содействия, которые способны живо откликаться на требования пехоты открыть огонь. Но если этих батарей нет, полки, отличающиеся в настоящее время большой впечатлительностью, легко теряют устойчивость под влиянием даже незначительного, но неожиданного препятствия***); не будучи непрерывно поддерживаем и подогреваем артиллерийским огнем, хотя-бы и слабым, порыв пехоты быстро гаснет. Это обстоятельство должно быть принято во внимание не только при организации артиллерийских групп, но и путем установления *правил вызова огня*. До настоящего времени считалось, что только в обороне укрепленной полосы каждый пехотный начальник вправе вводить в дело артиллерию высшего соединения: командир полка—бригадную, комбриг—дивизионную. Быть может, исключительная тонкость, с какою пехота Красной Армии реагирует на быстро меняющиеся мелкие подробности обстановки, побудит распространить это правило и на остальные виды боя. Этот способ кажется единственным для повышения, столь необходимой в настоящее время, чуткости и отзывчивости артиллерии, но, к сожалению, он совершенно не проверен опытом. Поэтому о его приемлемости можно судить только на основании априорных рассуждений. Уже сейчас можно указать, что в смысле поддержки духа стрелков это было-бы очень полезно, так как вселило бы в них уверенность в бдительности, внимании и вездесущности артиллерии. Но такой путь опасен в другом направлении—большое количество частных просьб

*) Там же, ст. 138.

**) Там же, ст. 160.

***) В этом нет ничего нового, что не было бы свойственно прежним армиям: еще несколько тысяч лет тому назад греческий полководец и писатель Ксенофонт подметил: «что ни взять, приятное или ужасное, но чем неожиданнее оно для человека, тем более оно в нем вызывает удовольствие или страх. Это лучше всего наблюдается на войне, где всякая неожиданносль ужасает даже храбрейших.»

об открытии огня может связать руки артиллерии и не дать ей времени для планомерной работы в осуществление лежащих на ней обязанностей по отношению ко всему отряду в целом. В некоторых случаях, быть может, и придется распространить право вызова огня на младших начальников, но сделать это надо с большой осторожностью и постепенным расширением прав и, только убедившись на опыте в его полезности, дать ему права гражданства.**).

IX

Части введены в бой, заняли позиции и открыли огонь. Каковы теперь обязанности артиллерийских начальников и что обязаны делать начартдивы, командиры дивизионов и групп?

В области этого вопроса, как и в предыдущих, минувшая война отличалась полным хаосом. Не было никаких норм, выработанных путем изучения опыта и общих для всех. Каждый начальник действовал на свой страх и риск, подчиняясь более всего случаю, и лишь изредка можно отметить решение, которое было бы действительно строго обдумано и полностью проведено в жизнь. Во многих и многих случаях артиллерийские начальники, быть может, искренно желали поступить наилучшим образом, но этому мешала не всегда правильная оценка обстановки вследствие оторванности от общей оперативной работы, непонимание командованием свойств артиллерии**) и длинный ряд других причин.

Между тем и практика и ее лаборант—теория—дают вполне разработанный кодекс положений, как и что надлежит делать в бою тактическим артначальникам—от командира дивизиона и выше.

К числу обязанностей, общих для всей артиллерии, относится во-первых, постоянная забота о том, чтобы непрерывно быть в курсе всей обстановки.

Начальник отряда (дивизии, бригады полка), будучи поглощен управлением, легко может забыть сообщить своему начарту, что-либо даже важное. Мало того, утомленные и занятые люди могут даже с некоторым раздражением встретить постоянные вопросы о том, что делается. Все это вполне естественно, и винить их в этом не приходится. Никогда не упуская из виду своего вспомогательного, подчиненного положения, артиллерийские начальники должны с этим мириться, помня, что, раз оперативная работа идет мимо них, значит, в большинстве случаев, они сами не сумели внушить доверие, уважение и сознание необходимости своего участия в управлении. Чтобы выполнить эту обязанность—быть всегда в курсе дела—начальник ар-

---

*) Редакция приглашает читателей, артиллеристов и пехотинцев, высказать свое мнение по этому вопросу.

**) Например, противодействие, которое встретил начартдив 2 со стороны командиров бригад, когда он задумал создать группу для борьбы с бронепоездами (сб. 3-й журн. „Революция и Война“, статья „На подступах к Варшаве“).

тиллерии должен, как тень, следовать в бою за начальником отряда, оставляя за себя, если сам должен заняться другим делом, человека, могущего его вполне заменить. Он сам должен, не дожидаясь, пока ему сообщат, узнать все, что необходимо для целесообразной работы подчиненной ему артиллерии*).

Артиллерия способна не только получать сведения, об обстановке, но и давать их. Работа опытных артиллерийских наблюдателей и разведчиков, рассеянных по всему полю боя и следящих за противником с пунктов наилучшей видимости, дает иногда весьма ценные оперативные детали. Большое значение может иметь также знакомство командования с результатами, достигнутыми огнем батерей. Все эти данные каждый артиллерийский командир должен требовать от своих подчиненных и давать начальнику отряда. Если он сумеет доказать свою полезность в этом отношении, с ним, прежде всего, начнут считаться, как с ценным помощником. Но мало только накапливать эти сведения, надо управлять их сбором, регулируя разведывательную и боевую работу частей. Эта специальность в 1918—20 г. г. также сильно хромала и получаемые артиллерией сведения для общих нужд не использовались, а боевая работа сверху не регулировалась.

Далее, каждый артиллерийский начальник должен непрерывно держать своих подчиненных в курсе всех, ставших ему известными и касающихся их, перемен обстановки, намерений командования и т. п. Будучи в курсе этих перемен, каждый начальник группы (от начартдива до командира дивизиона), должен перераспределять задачи и ответственные боевые участки, не стесняясь сделать это на свой риск, если некогда испрашивать согласие начальника отряда, и перемещать артиллерию вперед**). В действительности на русско-польском фронте

**) Право перемены позиций назад, как общее правило, принадлежит начальнику отряда. Многочисленные случаи самовольного ухода с позиции батарей, имевшие место в русско-польской войне, объяснялись отсутствием связи с пехотой и часто вызывались стремлением спасти себя. В нормальных условиях они терпимы быть не могут. Конечно, победителей не судят и если артиллерия снялась по своему почину, выполнив все, что она могла сделать, и правильно поняв, что ей некогда дожидаться, пока ей прикажут это сделать, такое решение может быть ей поставлено только в заслугу.

*) В минувшую войну начальники артиллерии были тем менее в курсе обстановки, чем больший отряд они обслуживали и чем большее количество частей им подчинялось. Некоторые общевойсковые начальники даже умышленно отстраняли своих начартов от боевой работы. Известен случай, когда начальник дивизии предложил явившемуся к нему с оперативным докладом начарту: „лучше отправиться в тыл, на такой-то мост и посмотреть, как там проходят обозы“. В других случаях начартдивы настолько заваливались работой по артиллерийскому снабжению, что им некогда было заниматься своим прямым делом. Должность начальника артиллерии дивизии, в большинстве случаев, рассматривалась, как удобная синекура. Там же, где начартдив искренно хотел работать, его считали беспокойным элементом, упрекали в стремлении к артиллерийскому сепаратизму и стремились сбыть с рук. Желание быть в курсе дела рассматривалось, как назойливость, ненужная навязчивость. Чтобы не отстать от обстановки, начартдивам приходилось буквально шпионить, ловя налету проходящий оперативный материал. Исключения из этого положения были редки.

начартдивы и даже командиры дивизионов, будучи оторваны от оперативной работы, артиллерией не управляли и все делалось комбатами.

Затем, необходимо следить, чтобы понятное стремление каждого артиллерийского начальника обставить работу своей части наилучшим образом, выбрав наиболее удобную и глубокую позицию и т. п., не вылилась в недопустимую по обстановке затяжку; чтобы артиллерия могла работать, будучи надежно прикрыта пехотой (за исключением случая, когда она должна прикрыть последнюю, жертвуя собой); чтобы силы артиллерии (людей, конского состава, огнестрельные припасы) расходовались осмотрительно, приберегаясь к решительному моменту и были своевременно пополняемы.

Средством вводить своих подчиненных в курс дела и ставить им новые задачи является отдача дополнительных распоряжений. Для их своевременного получения должна быть организована широкая связь и на этот вопрос, так тесно связанный с управлением, должно быть обращено серьезное внимание всех артиллерийских начальников.

Если далеко не всегда хватит времени, чтобы отдать предварительный приказ такого об'ема, как приведенный выше (он и указан только в качестве наилучшей формы), тем труднее рассчитывать управлять такими общими приказами в бою. Деятельность артиллерийских начальников здесь выразится в ряде частных приказаний, большинство из которых будет устными. Но для того, чтобы не подвергать себя опасности упустить что-либо, а подчиненного—риску не понять или забыть, необходимо выработать определенную последовательность и форму этих устных распоряжений и при малейшей возможности подтверждать их письменно, хотя бы в виде телефонограммы. Надо помнить, что краткость не всегда является достоинством приказа и лучше сообщить излишнюю подробность, чем упустить мелочь, могущую впоследствии иметь громадное значение. Отдавая приказание, надо также помнить индивидуальность принимающего его, входя в большие подробности с подчиненными, мало способными и неопытными, и более ограничиваясь общими сведениями для тех, кто более подготовлен и способен к самостоятельности.

Наконец, одного присутствия в штабе и контакта с начальником отряда для руководства артиллерией мало. Место начальников групп— в пункте, откуда они могут лично все видеть и непосредственно указывать; если это место удалено от командира отряда, для связи с ним может остаться подчиненный и быть проведен телефон. Чем ниже начальник, тем в большее количество подробностей он должен входить и больше делать сам.

Основные условия успеха—*личная разведка (наблюдение), постоянный об'езд наблюдательных пунктов подчиненных частей и пребывание в месте, откуда виден участок, решающий исход боя.*

X.

После этих общих указаний можно остановиться на частных обязанностях начальника артиллерии и командира дивизиона (группы).

Наиболее животрепещущими вопросами в этой области являются: 1) круг деятельности обоих в бою и 2) место их пребывания.

Для начальника артиллерии дивизии существенным признаком для ответа на первый вопрос является, управляет он непосредственно артиллерией или нет. На схеме № 4 во главе дивизионной артиллерийской группы поставлен начартдив или его помощник. Лучше, чтобы это был последний, так как деятельность начарта должна охватывать весь фронт дивизии, а пребывание его в роли начальника какой-либо из групп может привести к сосредоточению внимания на одной подробности и сделать его решения односторонними и пристрастными. Итак, в общем случае начартдиву не следует брать на себя непосредственное управление одною частью артиллерии. В чем же тогда его обязанности? *В постоянном наблюдении за тем, чтобы артиллерия охватывала все нужды пехоты, чтобы ответственные участки групп (дивизионов) были распределены соответственно важности отдельных направлений, в об'единении и общем направлении работы групп и в контроле ее главных результатов.*

Этот круг обязанностей настолько понятен, что он никогда не вызывал в себе сомнений в среде начартдивов. Но, сознавая его, в 1918—20 г.г. они, большею частью, уклонялись от него в сторону минимума. Во-первых, это происходило потому, что их участие в бою тормозилось трениями, которые указаны выше. Во-вторых, этому препятствовало постоянное нахождение их в полевом штабе дивизии. Такой выбор местопребывания, основанный на желании быть вместе с начдивом, ставил их в неизвестность о положении на фронте, так так судить о бесконечно меняющейся обстановке по отрывочным донесениям они не могли (тем более, что значительная доля этих донесений им не бывала известна) и их распоряжения запаздывали. Место их, во всяком случае, скорее в передовой линии, на наблюдательном пункте, как сказано выше. Против этого возражалось „дивизия занимает обыкновенно столь большой участок, что невозможно выбрать пункта, с которого было-бы видно все поле боя“.

Но это и не требуется, достаточно видеть главнейшее—место начальника там, где решается усаст боя.—„Но, ведь тогда будет потеряна связь с начдивом“—следующее и главнейшее возражение—дано зрительная связь с событиями не менее важна, а чтобы не прерывать контакт с начальником дивизии, может быть оставлен помощник или начальник штаба.

Чтобы доказать справедливость приводимых положений, призовем на помощь язык цифр, статистику. На основании официального материала оказалось, что из рассмотренных (свыше 50-ти) боев в 9% начартдив мог обозреть все поле боя, в 80% мог отлично видеть место главной атаки и только в 11% случаев местность настолько суживала кругозор, что было наблюдать было затруднительно. Наряду с этим, в 92% начартдивы были в тылу и только в 8% побывали в передовой линии. Таким образом в десяти случаях против

одного начартдивы несознательно отказывались от непосредственного управления артиллерией. На возражение, что если начартдив уедет вперед, то у него не хватит провода, чтобы связаться с начдивом, можно ответить также цыфрами: 88% случаев, принимая во внимание расстояние между намечавшимся положениями начартдива и фактическим расположением полештадива, провода вполне хватало. Надо заметить еще, что расчет делался на основании срочных донесений начартов, а ни для кого не секрет, что в этих донесениях показывается далеко не все имущество.

Еще рельефнее определяется цифрами неправильность положения командиров дивизионов. В подавляющем числе случаев они также привязывались к штабам бригад, обращались в штабных работников и совершенно не учавствовали в командовании своей частью. В одной из дивизий начартдив даже додумался до обращения командиров дивизионов в „инспекторов артиллерии бригад". Мало того, что такие „инспартбриги" сами не исполняли своих обязанностей, встречались случаи, когда начальники артиллерии бригад назначали себе помощника, другого комдива, лишая еще один дивизион командира. Во всех этих случаях в оправдание приводилась необходимость связи с комбригом. Справедлив-ли этот довод, видно из того, что сказано выше о роли начальника артиллерии дивизии. Но и кроме того, жизнь дала несколько доказательств вреда пребывания командира дивизиона в штабе бригады. На одном из них следует остановиться.

В бою 27 стр. дивизии на р. Сервеч 2 октября 1920 г. поляки прорвали участок 79 бригады и вышли на линию артиллерийских позиций почти без потерь, не встреченные огнем батарей. Между тем значительная часть артиллерии могла принять участие в отражении атаки и если это не было сделано, то вследствие отсутствия на поле боя командира дивизиона, который, для связи, остался с комбригом. Была-ли эта связь важнее непосредственного руководства огнем и действительно ли она освещала командиру дивизиона обстановку, видно из журнала военных действий этого дивизиона, говорящего: „около 12 часов огонь наших батарей стих и вкоре после этого поступило сообщение, что противник переправляется у дер. Слобода и вопрос, почему молчат батареи. Как потом выяснилось, батареи замолчали по очень простой причине": противник вышел на высоту, где были расположены наблюдательные пункты двух батарей и сразу прервал их работу. В этом факте обращает на себя внимание последовательность, в которой командиру дивизиона становится известной обстановка: сперва он слышит, что артиллерия умолкает; это значит, что противник прорвал пехоту и уже вышел на наблюдательные пункты батарей. Только после этого командир бригады сообщает что неприятель „переправляется у дер. Слобода" (фактически он уже переправился и распространился вглубь версты на две). А „почему молчат батареи"—выясняется только впоследствии. Из этого примера

видно, насколько командиры дивизионов, находясь в тылу, плетутся в хвосте событий и абсолютно не в силах управлять своими батареями *).

Между тем им гораздо легче, чем начартдивам, обозреть весь свой участок, и провода для связи с комбригом, как показывает подсчет, всегда у них достаточно, да и ждет их впереди гораздо более почетная и ответственная роль, чем пассивное пребывание в тылу. Командир дивизиона есть тактический руководитель огня своих батарей. Нет его—нет управления их стрельбой. Командиры-же батарей—только технические исполнители предначертаний комдива. Если в войну 1914-18 г., когда комбаты имели долголетний служебный опыт и перед принятием батареи проходили курс офицерской артиллерийской школы, командиры дивизионов находили себе работу, то сейчас, при молодости и неопытности наших комбатов, к их доблести должно быть прибавлено опытное руководство более зрелых и знающих командиров дивизионов.

Обязанности последних гораздо шире, чем то они несли в последнюю войну. Находясь на наблюдательных пунктах одной из своих батарей, они обязаны: **)

1) Указать командирам батарей их позиции и наблюдательные пункты, допуская самостоятельный выбор их только в исключительных случаях;

2) Установить порядок выезда и направления фронтов батарей;

3) Назначать время и порядок открытия огня;

4) Указать порядок работы артиллерийской разведки в бою;

5) Согласовать работу своих батарей с соседними;

6) Организовать питание огнестрельными припасами;

7) В течение всего боя указывать командирам батарей цели для стрельбы или батарейные участки общей цели, определяя в последнем случае порядок (последовательность обстрела и т. п.) и способ (скорость огня, снаряд и т. п,) ведения огня каждой батареей;

8) Наблюдать за стрельбой батарей и следить, чтобы они не мешали друг другу, чтобы огонь их был согласован с обстановкой и выбор снарядов—с характером цели.

Конечно эти обязанности будут сильно сокращены, если часть батарей уходит „в отдел“ и получает самостоятельную задачу или если участок дивизиона настолько широк, что комдив не может его обозреть. Но и в этом случае он должен находиться на наблюдательном пункте батареи, получившей наиболее ответственную или трудную задачу или действующей на важнейшем направлении ***).

Если на долю командира дивизиона выпадает управление, кроме своих, еще несколькими батареями, то он не оставляет непосредст-

*) См. также «Бельские бои 8-й стр. дивизии» (журн. «Революция и Война», сборник 7—8), где пребывание в штабе командира 24-го легартдива привело к бесцельному шатанию на поле боя 5-й и 6-й батарей.

**) Наставление для действий полевой артиллерии в бою, ст. ст. 37, 60 и 92.

***) Место начальника там, где решается участь боя.

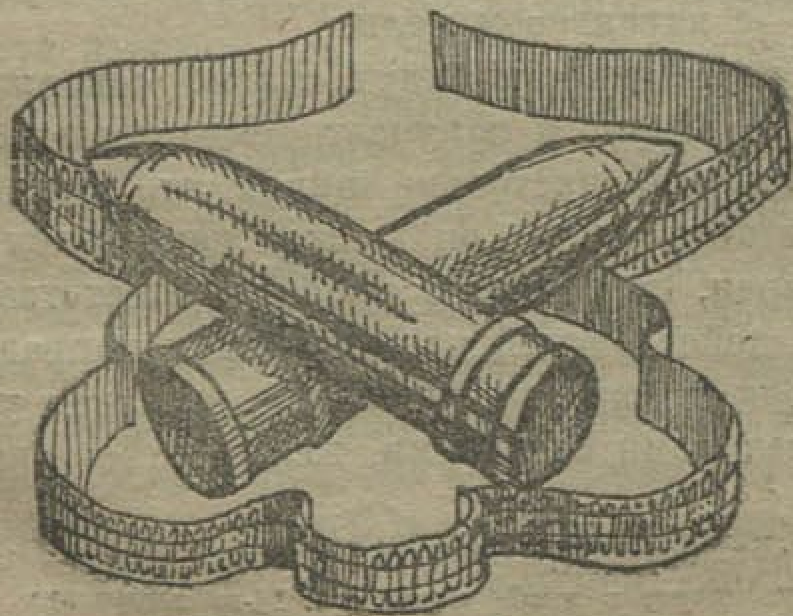
венного командования своим дивизионом, так как обе эти обязанности одна другой не мешают.

XI.

Война 1918-20 года на всех фронтах носила сугубо-маневренный характер, отличаясь крайней подвижностью боевой линии, растянутостью фронта, слабостью боевых участков и рядом других особенностей. В этих условиях многие из высказанных выше положений окажутся не всегда применимыми.

Нет сомнения, что многие из указанных особенностей об'яснились условиями, в которых протекала гражданская война: переходностью момента, спешностью формирований, недостатком снаряжения и пр. Но многие из них вызывались и самим характером войны, как столкновения двух общественных классов. Первые в будущем, можно надеяться, не повторятся; но вторые, свойственные самой природе гражданской войны, вытекающие из общих условий ее возникновения и ведения, безусловно повторятся и в дальнейшем, если Советской России вновь придется вступить на путь внутренней классовой борьбы. Кроме того, даже в случае войны внешней, нам придется учесть, что на театре военных действий неминуемо будет известное расслоение населения, при котором окажутся неминуемыми и некоторые отступления от существовавшего до сих пор порядка действий, напоминающие пережитую Россией эпоху внутренней войны.

Поэтому представляется необходимым отдельно остановиться на исследовании действий артиллерии в условиях гражданской войны, чтобы отделить в них проходящее от постоянного и попытаться установить принципы управления артиллерией в этих ультра-маневренных и полу-партизанских условиях. Этому вопросу, вследствие его значительного об'ема, придется уделить особую статью.

А. А. Дьяконов.

Военная игра и применение артиллерии. *)

I.

Начало 1921 года ознаменовалось устройством ряда военных игр, начавшихся в половине января на повторительных курсах при штабе запфронта и затем проведенных комиссией по инструктированию комсостава в штабах дивизий.

Настоящая статья не имеет своей целью разбор этих игр в стратегическом и обще-тактическом отношениях, но вопросы применения артиллерии, использования ее и даже самое понимание артиллерии, как вполне определенного рода войск в общевойсковом боевом порядке, имеющего свое особое назначение,—должно быть подвергнуто оценке с точки зрения артиллериста.

Я не имею намерения говорить об этом вопросе в духе специфического патриотизма специальных родов оружия, который был так ярок в рядах старой армии, и которому не может быть места в Красной Армии. Но старое положение: „не ошибается тот, кто ничего не делает“, должно быть развито и далее: „а ошибки на войне несут за собой кровавую расплату“. И особенно печальным будет факт появления этих ошибок из-за таких причин, как указано выше. Человек всего об'ять не может, для этого он должен быть исключительным гением. В противном случае его удел—поверхностная энциклопедичность. Но что от него требуют его обязанности, а подчас и долг, это знать он должен, и нет места ложному стыду тех, кто не имеет гражданского мужества признаться в своей неосведомленности.

Это кажущееся отклонение от прямой темы явится понятным, если принять во внимание то убеждение, которое иногда имеет место в поступках даже талантливых революционных бойцов. Его успех в бою вселяет в нем уверенность в правильности принятых им методов, а этих методов иногда на лицо и нет, а лишь оказывается простая случайность.

*) Составлено на основании материалов, имеющихся в распоряжении Инспектора Артиллерии Запфронта.

Разделение на „красных“ и „синих“ в дальнейшем изложении принято согласно заданий военных игр, в которых красные и синие являлись действующими сторонами.

Теперь-же, когда мы пересоздаем армию, нужно особенно прямо и смело подойти к своим прежним ошибкам, чтобы избежать нежелательного привития их в дальнейшей работе, а последующее исправление их может быть, пожалуй, и несколько поздним, тем более еще, что факт обнаружения этих ошибок в спокойной обстановке военных игр рождает предположение о том, каковы-же они будут в боевой обстановке, когда нередко не выдерживают нервы и у сильных волей людей.

Ошибки, сделанные в военных играх, обнаруживаются и в бою. Поэтому изучение их является делом большой важности.

II.

Принципиальным вопросом первого порядка в этом отношении явится постановка задач артиллерии. Если принять во внимание основное свойство батарей—их вспомогательная роль, а также и обусловливаемую самим свойством орудий техничность работы артиллериста,—то в переводе на жизненный язык придется принять положение, по которому на долю общевойскового начальника в использовании артиллерии остается роль заказчика, а артиллерист уже будет исполнителем этого заказа. Ему нужен срок и нужен самый заказ, а детали его исполнит уже сам артиллерист и вмешательство в его работу будет ненужным.

В 4-й дивизии комбриг „синих", предпринимая ночной налет на противника, ограничивается указанием командиру артиллерийского дивизиона: „оказывать всемерное содействие". Но, ведь „оказывание всемерного содействия" пехоте и есть основное назначение артиллерии, которое является одной из заповедей даже для каждого молодого артиллерийского солдата. О нем трактуют наши уставы и оно является одним из первых пунктом „наставления для действия полевой артиллерии в бою", той первоосновой или тем корнем, на котором базируется дальнейшее изложение. А где и как оказывать это „всемерное содействие", где-же задача? Очевидно, что такая общая формулировка приказа, по своей исключительной общности, не может носить характера задачи. При разборе этого эпизода военной игры было высказано опасение более точной задачей вырвать инициативу из рук артиллерийского начальника, но может-ли быть речь об инициативе вообще, если даже не указано самой задачи? И в результате— артиллерийский начальник должен непроизвольно тратить время на запросы своему ближайшему общевойсковому начальнику: „что мне делать". Если перевести этот вопрос в обстановку войны, то еще неизвестно, что он вызовет: улыбку или взрыв негодования.

Не меньшее значение имеет и излишняя детализация задач. Например, там-же командир полка „красных" в приказе за № 1 пишет: „командиру батареи стать на позицию в районе д. Макарнята

2-я, выслав одновременно с начальником команды конных разведчиков раз'езд пути. По установке орудий произвести пристрелку по деревням, прилегающим к правому берегу р. Березины, и ярко выдающихся предметов, имея ориентиром д. Верони. Таблицу целей прислать мне". В этой задаче командир полка входит в такие детали, как высылка и место раз'езда пути, что составляет прямую обязанность командира батареи, т. к. без раз'езда пути, который должен исследовать дорогу в смысле удобства прохождения ее для артиллерии, командир батареи может зайти в какой-нибудь тупик (болото, разрушенный мост, лесная сырая дорога, крутая гора или спуск и т. п.), выход из которого безусловно задержит установку батареи на позиции. Указание-же ориентира и желание иметь при себе таблицу целей для командира полка совершенно не нужно, ибо для него важен не ориентир батареи, а *направление данной стрельбы*, да к тому же и задание ориентира по карте имеет сомнительную ценность. Что-же касается до требования таблицы целей, то таковая нужна только лицу стреляющему, а так как командир полка сам стрельбу на батарее не производит, то и надобность для него в этой таблице находится под вопросом.

Комбриг „красных" 8 дивизии приказом за № 02/Г отдает батарею в распоряжение командира полка, и, еще *не имея сведений об обстановке*, уже сам непосредственно дает боевую задачу одному из взводов через головы командира полка и командира батареи, — этот случай является еще более ярким примером такого вмешательства. Если учесть, что такая возможность имеет место на военной игре, то ненужное и нервно действующее вмешательство высшего начальника в работу взвода, в действительной боевой обстановке, лишит артиллерийского командира уверенности в себе, а потеря этого свойства так не рекомендуется в бою.

—Примеров этому много, и детализация доходит даже до точного указания позиции для батареи по карте или требования немедленной установки батареи в местности, не освещенной даже общевойсковой разведкой и немедленного открытия огня (по какой цели—не указано).

Возвращаясь к выдержке из приказа командира полка „красных" 4-й дивизии за № 1, можно усмотреть в этом и излишнюю широту задачи. Действительно, обстановка была такова, как это указано на прилагаемой схеме.

Сектор обстрела для батареи указан в 135—140 градусов, при чем расстояние до противника было 11 верст, некоторые из деревень отстояли от батареи на 7—8 верст, а некоторые (д. Савичи) были заняты своими войсками. Ясно, что выбор ориентира оказался неудачным и командир батареи решил эту задачу, разбив батарею на два взвода, а сектор обстрела—на две приблизительно равных части

и поставив на каждую половину сектора по взводу, что несомненно понижало огневое действие. Очевидно, задача была мало продумана и слишком широко поставлена. Целей для батареи (деревни и выдающиеся предметы) было слишком много и только опасение командира полка пристрелкой обнаружить свою батарею помешало ей.

К широте задачи следует отнести также и задачи на переходы, когда артиллерии приказывается к определенному часу прибыть в то или иное место, не учитывая времени, необходимого для перехода батареи, и нередко переходы совершаются в обстановке, не только утомляющей, но даже и разрушающей конский состав. Скорость движения батареи (5 верст в час шагом) зависит также и от грунта дорог и времени года, а эти обстоятельства очень часто забываются.

III.

Одной из очень крупных ошибок в отношении использования артиллерии является неправильное распределение (группировка) артиллерии. Для пехотного командира ясно, что, увеличивая какой-либо отряд вливанием в него некоторого количества стрелков и пулеметов, он тем самым дает возможность этому, даже и численно малому, отряду выполнить большую задачу. Но когда поднимается вопрос о придаче пехотной части артиллерии, общевойсковой начальник часто упускает из виду, что пушка—не пулемет и тем менее может быть сравниваема со стрелком. Пушка тяжелее, неповоротливее, менее скорострельна, требует некоторого времени на изготовку к стрельбе, и в походном порядке является самым обыкновенным и достаточно громоздким обозом, так как для запряжки требует, минимум, шести лошадей, отвлекает людей для своего охранения и связана с качеством пути следования (особенно тяжелая артиллерия). А если принять во внимание ее, если можно так выразиться, индивидуальные свойства, заключающиеся в дальнобойности и могуществе огня, то в таком случае она будет уже сильно разниться от обыкновенных элементов стрелковых единиц. Следовательно, обобщая ее свойства, мы сможем сказать, что пушка должна быть употреблена там, где нужно *достать* противника или где нужно *разрушить* (употребляя это понятие в широком смысле слова). Для этой цели нет надобности слишком быстро передвигать батарею, „мотать ее“, раз она может стрелять как по целям, находящимся в непосредственной близости, так и по целям, находящимся на расстоянии 6—7—8 верст, не переходя с места на место. Поэтому придача батарей малым войсковым соединениям, как рота или батальон, достаточно гибким в движении, недопустима, и даже ее „моральное значение“ в таком войсковом соединении будет не велико. Мало того, она стеснит свабоду маневрирования этих отрядов.

На практике было несколько иначе. В 16 дивизии на военной игре взвод артиллерии был придан работающей в отделе роте, что было совсем излишним по обстановке и недопустимым с точки зрения тактики артиллерии.

Для того же, чтобы *разрушить* (понятие „разрушить", опять-таки, здесь взято в широком значении этого слова: сюда входит и поражение живых целей, и бризантное действие, и чисто фугасное разрушение), нужно направить большее число снарядов в место, намеченное для этого, т. е. „массировать" огонь. А для массирования нужна и соответственная группировка артиллерии, а не разбивка батарей по отдельным отрядам, хотя-бы это были и полки. Но практика расходится с этим требованием, ибо случаи разбивки батарей по полкам и прикрепление их к ним достаточно часты. В 4-й дивизии на „красной" стороне вначале было предпринято соединение артиллерии в группу, но потом обстановка потребовала выделения артиллерии, и одна батарея выдвинулась с полком для занятия сторожевого охранения участка развертывания бригады и была с самого начала операции придана этому полку. Другая-же батарея неожиданно была взята из группы и присоединена к полку, находившемуся в резерве и расположенному квартиро-биваком за правым флангом позиций. Таким образом, батарея на некоторое время как-бы пришивалась к полку и выходила из строя, ибо не могла быть использована по назначению.

Те два свойства артиллерии, которые были указаны выше, как дальность и разрушительность ее огня, ясно указывают на то, против чего грешит общевойсковой начальник, разбивая так артиллерию. При распределении батарей на позиции всегда следует исходить не из желания иметь батарею определенно на каждом участке полка, а из возможности соединения огня в пунктах, требующих особенно сильного поражения: ведь, благодаря своей дальнобойности, батарея сможет достать и соседний участок. Поэтому, первое и основное положение в группировке артиллерии—это массирование огня. То-есть, батареи должны быть расположены таким образом, чтобы их позиции удовлетворяли требованиям: 1) поражения всей площади участка, 2) взаимного огневого действия, выражающегося в возможности всегда или большей частью перенести огонь на соседний участок и сосредоточить его в определенном пункте, 3) достижения цели и 4) разрушения цели.

Первое условие будет выполнено, если батареи сгруппировать так, чтобы их сектора обстрелов захватывали частично и сектора обстрелов соседних батарей, тогда, хотя бы не в полной мере, но все-же будет одновременно удовлетворено и второе требование, взаимного огневого действия. Достижение цели будет выполнено,

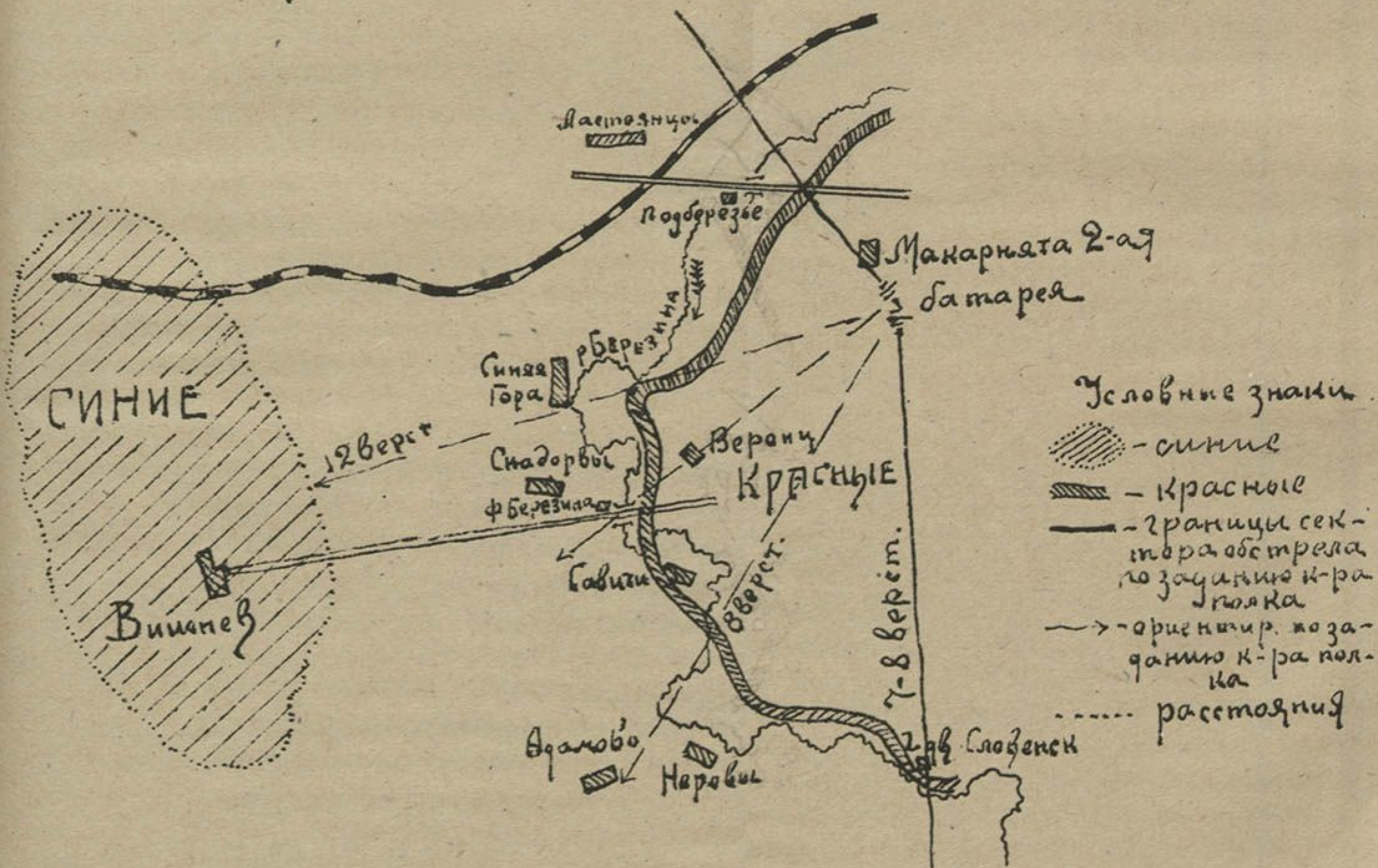
если батареи сосредоточить так, чтобы они могли достать цель, учитывая действительную дальность огня легкой артиллерии 6—7 верст, гаубичной 6—7 верст и тяжелой пушечной 10 верст. На практике давались настолько беглые задачи по карте, что цели были вне досягаемости огня артиллерии (на игре повт. курсов при Штазапе). Четвертое условие зависит больше всего от рода цели, чтобы знать, когда и в каком случае применять соответственный калибр и, следовательно, добавлять на тот или иной участок фронта гаубичную или тяжелую артиллерию.

Поэтому, распределение артиллерии по участкам не всегда совпадает с участками полков, а даже сосредоточение батарей на одном, наиболее важном, направлении может быть в ущерб нахождения артиллерии на другом участке и наоборот. Если это так, то желание командира полка или начальника боевого участка обязательно иметь батарею именно у себя далеко не всегда бывает резонно. И отсюда-же вывод: артиллерия наносит самое серьезное и сильное поражение, когда она в массе и достаточно правильно сгруппирована; артилерию желательно не разбивать и, во всяком случае, уже не прикреплять ее к полкам таким образом, как это было указано выше, чтобы батарея была выделена из группы лишь для того, чтобы стоять на квартиро-биваке с полком, к которому она придана. Другое дело, если полк работает в отделе, или участки полков так широки, что сосредоточение артиллерии в одном—двух местах нанесет явный ущерб другим боеучастками, главное, вред всему делу, в общем.

Отсюда-же будет ясен и тот протест, который иногда приходится слышать общевойсковому начальнику от артиллерийского, ибо прикрепление батарей к полкам лишает возможности быть полезными в бою. Основное положение, что *пушка—не пулемет,* что она усиливает участок лишь постольку, поскольку сильно она наносит поражение противнику, должно быть впитано и усвоено каждым начальником. Пехотной единицей, а тем паче живой силой, ее отнюдь считать не приходится.

Еще более вредной с тактической стороны является разбивка батарей на взводы, которые представляют так мало огневого значения, что им можно поручить только специальные задачи по обстрелам дефиле, мертвых пространств, наблюдения за железной дорогой на случай появления бронепоездов, или, вообще говоря, обстрел узких и не особенно глубоких целей. А на военных играх красной нитью проходило стремление разбить батарею на взводы с самостоятельной задачей для каждого, при чем взводам даже давались задачи по обороне участка на 6—8 верст (16-я дивизия), а иногда—и несколько задач (8-я дивизия), из которых взвод в результате не выполнил ни

Схема расположения и целей батареи красных в военной игре 4 див.

одной до тех пор, пока не соединился с другим взводом. Ценность такого рода задач не выдерживает даже самой поверхностной критики.

Конечно, теперь очень трудно говорить о таком массировании артиллерии, как это наблюдалось в империалистическую войну на западном фронте под Верденом или у нас во время наступления в Галиции, где, например, на участке в 8 верст, занимаемом VI армейским корпусом, было сосредоточено 3 артиллерийских бригады в количестве 114 легких орудий, не считая гаубичной и тяжелой артиллерии и артиллерии особого назначения. Но и в минувшую польскую кампанию производились случаи массирования артиллерии, как, например, в боях 21-й дивизии на участке Бытча-Кричин, севернее г. Борисова, во время неудавшегося наступления ее 3—6 июня 1920 года, где на участке около 10 верст было сосредоточено 4 легких дивизиона ударной группы, 2 легартдива 21-й дивизии, 1 гауббатарея 21-й дивизии, 1 тяжбатарея 40-й дивизии, 1 гаубичный и 1 тяжелый дивизионы ударной группы, общим числом в 24 легких пушки, 4—48 лин. гаубицы, 6—6 дм. гаубиц и 6—42 лн. пушек, а всего 40 орудий. И только задержка в наведении понтонов и неуверенность в себе пехоты помешала наступлению. В таком случае артиллерии уже приходится считаться с боевым настроением пехоты. В маневренной войне нет времени швырять тысячи пудов металла в своего противника, ибо срок артиллерийской подготовки всегда должен находиться в соответствии с общим наступлением. Первый звук выстрела пушки есть вместе с тем и сигнал для начала атаки, и к этому времени должны быть подготовлены и все остальные технические вспомогательные средства. В противном случае, как это и было указано в приведенном выше примере, получится бесцельная трата большого количества снарядов в момент артиллерийского „наступления“, а общее наступление по времени не совпадет с ним, и ясный результат всей операции—очевидная неудача. Такое положение тесно связано с полевой войной. В позиционной-же—артиллерийское наступление является не только введением, но и основной темой, а общее наступление лишь завершает работу артиллерии последним аккордом уже вполне подготовленной атаки, а за ней и захвата позиции противника.

В полевой войне скорость натиска, дополненная стремлением войск находиться постоянно на изготовке, и даст удачу. Почему артиллерийское наступление в полевой войне—кратковременно и является только прелюдией боя, тема которого разрабатывается пехотой.

В этом отношении также характерна будет и артиллерийская оборона. Артиллерийская позиция имеет своими элементами не только позицию в узком значении этого слова, т. е. место орудий, но и наблюдательные пункты, и места орудий, передков и батарейного

резерва. Когда мы наступаем, ясно, что всякое продвижение вперед открывает нам новые поля видимости, и поэтому артиллерийские наблюдатели будут итти или с пехотной цепью, или параллельно ее продвижению. При отходе, наоборот, мы теряем эти поля, и поэтому для нас важно сохранить за собой такие местные предметы, с которых артиллерия могла бы видеть свои цели, т. е., иными словами, при обороне пехота, помогая артиллерии, занимает рубеж наблюдения, дающий артиллеристам возможность наблюдать. В наступлении артиллерист применяется к пехотинцу, в обороне—наоборот.

IV.

Самое понимание артиллерийского огня в военных играх выливается в плоскость не материальную, а моральную, то-есть, берется на учет не действительная сила артиллерийского огня, а его чисто моральное значение. Стрельба „для морали" теряет всякий смысл по своей бесцельности и прямо запрещена существующими уставами и приказами.

Во время военных игр приходилось неоднократно встречаться с такими задачами. В 16-й дивизии командир полка „красных" приказывает командиру батареи ночью вести наблюдение за д. Саковщина на дистанцию в $3^1/_2$—4 версты и в случае обнаружения там противника открыть „ураганный огонь". Там-же артвзводу „красных" приказано ночью занять позицию у д. Пеньковщина и обстрелять переправу по карте с дистанции в 6 верст.

Термин „ураганный огонь", которым по помяти империалистической войны нередко злоупотребляют общевойсковые начальники, уже изжил свой век. Так называемый „ураганный огонь" предполагает расход большого количества снарядов, чтобы буквально засыпать все расположение противника, причем „ураган" огня достигается не беспорядочным потоком снарядов, а таким массированием артиллерии, общая стрельба которой, даже и не беспорядочная, даст огромное количество разрушающих единиц, и действие ее можно сравнить с действием „огневого урагана".

Теперь-же, в маневренной войне, при ограниченном расходе снарядов и при отсутствии массовых скоплений артиллерии на одном участке, нужна строгая планомерность и обдуманность для каждого отдельного выстрела, а для этой цели нужен максимум поражения, который идеально будет достигнут, если каждый брошенный снаряд найдет цель. Необходимость же „ураганного огня", в случае обнаружения противника в том или ином пункте, не оправдывается действительностью. Чтобы поразить количеством брошенных снарядов, сосредоточить массы артиллерии нельзя. Следовательно, командир полка предполагает, имея в своем распоряжении всего одну батарею,

дать большое количество снарядов на каждое орудие, т. е. придать стрельбе характер беспорядочности, что безусловно не действительно.

Другой эпизод использования артиллерии также неудачен. Для обстрела таких малых целей, как переправа, нужно удаление артиллерии не более 2-х верст, нужны передовые наблюдатели и точная корректура. Достоинство-же стрельбы по ней по карте, да еще с дистанции 6 верст и ночью—очень проблематично. Оправданием для нее может служить только желание иметь моральное впечатление.

В этом отношении очень характерен спор, разыгравшийся у участников игры. Комбриг „синих", который наступал на переправу и по отрядам которого был открыт такой артиллерийский огонь, узнав детали стрельбы, решил просто не обращать на нее внимания, ибо такую стрельбу считал для себя безвредной; а комбриг „красных", наоборот, находил, что стрельба его артиллерии действительна. Конечно, более близок к истине был комбриг „синих", но руководителем была внесена поправка, что стрельба имела свое моральное действие, и переправа должна была быть оставлена „синими".

Мне лично вообще кажется несколько непонятным термин „моральное воздействие артиллерии", ибо только недостаточно воспитанный в военном отношении рядовой солдат может быть покоен, когда слышит звук своей артиллерийской стрельбы. Командир же должен отнестись к этому сознательнее и более критически. Самое лучшее моральное впечатление от огня артиллерии,—это, когда видишь наносимое ею разрушение, а значение стрельбы впустую, только одним своим звуком, для командира должно иметь свою оценку.

Стрельба-же ночью ведется по целям, пристрелянным засветло, так как наблюдение и корректирование стрельбы в темноте невозможно и нужна особая тщательность этой работы.

Стрельба при помощи карты вообще требует точных данных, причем стрельба эта ведется по достаточно широким и глубоким целям, преимущественно по населенным пунктам. Поэтому, стрельба при помощи карты и по такой малой цели, как переправа, недопустима.

V.

Выше уже указывалось, что артиллерия в походном порядке является обозом и почти совершенно беспомощна, ибо живой силы в батарее очень мало и артиллеристы, как не принимающие непосредственного участия в рукопашном бою, слабо вооружены. Поэтому всегда артиллерия требует для себя особого прикрытия при движении для устранения всех неожиданностей боевой обстановки.

Нахождение артиллерии на позиции также не уменьшает степени ее безопасности, потому что в непосредственной близости от бата-

реи всякая складка местности может дать мертвое пространство, не поражаемое огнем артиллерии, даже если она стреляет на „картечь". А в случае внезапного появления противника с фланга или с тыла, чему было очень много примеров в гражданской войне, артиллерия является прямо таки беззащитной. Наконец, артиллеристы—более чем многие другие бойцы должны обладать выдержкой, ибо нередко они под сильным обстрелом исполняют чисто механическую работу, а спокойствие артиллерии может дать только присутствие вблизи от батареи особого охранения, ибо на самоохранение у артиллерии не хватит ни сил, ни средств.

Все это заставляет требовать для артиллерии прикрытия в виде особых пехотных отрядов, охраняющих батарею на походе и на позиции. Охрана батарей на позиции проводится в жизнь выдвижением небольших пехотных отрядов с пулеметами на фланг артиллерийских позиций, для наблюдения за ними и обороны позиции до того момента, пока не будут поданы передки на батарею, и, следовательно, батарея получит возможность спокойно сняться с позиции. Идеальным решением вопроса в этом отношении была бы придача дивизионам и батареям постоянного прикрытия (хотя бы по роте в 90 штыков на дивизион), что частично и было проведено в жизнь организацией при батареях особых пулеметных взводов, но малая численность действующих частей не давала возможность выделить постоянное прикрытие, а пулеметы, загромождая обоз в покойном состоянии, не всегда справлялись со своей задачей в бою.

Во время военных игр поправка на то, что при батареях имеются пулеметные взводы, сделана не была—почему особенно должно-бы быть выполнено условие о выделении прикрытий. Фактически артиллерия двигалась самостоятельно. В 4-й дивизии, несмотря на то, что настроение населения по заданию игры было охарактеризовано, как враждебное и даже со случаями предательства—артиллерия двигалась самостоятельной группой и такой-же самостоятельной группой была размещена в местах сосредоточения. В 5-й дивизии командиры полков обоих сторон давали прикрытие артиллерии на походе, но не давали его в бою. В 17-й дивизии батарея „красных" была поставлена в сторожевое охранение на линии передовых застав.

Характерно замечание одного из командиров полков при разборе военной игры, что „конечно, если артиллеристы не имеют личной храбрости, то им нужно прикрытие", но такое понятие о прикрытии, как о необходимом дополнении отсутствующих личных качеств, не подходит под нормы, установленные принципами, как тактики вообще, так и тактики артиллерии в частности.

Выше уже отчасти рассмотрены причины, заставляющие требовать прикрытие и заставляющие давать его. Конечно, трудно будет

сказать что-либо о продуктивности работы такого наводчика, который будет вынужден, устанавливая одной рукой прицельные приспособления пушки, в другой держать винтовку или револьвер для самообороны; или кто своевременно подаст передки на батарею, если ездовых вооружить винтовками и выставить вперед для охранения? А противники выставления прикрытия на военной игре, в нежелании его выставлять, доходили и до этих курьезов.

Помимо чисто тактических оснований необходимости прикрытия, нужно считаться еще и с моральной стороной дела. Если пехота привыкнет считать, что артиллерия ей необходима для подготовки ее атаки и что она на много облегчает ее боевую работу, если она привыкнет помнить вообще об артиллерии,—то нет сомнения, что и оберегание такого ценного в тактическом и дорого стоящего в материальном отношении рода войск, как артиллерия, будет для нее действительной необходимостью, и тогда не будет места для упреков артиллерии в отсутствии личной храбрости, так как это обвинение я могу об'яснить лишь только полемическим приемом. Часто, будучи покинутыми своей пехотой, отстреливаясь на все четыре стороны или прикрываясь своими же стреляющими на картечь взводами, а иногда даже кидаясь в атаку на противника, артиллеристы пробивали себе путь для отхода и спасали дорогие для них пушки (Примеры: отход 4-го дивизиона ударной группы из-под г. Игумен в мае месяце 1920 года, гибель той-же группы под д. Мелейчицы во время отхода от Варшавы, гибель тяжгруппы 6-й дивизии под г. Лида, работа 2-й гаубичной батареи 4-й дивизии у германской границы при отступлении из-под Варшавы, отход от Варшавы артиллерии 16 дивизии и т. д.) Примеров этому много. И не хотелось бы кидать упреков в сторону пехотного начальника, что иногда он забывает о своей артиллерии, а хотелось бы полного единодушия в боевой работе артиллериста с пехотинцем и наоборот.

VI.

Все только что сказанное о взаимоотношениях пехоты и артиллерии проистекает из отсутствия связи между общевойсковым и артиллерийским начальником. Всю связь можно разбить на 2 основные группы: материальную и духовную, причем в данном случае материальная связь понимается в самом широком значении этого слова. Сюда войдут, в качестве составных единиц, и буквально техническая связь, и связь живая, и связь с помощью быстроходных машин и летательных аппаратов.

Такая связь должна итти от артиллерии к пехоте путем соединения телефоном или путем высылки ординарца и передового наблюдателя. Подробно останавливаться на ней я не буду, ибо необходи-

мость ее отрицать нельзя. Только при наличии связи (материальной) между артиллерией и пехотой возможно своевременное исполнение задач, возлагаемых на артиллерию.

Но я позволю себе сказать и подробно остановиться на взаимной духовной связи артиллерии и пехоты. Успех боя зависит не только от успешности маневра, своевременности атаки, хорошо оборудованной технической подготовки операции, таланта полководца,—но и от настроения и стойкости войск и согласованности действий. Это последнее является одним из крупных факторов боевых успехов. И вот тут-то и нужно единение войск между собою.

Настроение войск, как некоторая массовая психологическая величина, складывается из многих слагаемых и одним из них, и наиболее крупным, является то единение, о котором я говорил. Еще в империалистическую войну присутствие артиллериста в передовом окопе, а артиллерийского офицера в штабе полка, поднимало настроение у присутствующих, ибо за этим, ничтожным по внешности, событием чувствовалось, что артиллерия всегда готова притти на помощь пехоте в трудные для нее минуты. Часто появлялись требования артиллерийского огня иногда даже и по незначительным целям, ибо самый звук выстрела, как я и говорил выше, производил свое впечатление: подавляющее—для противника и возбуждающее—для своих войск. Даже общевойсковые начальники и теперь злоупотребляют иногда этим требованием, что отмечено в руководящих приказах по западному фронту и против чего приходится возражать. Но факт остается фактом: артиллерия, как мощная разрушительница, своим огнем, де еще если он наносит удачное и ясно видимое поражение, поднимает дух бойца. С другой стороны, артиллерист уверен в себе, не нервничает, а хладнокровно и отчетливо работает только тогда, когда он знает, что пехота не выдаст его и сумеет защитить в минуту опасности. Ибо артиллерист при всякой неустойке на фронте заботится не только о себе, но должен и по уставу, и по чувству долга прежде всего позаботиться о своих пушках, суметь их „вывезти“ и спасти. Пехотинец-же знает только себя и поэтому он, если можно так выразиться, в отходе легкомысленнее артиллериста, который связан пушкой.

Все эти соображения и заставляют привести в общевойсковую связь элемент духовной связи. Она может быть проведена в жизнь многими путями. Но, так сказать, оффициальная сторона этого может быть намечена в виде необходимости: 1) Взаимной информации общевойскового и артиллерийского начальника об обстановке на фронте, причем артиллерист докладывает общевойсковому начальнику все, что видит с наблюдательного пункта или о чем получает донесения,

(даже и касающееся специально пехоты). Но так как обнять весь боевой участок может только идеальный наблюдательный пункт, а таких на практике мало, то и пехотинец периодически сообщает артиллеристу результаты своего наблюдения за полем и информирует его об общей войсковой обстановке, как на своем боевом участке, так и на соседних. По артиллерийской линии такая информация (при условии достаточного, хотя и малого количества средств связи) возможна. В двух операциях на р. Березине 1920 года, в составе двух дивизий, даже в крупных артиллерийских соединениях всегда получались свежие донесения об обстановке и только от артиллеристов, которые по собственной инициативе в трудные моменты боя очень часто (примерно через каждый час) доносили об обстановке, так что, как это ни странно, а информация дивизий запаздывала по сравнению с артиллерийской на 2—3, а иногда и 4 часа. Обо всех таких донесениях ставилось в известность общевойсковое командование, причем было два случая, когда начдивы отнеслись к ним с недоверием, т. к. ближайшие по времени сводки давали им другие данные об обстановке, но путем немедленной поверки через штабы бригад и полков убеждались в их достоверности. Этот пример особенно убеждает в том, насколько важна такая взаимная информация в бою. К сожалению, артиллерия почти не имеет информации от пехоты, а сводки штадивов запаздывают по времени, сравнительно с сообщениями по артиллерийской линии.

2) Взаимной оперативной работы общевойскового и артиллерийского начальников, что даст возможность общевойсковому начальнику во всякое время иметь у себя мнение соответственного специалиста, а боевые приказы в отношении артиллерии не будут носить характера непродуманности, сквозящей в задачах, которые были указаны выше.

3) В высылке в пехоту, даже в передовые цепи, артиллерийских наблюдателей.

4) В ознакомлении с огневым и тактическим свойствами артиллерии, состоящей при дивизии, пехотного и кавалерийского командования, путем устройства при штабах полков и бригад краткосрочных курсов или цикла сообщений по тактике артилерии, для всего комсостава пехоты и кавалерии, начиная с комвзводов и кончая комбригами.

5) В устройстве популярных сообщений по артиллерии в красноармейской среде.

6) В прикомандировании к батареям некоторых лиц из пехотного и кавалерийского командовния на время учебных стрельб, соединяя их в группы и знакомя со стрельбами на наблюдательном пункте и на батарее под руководством знающих артиллерийских инструкторов.

7) В совместной работе на тактических учениях и маневрах всех родов войск.

Эти требования для установления духовной связи только лишь намечены и могут быть развиты в ту или другую сторону. Но они—необходимы.

VII.

Заканчивая настоящую статью, я хочу еще упомянуть о тех ошибках, которые были допущены артиллерийским командованием во время военных игр. Артиллерийские начальники иногда мирятся с ненормальным фактом передачи артиллерии по полкам, а иногда, как это имело место в 17 дивизии, получая полную инициативу в свои руки, все же по своему почину раздают батареи пополкам, устранив себя тем самым от технического и тактического руководства. В случае недостаточной ориентировки о положении со стороны общевойскового начальника, проявляется мало настойчивости в требовании такой информации, вследствие чего даже издаются приказы (к-р 4-го дивизиона, 2-й дивизии), в которых не сообщается данных об обстановке, а эти данные приказывается получить у находящегося уже на позиции командира батареи (2-й батареи). То же самое и в 5-й дивизии, где комдив с целью выяснения обстановки посылает своего начсвязи в передовые линии.

В приказах заранее указывается время переноса огня, как это было во 2-й дивизии, где комдив как-бы предугадывает заранее то, чего в действительности предугадать нельзя, т. к. перенос огня зависит от продвижения вперед пехоты. Батареи и наблюдательные пункты располагаются слишком скученно, иногда в одном и том-же месте, что несомненно облегчит пристрелку по ним со стороны противника, причем очевидно забывается то положение, что массирование артиллерии или ее группировка—это совсем не означает, что батареи должны быть обязательно в одном районе, а наблюдательные пункты—в одном месте.

Позиции выбираются не всегда достаточно тщательно, при наличии в районе, указанном для позиций, данных, могущих обусловить выбор лучших позиций, причем не учитывается весь рельеф местности.

Забываются наблюдательные пункты старших артиллерийских начальников, а иногда и совсем не указываются.

Отсутствуют расчеты на связь.

Нет данных об артиллерийской разведке и наблюдении за полем, а эти два фактора являются одними из основных в боевой деятельности артиллерии...

Критиковать всегда легче, чем создавать самому... Но самокритика должна быть, а указанием уже допущенных ошибок и критической оценкой можно достигнуть приближения к истине или хотя бы к правильному пониманию дела.

Развитие тактики пехоты. *)

(Перевод с немецкого и комментарии М. Баторского).

Маневренная война до большого весеннего сражения 1918 года.

Строевой пехотный устав 1898 года, периодически освежаемый и дополняемый, положил с 29 мая 1906 года в основу обучения пехоты требование активности и наступательного порыва.

Старшие начальники усматривали основные причины успеха на войне в соответствующей тактической подготовке войск, в духе проявления инициативы, в усовершенствованной стрелковой подготовке и втянутости войск в походные движения.

Нельзя отрицать того, что порыв вперед, был чрезмерно развит в войсках. Это отражалось на полноте взаимодействия артиллерии и пехоты в бою, а также лишало органы разведки необходимого им времени на рекогносцировки; замечалась также любовь к густым стрелковым цепям.

Все-же подготовка мирного времени была настолько действительной, что резервисты мало отличались в работе от кадровых чинов; офицеры запаса (ландвера) выделялись своей подготовленностью и преданностью.

Заметно сказывалось значение пройденных до войны, на учебном поле курсов; осталось пожалеть, что программа курсов была ограниченной.

---

*) Настоящая статья Балка напечатана в 1920 г. в немецком ежегоднике «Военные поучения большой войны», выпущенном под редакцией М. Шварте и являющимся фактическим продолжением Лебелевского ежегодника, который не выходил с начала Европейской войны.

Предполагая в ближайшем времени выпустить ее отдельным изданием, Редакция журнала «Революция и Война», ввиду несомненного интереса, который представляет эта работа маститого представителя немецкой военной мысли, помещает ее в текущем сборнике в выдержках, с комментариями Генерального Штаба М. А. Баторского. *Редакция.*

С первых-же дней войны стала очевидной необходимость проверять знания каждого войскового начальника; при отсутствии соответствующей с его стороны подготовки дальнейшее повышение не производилось.

В силу наступательного порыва и личной храбрости, потери в офицерском составе в первых-же сражениях, как и в франко-прусской войне, были очень велики и в короткий срок ротами, а подчас и баталионами, стала командовать молодежь. Личность жертвующего собой начальника, его руководство, выводило войска из многих тяжелых положений, заставляя их следовать его примеру.

Считаясь с тем, что пехота, подготовленная к наступательному бою, с'умеет и обороняться, этому виду боя не было уделено должного внимания. Командование и войска уделяли обороне незначительный интерес, а к лопате прибегали неохотно.

Защита сводилась к обороне одной, по возможности группового характера, позиции, сравнительно густо насыщенной войсками; решение боя искали в атаке главными силами.

Значение выдвинутых вперед позиций, которым ранее принципиально отдавалось очень небольшое значение, по мере развития крепостной (позиционой) войны, получило другую оценку. Вследствие все большего усовершенствования авиации возник вопрос о необходимости создания ложных фортикационных сооружений.

Пехота была вооружена магазинными ружьями 98 года.

Количество положенных на полк пулеметов—шесть, было недостаточно.

Баллистические свойства пулеметов были прекрасны, но система салазок была тяжела. Щиты должны были служить защитой прислуге и в периоды временного огневого затишья, но своими размерами выдавали местонахождение пулеметов.

Снабжение шанцевым инструментом, вследствие сделанного еще до войны дополнения в штат полка специального шанцевого обоза, возившего 230 больших лопат, подверглось значительным изменениям.

Малой лопатой рота могла вырыть окоп длиной 150 метров; недостаточным оказалось снабжение плотничьим инструментом и ножницами для резки проволоки. Ручные гранаты (введенные впервые в русской армии) служили вспомогательным средством у инженерных войск.

Пехотные полки были снабжены телефонными отделениями с 18 килом. армейского кабеля, разведывательные части снабжались полевым кабелем.

Резервные формирования были снабжены слабее.

Особое значение для маневренной войны приобрели походные кухни, которые имелись в русской армии, но отсутствовали в английской и французской.

Егерские баталионы, пополненные специально подобранными запасными, имеющие задачей поддерживать армейскую конницу, были

усилены ротами самокатчиков и пулеметной ротой. Эти части, будучи специально подготовлены в стрелковом отношении, дали прекрасные результаты. Управление всеми частями войск, входящими в дивизию, было об'единено в руках начальника дивизии; старший начальник (командир корпуса) сохранял за собой руководство тяжелой артиллерией, органами разведки и вопросами тыла.

Разделение дивизии на 2 пех. бригады, по 2 полка каждая, с приданной арт. бригадой, также 2-х полкового состава, с числом дивизионов по числу пех. полков, способствовало совместному действию обоих родов войск; этому несколько противоречило наличие своего одного легкого гаубичного дивизиона.

Невыгоды двухбригадной системы заключались в том, что, при завязке боя из походной колоны, бригадное управление не сохраняло своей целости и один из бригадных командиров оказывался не у дел. Более рациональным разрешением этого вопроса был-бы переход, путем сокращения числа единиц, на 3 пех. полка и на 3 арт. дивизиона, из коих один легкий гаубичный, что и было сделано в течении войны и более всего отвечало требованиям боя. Зачастую в организационных вопросах командование шло значительно дальше, перемешивая в дивизионах легкие пушки с гаубицами.

Ход операций доказал, что все новые формирования, равно как и войсковые соединения ландвера и ландштурма, при условии предявления к ним таких-же требований, как и к полевым войскам нуждались в усилении артиллерии и пулеметов. Никто в период мобилизации не мог заранее предусмотреть, где именно и на какие участки будут выдвинуты эти части.

Первоначально рассчитанная на 3 эскадрона, дивизионная конница обладала достаточной боеспособностью, которая оказывалась излишней по мере того, как работа конницы свелась к службе связи и ближней разведке.

Из технических средств, дивизия имела саперную роту и дивизионный мостовой парк; для маневренной войны этого было достаточно, но с переходом на позиционную войну этих средств оказалось недостаточно. Специальных разведывательных войск не было; в части медицинских средств имелась санитарная рота.

Тактика маневренной войны.

Операции, веденные немцами на западе, не в несли в технику боя существенных изменений и войска, наступая по методу подготовки мирного времени, выполняли задания с большим успехом, хотя подчас и с большими потерями. После первых боевых испытаний командование настаивало на необходимости разжижения наступающих цепей, а также на выигрыше во времени, необходимом для производства детальной боевой разведки и достижения большей связности в действиях пехоты и артиллерии.

На восточном театре военных действий, где мы имели дело с противником, располагавшим хорошей пехотой, к тому-же опытной в деле ведения боя ручными гранатами и в самоокапавании, наша пехота также оказалась вполне на высоте и больших изменений в технике боя не требовалось.

Устав, требовавший большой дисциплины от войск, развил в них наступательный порыв и частную инициативу в отдельном бойце, что дало им возможность умело применяться к боевой обстановке. Большие потери свидетельствовали о пренебрежении основными уставными положениями.

Превосходство германской тактики, в особенности, сказалось в бою под Саарбургом. Ружейный огонь был огромной действительности, что явилось следствием подготовки мирного времени, уделявшей внимание каждому отдельному выстрелу и развивавшей в войсках умение вести как одиночный огонь, так и целым войсковым соединением.

Главный огневой бой завязывался в 800 метрах, после чего цепи продвигались широкими и длинными скачками (перебежками) вперед, стремясь дойти до противника, зачастую не ожидая содействия своей артиллерии.

Это выдвижение скачками приводило к тому, что огонь противника ослабевал, и в большинстве случаев французы начинали свой отход, не принимая атаки, к моменту отхода наступающего на 500 метров, представляя для нашей артиллерии прекрасные цели. В ближнем бою войска чувствовали свое превосходство над противником. Пример со стороны офицеров и отдельных, наиболее воодушевленных солдат (которые в мирное время принадлежали к наиболее недисциплинированным) имел решающее значение. В бою все шли вперед и стреляли перед собой.

Уже в первых боях сказалось возрастающее значение самостоятельности отдельного бойца. В этом отношении мирная подготовка войск дала хорошие результаты. Достигшее-же в мирное время полного совершенства, управление огнем путем команды оказалось применимым, самое большее, при завязке огневого боя. Взводный командир будет стремиться, как можно дольше указывать цели и назначать прицел, но управление сравнительно скоро выскользнет из его рук и перейдет в руки отделенного начальника, а впоследствии и отдельного бойца.

Это не имеет существенного значения, если стрелок обдуманно ведет огонь, наблюдает за его результатами, патронов зря не расходует, самостоятельно усиливает огонь при появлении цели или прекращает его, при скрывшейся цели.

Пехотный устав указывал, что успех достигается переносом огня на ближние дистанции и борьбой за огневой перевес пехоты, поддержанной артиллерийским огнем; одновременно он пред'являл пехоте

требование скрытого подхода и сближения на средние дистанции, с которых и рекомендовалось открывать огонь.

За время войны все более крепло убеждение, что ведение ураганного огня по защитникам первой линии дело артиллерии и что огонь окапывающейся пехоты играет, в этом случае, второстепенное значение.

В вопросе подхода пехоты на дистанцию, с которой ей можно атаковать, помимо местности, решающую роль играет действительность нашего артиллерийского огня и перевес его над, приведенной к молчанию, артиллерией противника.

Но и при самых выгодных условиях, артиллерия расчистит своей пехоте путь к победе только при наличии в продолжении всей наступательной операции тесной взаимной огневой связи. Основное требование существования таковой, это их личное знакомство; пехота должна знать, какие ей предназначены на поддержку части артиллерии, она должна ставить их в известность о местонахождении своих передовых цепей, должна отдавать себе отчет, чего она вправе ожидать от артиллерии и насколько долго она может рассчитывать на ее содействие. Артиллерия, в свою очередь, должна знать—какую пехоту она назначена поддерживать, где она будет наступать, против какого участка фронта противника намечен прорыв, с какой стороны можно ожидать контр-наступления противника. Приданные пехотным штабам артиллерийские офицеры связи, снабженные достаточными средствами связи, передают в артиллерию желания пехоты, в то время как, выдвинутые в первую линию, артиллерийские наблюдатели сообщают на батарею о результатах ее стрельбы, заблаговременно предупреждая, когда надо переносить огонь, во избежание поражения своей пехоты. Перенос огня должен быть твердо установлен условными знаками. При отсутствии заблаговременно налаженной связи артиллерия неминуемо, бесцельно и преждевременно расстреляет свои снаряды по незначительным целям или, чего доброго, будет попадать по своей пехоте. Действительная поддержка может быть оказана лишь при условии, что пехота определенно укажет месторасположение первой линии своих цепей. В первые месяцы войны это почти всегда забывалось. Недостаточная артиллерийская поддержка вынуждала пехоту браться за лопату, чтобы удержать занятое пространство.

Пехота скоро поняла, что неосторожное поведение штабов и войск привлекает артиллерию противника, которая сосредотачивалась на тех участках, где, по мнению французских начальников, должны были находиться или двигаться германские войска.

Французы стреляли преимущественно с дальних дистанций, по площадям, расходуя много снарядов, что приводило неопытную и неосторожную часть к большим потерям, тогда как часть обстрелянная всегда с‘умела-бы уберечь себя от таковых.

Беспрерывная разведка и изучение впереди-лежащей местности вопрос первостепенной важности для пехоты, чтобы ей иметь возмож-

ность быстро пройти дальние и средние дистанции, передвигаясь отделениями или неправильными жидкими стрелковыми цепями, и достигнуть позиций на дистанции в 400—500 метрах от противника. На этой дистанции цепи должны быть подкреплены резервами, передвигающимися за цепями, от укрытия к укрытию. Выдвижение резервов должно вестись также в разомкнутых строях, волнами.

Накапливание большими массами за хорошо видимыми местными предметами было-бы ошибкой.

Успех наступления всецело зависил от подготовленности младших начальников. Баталионные и полковой командиры имели настолько много дела с урегулированием вопросов связи войск и артиллерии, равно как с обдуманным и ловким продвижением резервов, что не могли лично особенно заботиться об управлении ротами.

Ночные бои приобрели большое значение, однако успех их, вследствие недостаточной подготовки, нередко бывал сомнительным.

Густые, короткие по фронту цепи, с выдвинутыми вперед лазутчиками или сомкнутые строи были наиболее выгодными. Выгоды движения без выстрела сами по себе очевидны. Все расстояния сокращались, решение боя искали в штыковом бою, без единого крика. При неожиданной встрече противника, наиболее выгодным считали атаковать его.

Так как противник безусловно готовился к огневой встрече наступающего, считалось вполне целесообразным вызвать этот огонь демонстрациями, ведя наступление в другом направлении. Во всяком случае, следовало принять меры к расчистке пути своей пехоте.

Наступление, преследующее глубокое продвижение в расположение противника, требует глубокого распределения войск с тем, чтобы на каждую группу войск противника, от которой можно ожидать сопротивления, была-бы назначена особая часть наступающих войск.

Действия при искуственном освещении (условные знаки для распознавания собственного освещения или при стрельбе по своим) и совместные действия с прожекторами требуют подготовки и умения.

При обороне должно быть разрешено открывать огонь лишь при обнаруженном противнике; рекомендованные наставлением для стрельбы станки для ночной стрельбы не нашли себе применения; ночной поверочный огонь производился с большим успехом пулеметами, чем стрелками. Зачастую считалось целесообразным не занимать окопа, т. к. сидящий ниже защитник был в менее выгодных условиях, чем атакующий; казалось правильнее считать окоп за препятствие перед фронтом.

Выдвинутые во Фландрии, в октябре 1914 года, резервные части учли опыт предыдущих боев западного фронта, но им все-же пришлось считаться с большими трудностями, связанными с сравнительно кратковременной подготовкой, присущей новым формированиям.

Первые бои стоили неопытной части больших жертв, пока не выработались определенные приемы, принятые к лету 1915 года: подход

к противнику на дистанцию 800 м., имея впереди себя патрули, которые обязаны вести разведку противника и местности, подготавливая сбором сведений все необходимые данные для боя; выдвижение рот на узком фронте, жидкими волнами, следующими одна за другой на расстоянии 200 метров; окапывание, начиная с первой стрелковой позиции, ввод пулеметов и усиление линии огня, при доведении расстояния между стрелками до 2 шагов.

Групповые выдвижения (отделениями) на следующую стрелковую позицию, где опять таки необходимо окапываться; атака с близкой дистанции (последней стрелковой позиции), под защитой своего огня и немедленное закрепление занятого пространства, для парирования возможных контр-атак противника.

Изменения в распределении войск, снаряжении и вооружении.

Опыт позиционной войны внес к лету 1916 года изменения в распределении войск и их вооружение, как у нас, так и у противника; последнее повлияло на способы ведения боя. Дивизии перешли к трехполковой организации и одному арт. полку в 9 батарей (из коих три легко-гаубичных) и 2 саперных роты; численность дивизионной конницы была сокращена до одного эскадрона, одновременно было проведено значительное увеличение частей связи.

Тяжелая артиллерия придавалась по мере надобности. Число пулеметов было значительно увеличено. В состав каждого баталиона вошла пулеметная рота в 6 пулеметов. Со временем, путем технических усовершенствований в системе, число пулеметов на роту могло быть удвоено. Потребность своевременного пополнения частей, несших большие потери—с одной стороны, и стремление к достижению более отвечающей боевой обстановке подготовке этого пополнения, с другой—привели к созданию рекрутских депо (запчастей) в прифронтовой полосе. Каждой дивизии было придано по одному запасн. баталиону, служившему приемником.

Труднее всего было пополнить потери в командном составе; пришлось решиться на выделение части его перед серьезными боями в резерв, не взирая на то, что эта мера могла быть истолкована недоброжелательными элементами по—своему и получить несоответствующую действительности окраску.

Во Франции, с начала 1916 года, была принята та-же система распределения войск, что и в Германии, но с той разницей, что баталион был составлен из трех стрелковых рот и одной пулеметной с придачей 37 м/м скорострельных пушек; во взводах специалисты были отделены от подносчиков. Увеличение силы огня достигалось еще придачей каждой роте 8 легких пулеметов—ружей и введением бомбометов. Таким образом, даже при отсутствии ручных гранат, пехота была достаточно хорошо вооружена и могла вести достаточно интенсивный навесный и прицельный огонь. В Германии ружья—пулеметы

были введены в армии с 1917 г., а бомбометы с начала 1918, когда выяснилось, что принятые в обращении минометы для маневренной войны слишком тяжелы.

Взводная колонна, как оказавшаяся на войне мало пригодной, уступает место развернутому строю, применяемому даже при сосредоточении части в резервный порядок, хотя этот вид построения и не допускает возможности производства всех учебных перестроений, равно как ведения огня из сомкнутого строя, залпового огня и перехода в атаку. Отпало также понятие о переходе из развернутого строя в колонну по отделениям, во время движения, равно как и всякого рода способы перестроений в боевой порядок, для открытия огня и для продолжения дальнейшего движения.

Рота должна уметь по приказу применять формы строя, наиболее отвечающие данным условиям местности и обстановке; построения взводов при этом могут быть различны.

Основное требование—умение рот применяться к каждому отдельному случаю. Новое значение получила колонна рядами и по одному. Иначе говоря, в положение об обучении пехоты, внесено то изменение, по которому, (как и в Англии и во Франции) пулеметчики и прочие специалисты были выделены в отдельные взводы или роты.

Каждый боец должен быть одинаково хорошо подготовлен к владению ружьем и ручной гранатой. Отделение, в одинаковой степени, должно быть обучено и подготовлено к стрелковому бою и к ударным действиям. Шесть ружей-пулеметов ставятся или на правом фланге, или в начале каждого взвода или распределяются по-полувзводно.

Баталион состоит из 4 рот, одного взвода ружей-пулеметов, разведывательного отделения и пулеметной роты. Баталион сосредоточивается по-ротно, в походные колонны или в развернутом строю. Пулеметная рота состоит из трех взводов, каждый по 2 полувзвода. Оба пулемета полувзвода возятся на пулеметной двуколке.

Для облегчения системы пулемета он может быть снят с салазок, которые заменяются станком или земляным мешком. Необходимо научить умению заряжать ночью и в противогазе. Перестроения с пулеметами делаются в большинстве случаев при свернутом и разряженном пулемете, в отличие от ружья-пулемета, которое допускает передвижение в заряженном виде, если оно поставлено на предохранительный взвод. Перестроения производятся шагом.

Приемы атаки в маневренной войне.

Противник занимает быстро сооруженные окопы без многочисленных убежищ, не имея впереди себя проволочных заграждений. Развитие и сохранение наступательного порыва в войсках является особой заботой. Только один вид боя—наступление диктует свою волю противнику; оно-же остается и при обороне лучшим средством борьбы. Для воспитанных в наступательном духе войск наступление остается выполнимым даже при сравнительно слабой подготовке поля боя.

Успех достигается при этом не числом вводимой в бой пехоты, а соответствующей ее подготовкой, снаряжением, ловкостью начальников войск, взаимодействием огневых средств, быстротой и настойчивостью действий. Без огневой подготовки возможны или внезапные или ночные атаки.

Способы действий при атаке заключаются в об'единении управления огнем и движении вперед.

Основная задача заключается в том, чтобы уметь, в даваемых основных руководящих положениях, найти правильный путь к сочетанию в атаке действий огня и ударной тактики. Пехотный устав учел, что „лучшим средством к облегчению продвижения является достижение огневого перевеса, которое определяется соответствующим ослаблением ружейного и пулеметного огня противника“.

Новое положение придерживается другого мнения, считая, что ружье и пулемет не являются решающим элементом, а исход боя решается силой удара, заложенной в самих наступающих. Открытие и ведение огневого боя главным образом ложится на пулеметы; они должны сперва разбить врага и лишь после этого должна быть введена в бой пехота (сперва применять действие машинного оружия, а потом вводить в бой людской материал и рисковать его жизнью).

Пехотный устав (ст. 324) указывает, что „наступление состоит в перенесении огня“. От хорошо подготовленной пехоты требовалось, чтобы „на местности, не дающей выгодных укрытий, пехота открывала огонь со средних дистанций 800—1200 метров“ (ст. 326 устава). Сейчас, при значительном увеличении огневых средств, мы должны требовать большего. Пехота должна без выстрела подойти возможно ближе, открывая огонь возможно позднее.

Ширина фронта дивизии вряд-ли будет превосходить 2 километра, которые, естественно, не будут заняты стрелками равномерно.

Стрелки могут быть с успехом заменены пулеметами и ружьями-пулеметами, отчего сила огня не ослабеет, а только увеличится. Наступление, преследующее цель глубокого продвижения в сторону противника, требует длительной поддержки его из глубины резервами.

Это требование оказалось-бы невыполнимым при широких фронтах. С другой стороны, более широкий фронт желателен, как дающий возможность использовать полностью необходимую для наступления артиллерию и выгоды местности. Считаясь с этими требованиями, не остается ничего другого, как обдумать целесообразное распределение сил на дивизионном участке и наметить фронт прорыва, где атака должна будет вестись особенно интенсивно, и участок, на котором мы удовлетворимся достижением частных успехов.

Эти пассивные участки, прилегающие к атакованному и прорванному участку, отпадут сами собой и будут очищены противником под угрозой охвата их флангов.

Наставление отличает переход к боевому порядку с похода от развертывания в цепь. Первоначальное перестроение с похода в бое-

вой порядок должен собою предусматривать в скрытом виде будущую группировку, намеченную для боя. Войска ни в коем случае не должны попадать в сферу огня противника в походной колонне; однако из этого не следует, что они должны преждевременно сходить с пути следования или делать лишние передвижения. Заблаговременно организованная и своевременно доносящая боевая разведка служит основанием отдаваемого приказа.

При условии получения сведений от пешей разведки, впереди идущие патрули, руководимые в большинстве случаев офицерами, должны быть заблаговременно высланы вперед; одновременно необходимо принять все меры к быстрой передаче от них сведений в часть.

Эти патрули должны быть достаточно сильными, чтобы быть в состоянии отбросить передовые охраняющие части противника.

В большинстве случаев баталион займет по фронту до 300 метров, имея 2 роты в первой линии, а остальные 2 будут следовать за первыми.

По основному положению, пулеметная рота остается при баталионе, но в зависимости от обстановки может получить и другие задания (поддержка определенного участка по особому заданию, фланговый огонь, организация так называемых пулеметных батарей).

Патрули с ружьями-пулеметами высылаются от роты заблаговременно, когда она еще в 5000-6000 метров от противника, приступает к перестроению из походной колонны в боевой порядок, получив свою полосу наступления. Открытие огня противника поставлено всецело в зависимость от степени заметности движения пехоты: чем оно незаметнее, тем фактически позднее будет открыт огонь. При движении можно рекомендовать промежутки между людьми до 6 шагов. В распоряжении роты будет участок в 150 шагов.

Дабы избежать перемешивания взводов в бою, рекомендуется выдвижение в первую линию небольших частей от каждого взвода; этого-же требует возможность выдвижения в первую линию большего количества ружей-пулеметов, без необходимости с первых-же шагов подтягивать резервы. Поддержки (резервы) следуют полувзводами, в сомкнутом или разомкнутом, одно-шереножном или двух-шереножном строю, от закрытия к закрытию. Во всяком случае они должны быть ближе к своей линии, чем последняя к противнику. Под прикрытием местности и своего артиллерийского и пулеметного огня, применяя соответствующие строи, продвигаются наши передовые роты с ружьями-пулеметами; при этом, если только возможно, огонь с нашей стороны должен быть открыт как можно позже, с наиболее близких дистанций. Пулеметы должны поддерживать пехоту, начиная с дальних дистанций, т. е. открывая огонь с 1200 метров. О времени открытия огня ружьями-пулеметами в наставлении ничего не говорится, во всяком случае выгоднее открывать ими огонь с ближних дистанций. Стремление сохранить атакующие войска в наиболее

свежем состоянии к моменту атаки приводит к необходимости перенести тяжесть завязки и проведения огневого боя на пулеметный огонь.

Требовать одинакового построения от взводов и равнения по фронту не следует: в своем продвижении взводы могут оказаться в различных условиях, поэтому наставление так и подчеркивает необходимость самодеятельности отдельных командиров.

Продвижение следует производить как можно дольше шагом.

Большие перебежки взводами выгоднее; следует считаться с готовностью к перебежкам ружей-пулеметов. Если приходится следовать по местности, бедной укрытиями, то во избежание потерь от артиллерии противника, придется применять перебежки небольшими частями, волнами, или рядами на широких интервалах. Однако такое расчленение не должно, ни в коем случае, отражаться на единстве управления (ст. 282). При продвижении ружья-пулеметы должны пользоваться случаем для развития своего огня.

На выгодные для открытия огня позиции, под прикрытием местности подаются пулеметы (ст. 373). Позиция, выбираемая для пулеметов, должна быть по возможности скрытой и незаметной противнику, т. к. опыт войны показал, что обнаруженные пулеметы быстро выводятся из строя. К об'единению огня пулеметов следует стремиться созданием пулеметных батарей. Пехота не должна отказываться от содействия пулеметов, прекращение их огня при передвижении ни в коем случае недопустимо.

Поэтому рекомендуется часть пулеметов с началом боя вести на близких дистанциях, непосредственно в линии цепей, или выдвигая их заблаговременно вперед, другую-же часть переводить с позиции на позицию, достигая этим эшелонированием непрерывности действия. Применение минометов и ружей-пулеметов зависит от обстановки. Во всяком случае участие их в бою весьма желательно.

Наставление ничего не говорит *о применении лопаты при наступлении.* Повидимому это основано на том, что в стремлении окапываться и оборудовать каждую промежуточную стрелковую позицию усматривают противоречие основному принципу—возможности быстрейшего сближения с противником для атаки. Только на этих дистанциях сразу решится вопрос успешности нашей атаки. Здесь каждый боец на учете. Лишь тот стрелок, у которого не хватит силы продвигаться дальше, возмется за лопату для удержания занятого пространства.

Дать нормы расстояния, с которого следует переходить в атаку, устав не может. По мирному времени была принята норма в 100 метров, во всяком случае к самой атаке необходимо переходить с такой дистанции, которая гарантировала-бы нам наибольшую силу удара.

Требование достигнуть ударом намеченной цели, сломив сопротивление противника силою атаки или при преследовании, должно служить руководящей нитью.

Для атаки примыкается штык-тесак к ружью (в германской армии огневой бой ведется без примкнутых штыков. М.Б.); с большим

успехом применяются ручные гранаты. Ружья при атаке остаются заряженными, ввиду большой действительности огня с ближних дистанций.

Наставление требует вести атаки на двухстороних занятиях, с применением различного вооружения, с кирками, лопатами, штыковым боем и даже без оружия. Короткое, до атаки, могучее „ура", должно парализовать противника и завершить ее. При появлении преждевременных криков пропадает элемент внезапности. Как исключение допускается атаковать без криков „ура", дабы не привлечь внимание соседних участков. Как только прокричали ура, так сейчас-же горнисты подают сигнал „вперед" (ст. 286). К моменту атаки, ружья-пулеметы должны быть в первой линии, так как огонь их с ближних дистанций, в период самой атаки и начатого преследования весьма полезен.

По завершении атаки наступает момент ослабления, который надо сейчас-же побороть, дабы быть готовым парировать контр-удары. Для этой цели, т. е. отражения контр-атак противника, могущих последовать с его стороны, следует применять пулеметы.

Оставшиеся позади пулеметы и минометы должны быть сразу подтянуты вперед, нужно только избегать первоначального их сосредоточения в одном пункте, дабы не подвергнуть обстрелу неприятельской артиллерии. Начальники должны после атаки первым делом привести свои части в порядок и, в зависимости от обстановки, или приступить к преследованию или перейти к обороне. При обороне следует сидеть за выдвинутыми вперед разведывательными партиями и выдвигаемыми батареями.

С первых-же шагов преследования нужно установить наблюдение за флангами, связаться со своей авиацией и с артиллерией, указав ей линию фронта передовых частей, равно как подтянуть переносные проволочные заграждения, огнеприпасы и средства связи.

Наставление не упоминает об обороне, считая, что основные положения позиционной войны вполне применимы и для маневренной войны. Принцип разделения огневого и ударного действия войск, выдвинутый позиционными условиями ведения боя, остается в силе и при обороне в условиях маневренного ведения операций.

Если оборона принимает характер длительной неопределенности, часть бойцов может быть с успехом заменена пулеметами; последние могут быть легко выведены из-под огня и поля зрения противника.

Получающаяся экономия в стрелках может быть использована для усиления войск, предназначенных к отражению контр-атак, однако при условии, что от этого не подвергнутся опасности действующие пулеметы.

Залог успеха при обороне кроется в умении замаскировать свои передвижения и группировку от воздушной и пешей разведки.

Охраняющие части могут замедлить атаку, оспаривая у атакующего ряд пунктов, необходимых ему для наблюдения за огнем и для разведки.

Атакующий, пользуясь при продвижении ложбинами и местными укреплениями, стремится под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, достичь как можно скорее дистанций дла атаки, в особенности командующих пунктов или дающих выгоды фланкирования.

Выгоды скрытого подхода парализуются затруднениями, встречаемыми при разворачивании, отсюда вытекает применяемый способ огневой обороны.

Бой решается, в конечном счете, вводом в действие, скрытых от огня и взоров противника, резервов.

* * *

За время войны тактика пехоты пережила огромную эволюцию. Техника приобретала все возрастающее значение. Это обстоятельство с еще большей очевидностью выдвинуло значение отдельного бойца. Управление войсками должно быть направлено к тому чтобы эти свойства отдельного бойца, его собственного «я», не были потеряны и затерты значением техники. Исскуство младшего командования и заключается в том чтобы суметь, своевременно использовать вспомогательное оружие и его баллистические качества, подкрепив все это работой стрелков или ударников. Мы начали войну применением густых цепей, стремясь поразить противника силою огня. Увеличение, как численное, так и силы, действия старых и изобретение новых средств боя привели к более тесному действию пехоты и артиллерии и к значительному расчленению пехоты. Даже рота не представляет собой одного целого в бою, а разделяется на ряд частей, которые, действуя в удалении друг от друга, работают в одном и том-же направлении.

В этом и заключается трудность новой тактики пехоты, которая требует наличия хорошо подготовленного командного состава и отличных качеств от одиночного бойца. Рядом с этим стоит требование: сперва применять действие машины, а потом уже с уверенностью пускать в ход ценный человеческий материал.

„Но не машина решает исход боя, а непреклонная воля подготовленного командования и, прежде всего, высоко значение одиночного бойца, который сумеет в полной мере использовать все особенности, предоставленных в его распоряжение, технических средств".

В своей статье, Балк весьма подробно освещает вопрос работы пехоты в маневренной и позиционной войне. Вряд-ли в войнах ближайшего будущего придется вновь прибегать к столь сложной системе укреплений. Надо считать, что в условиях будущих войн, как классовых, так и не классовых, скорее будет преобладать элемент маневренности, требующий простора и не связанный сплошными линиями окопов.

В этом отношении даваемые Балком в части, касающейся маневренной войны, нормы могут вполне пригодиться и при обучении

Красной Армии. Основными его положениями являются: широкое развитие в войсках наступательного духа; целесообразное и умелое применение огня; полнейшее достижение взаимодействия пехоты и артиллерии; значение правильно поставленной подготовки одиночного бойца; значение личных качеств младшего командного состава, являющегося фактическим руководителем боя; широкое развитие частного почина среди всего состава армии, считая и стрелков; значение пулемета и разведки.

Не останавливаясь на раз'яснении этих положений, следует обратить еще внимание на несколько явлений, в которых Красная Армия не раз грешила и благодаря коим проигрывалось не одно сражение: это боязнь за фланги, боязнь пехоты и кавалерии противника и быстрое и неумелое расходование резервов.

При современных условиях борьбы ни одно государство не будет в состоянии поставить под ружье такое число войск, чтобы, густо прикрыть всю границу, как это имело место в 1914—1918 г. г. В большинстве мобилизовались возрасты от 20 до 35 лет. Дальнейшая мобилизация такого масштаба может привести к внутренним осложнениям. Непрекращающееся бурление в странах Европы вынуждает держать также войска, как внутри страны для поддержания порядка и правительства, так и для предотвращения возможных покушений соседей, что является второй причиной. Таким образом сплошной стены, как это наблюдалось в 1914—1918 г. г., не будет. Фронт будет заниматься прерывчатой линией иногда с довольно значительными интервалами.

Этих-то интервалов очень не любила Красная Армия и всегда чувствовалось стремление, как при обороне, так и при наступлении занять, ценою большой растяжки, весь фронт. Между тем, такое явление, совершенно не обеспечивая войска и не гарантируя им флангов, приводило к распылению сил и давало противнику возможность продавить фронт Красных в любом направлении. Малейший нажим и слабые части не выдерживали и отходили; за одной частью начинала отход другая и весь фронт приходил в колебание.

Растяжка не давала возможности своевременно поддержать участок. Кроме того, сами резервы, вследствие той же растянутости, оказывались крайне слабыми и распыленными по всему участку. Невыгода такого способа ведения боя очевидна.

Следовательно надо искать выход из этого положения. *При обороне* это можно достигнуть применением группового положения.

Суть его, в общих чертах, заключается в расположении войск не в линию, а группами, примерно по-батальонно, на важнейших направлениях, рубежах основной позиции и в прикрытии районов, занятых войсками, сильным ближним охранением.

Пространство между полосой районов, занятых нашими войсками и противником, заполняется разведкой.

Соответственно этому, районы расположения войск не могут находиться в непосредственной близости к расположению противника и должны отделяться от него пространством, глубина которого прежде всего зависит от местных условий, но не должна быть менее 8 верст.

В общем, при проведении в жизнь идеи группового расположения, например в дивизии, начальник ее, получив известный участок общего фронта, определяемый разграничительными линиями, после подробного изучения поставленной ему задачи и самого района действий дивизии, должен наметить, в зависимости от местности и численного состава бригад, те участки, которые он предполагает дать каждой из них, исходя из того, что ему для создания глубины расположения и наличия резервов следует по возможности иметь на фронте каждой бригады не более 2-х полков, а один в резерве.

Полоса, которая будет поручена бригаде, как указано выше, будет зависеть главным образом от условий местности и численного состава полков; на участке, пассивно прикрываемом естественной преградой, допустимо дать полку больший участок, т. е. каждой баталионной группе большую площадь.

Таким образом полк получает известную полосу местности, ограниченную разграничительными линиями.

Местность в пределах этих разграничительных линий, являясь участком данного полка, вверяется соответствующему начальнику.

Командир полка, в свою очередь, разбивает ее на соответствующие полосы, от 2 до 3-х, в зависимости от величины фронта полка, имеющихся важных направлений и наличных сил.

Командир баталиона, в свою очередь, получив известный район, порученный ему, выбирает в нем наиболее подходящий рубеж для обороны, около которого и группирует свои роты с таким расчетом, чтобы расположить их как можно более сосредоточенно, дабы иметь возможность использовать силу перекрестного огня и маневрированием рот поддерживать одну другою. Это, в свою очередь, требует известной глубины в расположении баталионов, без которой неосуществима сама идея группового расположения. Следовательно в каждой полосе полка, баталионы будут сосредоточены на известной площади (занимать населенные пункты), примерно в 8—10 верст.

Между этими баталионными группами образуется незанятое пространство, которое должно будет освещаться дозорами (патрулями) и разведкой. При большом прорыве и наличии конницы эти промежутки могут быть заняты эскадронами или взводами кавалерии или отдельно выдвигаемыми ротами.

Высылаемые в промежутки, разведка или дозорная служба должны обязательно, или доходить вплотную к соседней группе или при большом удалении групп друг от друга доходить до известного, обусловленного соседями пункта, где и встречаться.

Для контролирования дозорных, желательно давать им для передачи донесения и разносную книжку для росписи принимающего пакет.

Впереди группы располагается сторожевое охранение, в виде отдельных и застав, полевых караулов, удаление которых от ядра группы не должно превышать $1^1/_2$—2 верст, во избежание захвата их противником.

Шаблона, конечно, в расположении допущено быть не может. Сила и характер занятия линии охранения зависит всецело от сил, которыми мы располагаем, т. е. от количества штыков в ротах, а также от местности и характера действий противника.

Помимо этого, каждая рота (группа) должна обеспечить себя мерами ближнего охранения (часовыми, отдельными наблюдательными постами) и иметь дежурную часть.

Таким образом, между сторожевым охранением и противником, руководствуясь вышеизложенным, останется еще незанятого пространства до 5-6 верст.

Эту местность необходимо освещать высылаемой вперед разведкой (баталионной, полковой) и, для более крупных задач, дивизионной.

Задачи, выпадающие на нее, будут: освещение впереди-лежащей местности до соприкосновения с противником и в промежутках между группами; захват контрольных пленных путем снятия постов противника, его дозоров, разведывательных партий; разведка расположения противника и, наконец, особые задачи по проникновению вглубь расположения противника для разведки ближнего тыла и производства поисков; кроме того, при таком расположении полезно в незанятых войсками пространствах заручиться надежными, преданными армии и власти лицами, которым вменить в обязанность при появлении противника немедленно извещать об этом ближайшую войсковую часть.

Таково в конечном итоге будет примерное распределение сил при групповом расположении.

Остается разобрать вопрос расположения резервов, артиллерии, связи и управление.

Располагать артиллерию без прикрытия, принимая во внимание наличие на фронте прорывов, опасно.

Это обстоятельство вынуждает поставить ее, с одной стороны, в некотором от фронта удалении, а с другой, прикрыть ее пехотой.

Сравнительный недостаток в живой силе приведет к необходимость стремиться поставить артиллерию в районе расположения полкового резерва.

Это вполне совпадает и с теми задачами, которые преследуют резерв и артиллерия, т. к. оба будут сгруппированы на наиболее важных направлениях, в особенности при условии ограниченного количества артиллерии на фронте. Если полк занимает пассивный участок, полковой резерв, а, следовательно, и артиллерию выгоднее всего располагать за центром участка.

Из вышеупомянутого можно наметить и примерное удаление района расположения полкового резерва и батареи от фронта охранения, которое не должен превышать 5—6 верст, а от линии обороны 4—4$^{1}/_{2}$ версты. С этого расстояния артиллерия может поддержать свою пехоту, которая займет рубеж на этой дистанции после отхода линии охранения. С этого расстояния явится возможность подтянуть своевременно и резервы к месту боя. Впереди, в районе группового расположения, батарея должна иметь свой наблюдательный пункт. Такие-же наблюдательные пункты должны быть и на других групповых участках полка, равно как и намечены запасные позиции.

Пулеметы, ввиду сравнительно ограниченного количества их в полках, не следует распылять по заставам, а держать в ядре роты и баталиона, в том пункте, где предполагается дать бой (отпор) противнику. Местами даже выгодно сохранять всю пулеметную команду при одной из групп. Передачу пулеметов в заставы можно допускать в тех случаях, когда местность дает заставе настолько явные выгоды, что наличие сильного огневого средства, каким является пулемет, гарантирует возможность длительного и полезного для обороны боя на линии охранения. При обилии пулеметов в части полезно придавать ружья-пулеметы.

Чрезвычайное значение приобретает служба связи и безотказная ее работа. При этом, помимо связи телефоном, необходимо еще иметь связь конными ординарцами, летучей почтой, а за неимением лошадей подводами. Особой заботой каждого начальника должно быть сохранение непрерывности связи, для чего вести ее надлежит не по фронту, а из глубины.

Вышеизложенное указывает, что групповое расположение частей требует проявления большой инициативы от командиров рот и баталионов, в особенности от последних, так как им в большинстве случаев придется в пределах порученной полосы действовать самостоятельно, в особенности при завязке боя.

Это нисколько не снимает с командиров полков ответственности за боевой участок и обязанности управлять баталионами, которые должны быть все время в руках командиров частей; упускать управление из рук они ни в коем случае не должны.

В силу сказанного план действий на данном участке должен быть внимательно продуман и разработан всеми начальниками, должен отвечать как случаю перехода в короткое наступление, так и случаю активной обороны в центре участка или на его флангах и помощи соседям.

При этом планы действий должны быть проверены на местности соответственным маневрированием, которое при групповом расположении войск является первостепенно важным и на котором должен быть обоснован весь успех обороны.

В заключение остается указать еще на те преимущества, которые дает нам при небольшом численном составе войск данного фронта или их растяжке, групповое расположение.

Оно дает возможность: 1) оказать на линии районов, занятых войсками, упорное сопротивление наступающему неприятелю, используя для этого взаимодействие смежных групп, как огневое, так и, особенно, маневренное, подготовленность для боя позиций и сосредоточенность наших сил.

2) Сократить наряд на сторожевую службу, которая в ее полном об'еме непосильна полкам, при занимаемых ими огромных фронтах.

3) Позволяет держать войска более сосредоточенно, как для возможности обучения, так и для противодействия попыткам противника захватить у нас пленных и материальную часть.

4) Предоставить войскам в зимнее время возможность расположения в деревнях без ущерба для их боевой готовности.

С другой стороны, как указано выше, это расположение требует высоко развитой инициативы у командного состава, соответстующей подготовки войск и способности к маневрированию и действиям побаталионно. Лишь такие войска и начальники будут способны правильно понять и провести в жизнь идею группового расположения. Слабые духом, лишенные инициативы, мало устойчивые войска будут бояться прорывов и тяготеть к линейному расположению, не отдавая себе отчета в том, что затыкание на фронте промежутков небольшими силами при нажиме противника их не спасет, а в нужную минуту лишит необходимого числа бойцов для контр-удара маневром.

При наступлении также не следует растягиваться. Переходя в наступление из положения пассивной обороны, командование выберет пункт удара и сосредоточит на нем свои главные силы. Густота войск на фронте может оказаться значительной и дойти до уставной. На таких участках, где мы будем давать и брать силой, наступление не вызовет особых затруднений и забот в смысле обеспечения флангов и распределения участков. Придется главное внимание уделить огневой подготовке, всестороннему использованию технических средств и наладить взаимодействие частей пехоты и артиллерии; в линии будут все три бригады и, повозможности, все 9 полков. За то совершенно иное положение на участках второстепенных, на которые однако тоже может выпасть задача наступать, а не обозначать шаг на месте.

На таком участке, где войск сравнительно немного, а фронт большой, придется заранее обдумать, где именно удобнее всего наметить пункт удара. Наметивши его, принимается уже и соответствующая группировка. При этом, ради достижения в пункте атаки большой плотности, на остальном фронте придется допустить прорывы, т. е. иметь участки, занятые слабо.

Предположим, что армии в составе 5 дивизий, занимающей фронт в 100 верст, приказано своей активностью отвлечь внимание против-

ника от главного направления удара. Наступать всем фронтом, конечно, нельзя.

Так или иначе следует наметить наиболее выгодные направления или в центре или на флангах, где и придется сосредоточить большее число сил. Примерно, командование назначит для этой цели 3/5 сил (3 дивизии), а 2/5-ми сил займет остальной фронт.

При этом, примерно, 3 дивизии займут участок шириною 12-18 верст (из рассчета 2 версты на бригаду—4-6 верст на дивизию). Остальной участок придется занять 2-мя дивизиями, на каждую из них придется по 40-45 верст. Вытягивать их в нитку нецелесообразно; придется применять систему группового расположения и держать части сосредоточенно, бригадами. Естественно, что такое расположение потребует от командования иметь в каждой группе резервы, и довольно сильные, могущие в случае надобности отразить попытки противника к проникновению в тыл.

Здесь в особенности скажется соответствующая подготовка войск, отсутствие боязни на свои фланги, для которых лучшим обеспечением явится маневренность резервов.

Следует иметь в виду, что при удаче активной группы, противник будет настолько занят восстановлением или удержанием своего фронта, что мало вероятий ожидать с его стороны решения атаковать нашу завесу. Наконец лучший выход из положения—это дальнейшее нажатие со стороны ударной группы. Скученное расположение даст сразу возможность при успехе и отходе противника по фронту приступить к нажатию и на этих пассивных участках, что осуществимо лишь при сосредоточенной группировке.

Еще одна выгода: удобство управления и передача приказаний. Настолько трудно работать при кордонном расположении, при котором управление может легко выскользнуть из рук, настолько вопрос упростится при системе действий группами.

Наиболее удобными были-бы бригадные группы. Если наступление по тем или иным соображениям не удалось, надо попытаться продолжить его на следующий день. Неудача и здесь требует прекращения боя и перенесения операции на другой участок, т. к. войска, не давшие на одном участке положительных результатов в течении двух дней, не дадут их и на третий. В них инстинктивно будет говорить чувство боязни противника и его превосходства. Чтоб выбить из них это сознание, необходимы время или перемена обстановки. Противник-же, с своей стороны здесь усилится и, следовательно, с каждым днем будет труднее прорвать его фронт на этом участке. Командованию придется решить: стоит-ли все-же продолжать придерживаться активного образа действий или подсчет сил и обстановка сложились не в пользу атакующего. В таком случае, при отказе, следует разжижить фронт, перейти к группам и выделить резервы, в предвидении возможного контр-наступления противника, которое надлежит встретить ударом из глубины своих резервов.

После сдвига следует перейти к нормальным формам и в кратчайший срок рассосать ударное ядро, выводя каждую дивизию на свою дорогу и в свой район, применяя для дальнейшего движения шахматное расположение. Дальнейшее наступление—марш будет совершаться в бригадных колоннах, причем, предположительно, каждая дивизия, имеет 2 бригады в голове и одну в затылок одной из головных бригад, или уступом, если того требует обстановка. Впереди будет идти разведка—армейская, при наличии армейской конницы, или дивизионная. В зависимости от получаемых от нее данных, армия будет принимать ту или иную группировку для боя; но во всех случаях между дивизиями и в дивизиях между бригадами, окажутся интервалы и бояться их нечего, если охранять их конницей или выдвигаемыми небольшими пехотными частями. При 80-100 верстном фронте армии, дивизии будут вводится в бой в группировке, наиболее удовлетворяющей плану, но также с промежутками. При этом, если при прорыве пассивно стоящего противника было сравнительно легко точно определить его силы и состав, с похода наступающий подвержен гораздо большим случайностям. Вполне возможны случаи, когда противник окажется сильнее против одного из слабых участков наступающего и будет стремиться использовать свое превосходство. При линейном расположении он этого достигнет; при сосредоточенном расположении дерущихся частей, ему это не удастся. Бой будет более упорным, т. к. на коротком участке в нем примет участие большее количество сил и оружия, а, с другой стороны, наличие резервов поставит зарвавшегося противника в весьма невыгодное положение.

Но для этого требуются следующие условия: 1) устойчивость частей фронта и отсутствие боязни их обхода и охвата; 2) маневренность резервов; 3) хорошо налаженная связь между частями; 4) принцип взаимной выручки и 5) движение *на выстрелы*. В этом духе и надо учить войска. Никакой охват не страшен, если только сосед следит за полем боя, не думает осаживать от осаживания соседнего участка, имеет резерв и держит связь.

В этом отношении важно наладить связь в тылу между старшими штабами.

Особое значение приобретает при отходе сосредоточенность частей, но отнюдь не их разбросанность. Отход, маневр весьма трудный его можно совершить в порядке, лишь имея части в руках, т. е. непосредственно у себя под боком. На широким фронте их не собрать; при слабой подготовке младшего командного состава они особенно легко расползутся; такие части можно считать потерянными и выписать в расход, как надолго вышедшие из боя.

Кроме того, не следует забывать, что если дивизия при растяжке сможет выдержать бой 2-3 часа, то при сосредоточенном расположении и наличии резервов она выдержит бой с утра до ночи. К вечеру будет видно, что делать дальше, да и командование будет иметь в своем распоряжении для принятия решения—день. Фланги обеспе-

чиваются конницей или выдвигаемыми для этого небольшими пехотными частями.

Из всего этого видно, насколько выгоднее вести части компактно, и что получится при ведении боя с растянутыми по фронту частями.

Второй вопрос, это боязнь конницы противника. Почему то в Красной пехоте существует ложное мнение, что она не может бороться с конницей.

Это совершенно неправильно. Очень мало кавалерийских частей, которые решаются атаковать организованную пехоту. Поэтому при подготовке необходимо приучать пехоту пропускать сквозь себя конницу на всех аллюрах. Кроме того не допускать стрельбы с дальних дистанций и преимущественно прибегать к залповому или вообще кучному огню. Неоценимую пользу окажут пулеметы. Пехоте не следует открывать огня ближе дистанции 800 шагов, а пулеметам—1200 шагов, ибо огонь с более дальней дистанции будет недействителен и лишь преждевременно выведет часть из подчинения. Кроме того, помимо применения косоприцельного огня с соседних участков, следует использовать и огонь расположенных сзади—уступом резервов.

Наиболее беспомощное состояние конницы по прохождении первой линии. Если только конница не ищет более глубоких целей, ее легко привести в замешательство после атаки 1-ой линии, когда в ее рядах отсутствует порядок. Вообще следует отучать пехотинца от боязни кавалериста. Это должно входить в обучение, и этому отделу должно быть отведено подобающее место. Следует отметить,—что в отношении неумелого и быстрого использования резервов действительно, армии грешили не раз.

Надо приучить начальников смотреть на резерв, как на средство, пускаемое в бой в последнюю минуту, и на которое младший начальник рассчитывать не должен. Но это обстоятельство должно привести и к другому выводу—старшему начальнику оставлять в своем распоряжении в резерве лишь строго необходимое число сил.

Этого тоже не наблюдалось. Поэтому наступление носило такой характер: начальник дивизии выделял себе бригаду; комбриг в свое распоряжение полк и командир полка—баталион; в результате из общего числа баталионов в наступлении участвовала $^1/_3$, а $^2/_3$—смотрело. В конечном счете, после $1^1/_2$ часов боя требовали резервов, которые уже не могли дать той пользы, которая получилась-бы, если сразу ударить всеми баталионами или вообще большим числом. Выделение больших резервов допустимо при невыясненной обстановке, но и то группировка должна в своем зародыше носить идею решения старшего начальника. Поэтому там, где он хочет быть сильнее, ему не надо иметь сильных резервов, а ввести больше в боевую линию. В этом его сила; наоборот, на пассивном участке, он может, как и при обороне, ради придания ей большей гибкости и маневренности, выделить большее число в резерв, так как здесь сила в глубине и придаваемой ею маневренности.

Эти основные данные следует иметь ввиду и учесть при соответствующем обучении войск и, главное, командного состава всех степеней, приучая их правильно оценивать обстановку и применять основные положения тактики, которые при хорошем качестве бойца скажутся и на самом исходе боя.

Красноармеец в отзывах комсостава.

(Военно-психологический очерк).

Предисловие.

Мы постоянно слышим разговоры о значении, так называемого, нравственного элемента. Во всех военно-научных сочинениях можно, наверное, найти ссылку на знаменитое изречение Наполеона по этому поводу о том, что успех на войне на $^3/_4$ зависит от нравственного элемента и только на $^1/_4$ от всего „остального" но, как это ни странно, военная психология до сих пор не занимает подобающего ей места ни как область знания, ни как свод принципов и начал в области практической деятельности.

В наших прежних уставах и даже в своде военных постановлений было разбросано много таких принципов. Можно было найти целые страницы об обязанностях командного состава и, как тогда говорили, нижних чинов с чисто-психологическим содержанием. Потребовалась большая усидчивость и настойчивость, чтобы свести их во-едино.

Нужно было подвести под это причудливое сочетание психологических построений какой-то общий научный фундамент. Одновременно,—прочнее связать их с жизнью и практическими потребностями. Но ни того, ни другого, именно, не доставало.

Военная наука очень мало шла на помощь нашему уставу. Было много трудов и статей по различным отдельным вопросам. Больше других работал М. Драгомиров, были ценные статьи С. Гершельмана, статьи в Военном Сборнике, в изданиях Общества Ревнителей военных знаний, Братская помощь и др.,—целый ряд переводных сочинений и извлечений, но не было ничего цельного, что действительно могло бы служить, как научными, так и практическими основами. Лишь в самое последнее время в бывшей Академии Генерального Штаба, наконец была образована кафедра по военной психологии, в военных

училищах военная психология вовсе не преподавалась или проходилась очень слабо.

Этот недостаток научной подготовки сказывался еще и в другом направлении.

Недостаточно было-бы составить курс военной психологии и даже пересмотреть и заново отредактировать уставные положения.

Чтобы провести их в жизнь, нужно было провести определенные психологические начала в воспитание и обучение войск, создать военную педагогику и военную методику. Но по этой части мы подвигались очень медленно. Она как-бы замерла на трудах того же М. Драгомирова, которые он сам называл „опытами", Бутовского, Свидзинского и других авторов. Между тем время шло, обстановка и условия ведения войны менялись, а у нас так и не создалось ни методики, ни педагогики в настоящем смысле слова. В конце концов, желающим для пополнения своих знаний приходилось пользоваться переводами с румынского (Компеано) и с болгарского (Киркова). Ныне имеются определенные сведения о начале работ новой Академии Генштаба. Вероятно Педагогическая Академия Гувуз'а также работает. Но пока эти работы еще не принесли необходимых результатов, не дошли до войск, не получили распространения.

По этому поводу нельзя не упомянуть одной ценной попытки нового времени, которая даже дошла до войск или, по крайней мере, до некоторой части войсковых начальников. Эта попытка—„Основной Воинский Устав русской Р. К. Красной армии", составленный Д. П. Парским и напечатанный военно-научным издательством „Военное Дело". Этот устав, в виде проекта, был разослан, при циркуляре Всеросс. Главного Штаба 19 июня 1920 года № 6, „в целях широкого и внимательного его обсуждения войсками фронта и в округах и доставления мотивированных о нем заключений". Дальнейшая судьба этого проекта автору этих строк неизвестна.

В проекте есть недостатки с точки зрения современных условий. Редакция его не может считаться окончательной. Да и трудно было-бы исполнить такую работу, как основной устав, долженствующий дать основу для всех уставов, одному лицу без всяких подготовительных работ.

Но, именно, как одна из этих подготовительных работ, как попытка связать во-едино все важнейшие военные понятия и основы военно-нравственного, т. е. военно-психологического характера, разбросанные по разным уставам, приказам и наставлением, попытка Д. П. Парского представляет очень ценную, но, к сожалению, также не законченную работу. Таким образом, мы все еще стоим перед не разрешенной задачей: разработать наш „нравственный элемент", т. е. военную психологию в связи с военной этикой, методикой и педагогикой. И пока мы не разрешим этой задачи, надо работать и работать, не останавливаясь ни перед какими затруднениями.

Особое значение военной психологии в современной войне.

Едва-ли нужно долго останавливаться на выяснении особого значения военной психологии в современных нам условиях войны.

Вне всякого сомнения эта война, какие бы формы она не принимала, остается, прежде всего, „войной“, в которой психическая сторона всегда играла и будет играть первенствующее значение.

Военная психология, в отличие от общей, всегда имела и будет иметь свои основные начала или элементы.

Эти элементы. 1) *враг*, а, следовательно,—опасность, при том,—*крайняя опасность*, угрожающая смертью, 2) непрерывно—изменчивая *обстановка*, а следовательно, *непрерывно-изменчивая опасность*, в которой главное значение имеет *живая сила противника*, т. е. *его психологические свойства*, 3) *живая сила*, как наши главные *средства* борьбы, а следовательно, *их психология*, 4) необходимость *в кратчайший срок прекратить войну*, как неестественное положение крайней опасности, а потому *крайнее напряжение всех сил*, 5) возможность победы или отражения опасности лишь применением *массовых* средств, *соединенных усилий*, откуда необходимость *полного самоотвержения* каждого бойца (один в поле не воин).

Пришлось бы слишком долго останавливаться на значении каждого из этих начал, но достаточно представить себе общую картину войны и боя и общую картину какой-либо другой массовой работы, также соединенной с известной долей опасности, например при возведении какой-либо очень обширной и сложной постройки, при работе на заводах или в рудниках, чтобы понять всю разницу этих двух положений.

Особая черта военной психологии заключается еще в том, что при всем своем глубоком, так сказать, природном, органическом, отличии от общей психологии, она остается с ней тесно связанной.

Психика армии тесно связана с психикой народа, а также и со всем тем, с чем связана эта последняя, т. е. с социальными и культурно-экономическими условиями.

Эти две психологические области могут совпадать в своих общих направлениях, но могут и не совпадать.

Требования военной психологии всегда ярко выражены и властно пред'являют свои права, тогда как социальная психика или психика народа и страны почти всегда имеют неясные очертания и очень сложную конституцию.

Приспособляясь к властным и определенным требованиям военной психологии и в то же время, впитывая в себе психику народа и страны, армия во многих случаях является лишь более ярким изображением своего народа, в котором слиты многие черты, но в котором одни, наиболее выгодные для войны качества или свойства могут быть усилены или сгущены в своих красках, другие—ослаблены или отодвинуты на второй план.

В этих случаях армия со специально-военной точки зрения может иметь достоинства и недостатки, но между ними можно установить

психологическую связь; все они могут быть связаны некоторыми определенными началами или признаками. Короче говоря, армия будет представлять определенное психологическое целое, и, чем ярче выражены в народе типичные военные качества, тем стройнее и проще будет это психологическое целое.

Но если черты народной психики или вообще психики социальной массы данного времени выражены неясно, если они исполнены противоречий, то тогда и армия может представить пеструю смесь различных психологических начал и оснований, в которой не так легко разобраться.

Эта пестрота может еще усилиться, если собственно-военные качества, такие, как ненависть к врагу, храбрость, предприимчивость, находчивость и т. п., выражены неясно или спутаны с другими, не военными. Беспощадная военная психология, так или иначе, должна будет выявить эти качества, но они проявятся не цельными, сплошными полосами, а как бы отдельными группами или точками на фоне общей психологической картины.

В периоды сильных социальных потрясений, какие создаются революцией, даже в самой прочной народной или социальной психики, установленной веками и скрепленной материальными, культурно-экономическими связами, происходят сдвиги и перевороты, которые нарушают ее цельность: наряду со старыми началами, с чрезвычайной силой действуют новые, некоторые из этих начал могут быть в кажущемся или в действительном противоречии с другими. И пока не наступит время достижения тех целей, которые имел ввиду переворот, пока прежняя социальная масса, имевшая уже свои общие психологические черты, не обратится в новую, с новыми характерными признаками, до тех пор эта дробность или раздвоенность психологических основ будет существовать, отражаясь, в свою очередь на психике армии.

Для армии непосредственно, эти перевороты имеют, обыкновенно, тем более важное значение, что у социальной массы является новый враг и новая опасность. Вместе с тем прежняя армия совсем прекращает свое существование, создается новая, но эту новую армию создает часть прежней социальной массы, хотя-бы усвоившая новые психологические черты, но сохранившая, во всяком, свои прежние, природные инстинкты; в ту армию могут вливаться и такие элементы, которые будут подчиняться новым психологическим началам, но будут сохранять и многие начала прежней психики; будут такие, которые присоединятся к новым началам, из так называемых, эго-альтруистических чувств, т. е. из альтруизма (заботы о других), основанного на личных соображениях, а, следовательно, и на особой психологии; наконец, будут и такие, которые лишь приспособятся к новым началам, насколько это им выгодно, из чисто-эгоистических соображений, не разделяя настроения общей массы.

Но это еще не все, что определяет психику данной армии, будем-ли мы ее рассматривать в революционный или во вне-революционный период.

Кроме уже очерченных выше своеобразных начал,—*противника, средств и обстановки*, и кроме зависимости от общих психических начал социальной массы, военная психология имеет еще одну особую черту—это зависимость от современной *военной техники*. Распространятся в доказательствах этой зависимости едва ли необходимо.

Те, которые склонны преувеличивать значение технических средств, упускают, прежде всего, из вида, что никакие средства сами по себе не действуют и что каждое из них пред‘являет к руководителям или исполнителям высокие психические требования, которые растут параллельно с ростом технических усовершенствований. Это понятно для артиллеристов и подрывников, может быть еще понятнее для пулеметчиков, еще яснее для броневиков и, в особенности, для авиаторов.

Другой сильный довод в пользу значения психики заключается в том, что все технические средства поражения и разрушения имеют гораздо более психическое, чем материальное значение. Это обстоятельство очень хорошо учли немцы, вводя прежде других тяжелую полевую артиллерию.

По примерному, конечно, весьма приблизительному расчету, чтобы вывести из строя одного человека необходимо израсходовать 75 артиллерийских снарядов разных калибров. Хорошая ружейная стрельба по мишеням, в мирной обстановке, должна дать 30—50% поражения и более. В действительном бою хорошо, если и один процент выпущенных пуль достигает цели. Мы знаем, что при обычных данных расход снарядов и патронов оказывается настолько велик, что сам по себе ограничивает действительность огня. Если-бы исходить из одной теории вероятности действительного (материального) поражения противника, то пришлось-бы заготовлять и тратить такое колоссальное количество боевых припасов, которых не было бы средств ни изготовить, ни подвести. Но в действительности такого расхода не требуется, что и служит одним из ярких доказательств чисто психического воздействия технических средств разрушения.

Третий довод в пользу психики, это современная многочисленность армий и короткие сроки обучения. Вполне очевидно, что при таких условиях выступают на первый план основные психические свойства тех элементов, которые составляют армию.

Но если не следует слишком преувеличивать значение технических средств по сравнению с психическими условиями, то столь же ошибочно умалять их участие, которое, как мы видели выше, само по себе имеет, именно, психическое значение. Ныне, еще меньше, чем прежде, можно „закидывать шапками“ и итти с голыми руками и открытой грудью.

В революционный период, теоретически рассуждая, значение техники в военном деле должно остаться без изменения, но практически это не так.

Уже Ф. Энгельс предвидел, что рабоче-крестьянские массы, в борьбе с капитализмом, должны будут считаться с недостатком технических средств, которые окажутся, по крайней мере на первое время, на стороне противника. Колоссальное истребление и истощение этих средств в войне 1914—1918 годов не могло подорвать значение этого предсказания. К этому надо добавить недостаток подготовки командного состава и недостаток военного обучения, как естественные и неизбежные последствия рабоче-крестьянской революции.

Отсюда уже следует сделать тот вывод, что в период революционных войн для рабоче-крестьянской армии психологическая сторона должна иметь еще большее значение, чем для какой-либо иной армии, во вне-революционное время.

Победа может быть обеспечена только превосходством в числе и в психике.

Но надо посмотреть еще шире и глубже на явления революции, чтобы понять всю силу психологических данных. На эту тему можно было-бы написать очень много, но достаточно припомнить всю силу так называемых „захватывающих идей“ и „заразительных чувств“ играющих такую видную роль в психологии толпы.

Все значение этих явлений заключается в том, что раз такая идея или такие чувства захватили толпу, то им подчиняются все те, которые ее составляют, какова-бы ни была разница возраста, пола, общественного положения. Чем толпа однороднее, тем эта идея или это чувство глубже и шире в нее проникают.

Но для создания и распространения захватывающих идей и чувств даже не нужно непременно толпы, т. е. сосредоточенной массы людей. Достаточно иметь публику, народ или вообще, так называемую в психологии „рассеянную толпу“, лишь бы она была „достаточно связана для взаимных сношений и *взаимного воздействия*. Большие города, железные дороги, телеграф, почта являются ныне уже вполне достаточными средствами, чтобы обеспечить эти условия.

Это взаимодействие, через которое расширяются и углубляются захватывающие идеи и чувства может быть тем сильнее, чем более толпа или „рассеянная толпа“ сближена общностью языка и понятий.

Если, при этом, еще стираются классовые различия, которые, вообще говоря, сильнее всего сопротивляются нивеллировке, то воздействие захвата имеет еще более шансов на успех.

Захваченная идеей или чувством толпа или, будем говорить, масса людей, уже не знает или не хочет знать никаких преград. Она способна совершить такие действия, на которые не был бы способен ни один человек из числа людей, ее составляющих.

Но кроме взаимодействия чувств, может быть и взаимодействие умов, напряжение всех душевных способностей до крайних пределов. Обмен мнений и опыта может создать то, что называют *изобретательностью*.

Вот одна из причин, почему революции, которые всегда сопровождаются захватывающими чувствами, выдвигают и создают таланты.

Рабоче-крестьянская революция не может не сопровождаться захватывающими идеями и чувствами очень большой силы.

Вот почему для революционной, рабоче-крестьянской армии психологическая сторона имеет такое выдающееся значение.

Если теперь, с очерченным выше масштабом, мы подойдем к нашей рабоче-крестьянской красной армии, то сделается понятной вся важность изучения психологических условий, как тех, с которыми она сама идет на театр войны или на поле боя, так и тех, с которыми ей приходится встречаться.

Значение психологии красноармейца и методы исследования.

В ряду вопросов и данных, подлежащих изучению с психологической точки зрения, на первом месте надо поставить главную составляющую живой силы, т. е. самого красноармейца или, точнее сказать, общие свойства красноармейской массы.

Ее побуждения, потребности, достоинства и недостатки могут дать важнейшие данные для характеристики армии, а также для об'яснения многих явлений войны.

С другой стороны, красноармейская масса является как-бы зеркалом, в котором отражаются все внешние условия ее существования, на которые она неизбежно, так или иначе, реагирует.

Поэтому, изучая красноармейцев, мы можем увидеть, в каких условиях они ведут войну, насколько удовлетворяются их насущные потребности, делается или не делается то, что может усилить их достоинства и ослабить недостатки и что надо сделать для достижения этих целей.

Задача изучения бесспорно являются очень трудной.

Прежде всего является вопрос: существуют-ли вообще такие свойства или признаки, которые можно было бы считать общими для всей красноармейской массы? Если известная общность подмечается для внешних признаков, то существует-ли она также для внутренних побуждений? Можно-ли привести, хотя-бы главнейшие из этих свойств и побуждений, к одному знаменателю, или же вообще красноармейская масса представляется настолько пестрой и разнообразной, что сделать этого не представляется возможным?

На эти вопросы можно уже заранее сказать, что известная общность признаков должна существовать по сравнительной однородности состава Красной Армии.

К сожалению, по этому вопросу, нет никаких статистических отчетов, на которые можно было бы действительно оперется.

Но так или иначе, по самому способу пополнения, на основании действующих законоположений, Красная Армия—это рабоче-крестьянская армия. Буржуазные элементы среди рядовых бойцов еще и в прежней армии составляли сравнительно небольшой процент. В Красной Армии этот процент должен быть самый назначительный.

Остается двойственность, свойственная разделению на рабочих и крестьян; но это разделение, по роду занятий, уже не может иметь значения, менее проницаемого для психического взаимодействия, классовой перегородки.

Совокупность таких качеств, как беднота и недостаток развития, а в особенности беднота, в значительной степени об'единяют как крестьян, так и рабочих, составляющих лишь подразделение одного и того же пролетарского класса, с общими интересами и побуждениями.

Тем не менее вопрос о выяснении общих признаков и свойств красноармейской массы представляет большие трудности.

Надо считаться с примесью не-пролетарских элементов, с различиями в религиозном, а в особенности, в национальном отношении, с различием в образовании, с разнообразием возрастов от 19 почти до 40 лет, а главное, с общей неустойчивостью психологических начал, как по общему свойству революционных движений, о которых говорилось выше, так и по чисто внешним, крайне трудным и разнообразным условиям.

Поэтому очень важно подойти к этому вопросу с определенными, достаточно об'ективными методами.

В сущности, настоящая задача—из области интеллектуальной или духовной статистики, которая, как известно, представляет наименее разработанную и даже наименее уловимую область для точных статистических приемов.

Возможно было-бы подойти даже и с точными статистическими приемами, но косвенно, например, через точный учет наград, преступлений, потерь и т. п. Но пока, к сожалению, в нашем распоряжении нет соответствующих цифр; да думаем мы, что и они могли бы дать только частичное освещение вопроса. Поэтому остается только другой путь—анкет и монографий.

Как известно, недостатки первого способа составляют: возможная предвзятность вопросов и суб'ективность оценки, которая может оказаться в ответах опрашиваемых, по их личным, иногда довольно ограниченным, впечатлениям. К этому может присоединится подчас намеренное искажение истины, уклончивость в ответах, или прислушивание к другим, от неумения или нежелания дать собственный ответ или ради какой-либо осторожности.

Известный процент таких неверных оценок бывает неизбежен, но многое зависит от того, кого и как опрашивать и как вообще организовать анкету.

Что же касается до монографического способа, то приложим в виде описания отдельных эпизодов. Но нужно, что бы эти описания касались наиболее типичных (общих) случаев, в которых характерные черты Красной Армии могли бы найти для себя выражение.

Анкета командного состава.

Настоящая статья имеет задачей передать по вопросу о психологии красноармейца содержание анкеты, произведенной на Высших Повторительных Курсах комсостава при Штабе Западного фронта.

На курсы эти для усовершенствования подготовки командируются командиры баталионов, помощники командиров полков и командиры полков, но последние в незначительном проценте.

Почти все, за некоторым исключением, с боевым опытом и большинство хорошо знакомы с красноармейской массой, с которой непосредственно соприкосались в течение двух—трех лет войны.

Принадлежа к разным дивизиям и полкам, курсанты—командиры могли дать отзыв о различных частях, но почти исключительно о пехотных (стрелковых).

Всего было произведено две анкеты: одна при первоначальном поступлении на курсы (в апреле с. г.), другая—в середине учебного периода (в июне месяце).

Первая анкета носила характер простого изложения на тему: „Каков в настоящее время красноармеец и каким он должен быть?" Вторая—имела форму уже настоящей анкеты с целым рядом вопросов на общую тему: что побуждало красноармейца вперед, навстречу опасности, собственно в гражданской войне и в войне с Польшей?. Какие преимущественно побуждения?

Уже из указанного выше общего содержания вопросов, на которые требовались ответы, видно, что ни та, ни другая анкета не могут протендовать на исчерпывающее освещение такого сложного и обширного вопроса, как психология красноармейской массы. Тем не менее обе анкеты дали по этому вопросу много интересных и заслуживающих внимания ответов и указаний.

Первая анкета не осветила определенного вопроса о характеристике красноармейца в боевой период. Поэтому большинство курсантов—командиров отнесли свои ответы к тому составу частей, а также к тем условиям жизни и занятий мирного времени, которое было перед их командированием на курсы.

К тому же тема не задавала определенного вопроса, а сравнительное изложение достоинств и недостатков красноармейского состава, вследствие чего большинство ответов касается только отрицательных сторон красноармейца, переходя затем к общему изложению

взглядов, каким он должен быть, чтобы отвечать своему высокому назначению.

Вторая анкета требовала уже определенно общей боевой характеристики, хотя по одному, но важнейшему из вопросов.

Поэтому здесь мы будем излагать только содержание второй анкеты, отложив первую до другого раза, хотя обе анкеты и находятся в связи. Для общей характеристики ответов весьма важно принять во внимание состав курсантов, так как, в сущности, нашей задачей может быть изображение не действительной психологии, как она есть, но только ее отражения в мнениях курсантов—командиров.

Всего был собран 71 ответ, из них только 5 с оговоркой, что курсанты не участвовали в гражданской войне, или в боевых действиях.

Эти 71 курсантов—командиров распределялись следующим образом:

1. *По последней должности в Красной Армии:* командиров полков 4, помощников комполка 15, комбатов 42, командиров рот 3, командиров бронепоездов 2, заведслушателями повторкурсов комсостава 1, инструкторов штаба 1, ад'ютант 1.

2. *По последней должности в старой армии:* комполка по выбору—1, комбатов—1, комбат по выбору—1, командиров отряда—1, командиров рот—18, командир сотни—1, начпулкоманды—1, младших офицеров—8, ад'ютантов—4, заведывающ. разведк.—1, начкоманды разведчиков—2, начхозчасти—2, председатель эвак. комиссии—1, начкоманды выздоравливающих—1, кондуктор Балтфлота—1, фельдфебелей—4, взводных командиров—9, отделенных—2, машинист—1, не служивших—2, нет сведений—6.

3. *По военному образованию:*

Школы прапорщиков—33, учебной команды—14, военучилищ—13, курсы комсостава—1, инструкторские курсы—1, в полкшколе—1, дивизшколы-подпрапорщиков—1, за боевые отличия—1, без военного образования—2, сведений нет—4.

4. *По общему образованию:* с высшим образованием и студентов Университета—4, с законченным средним образованием—15, с незаконченным свыше 4-х классов—8, 3-х и 4-х классных—19, низшее—25.

5. *По возрасту:*

От 22-х до 25—26, от 26 до 29—23, от 29 до 35—9, от 35 до 39—4, неизвестно—9.

6. *По профессии:* хлебопашеством—12, учился—11, счетоводов-конторщиков—10, учителей и школьных работников—9, торговцов и приказчиков—6, механик, столяр, слесарь—3, землемер—1, рабочих—2, желдор. служащих—2, без занятий—1, нет сведений—10.

7. *По партийности:* коммунистов—24, остальные сочувствующие и беспартийные.

Следует, однако, иметь ввиду, что многие сведения, кроме данных о последней должности и принадлежности к партии, основываются на личных показаниях курсантов, за неимением документальных дан-

ных; сведения об образовании и служебном положении в старой армии могут быть преувеличены, как это и было уже обнаружено в некоторых случаях.

В развитие общего задания анкета заключала ряд частных вопросов, из которых некоторые имели самостоятельное, а иные лишь контролирующее значение: для поверки и уточнения ответов по другим, более существенным, чтобы легче было разобраться в ответах.

Главнейшие вопросы имели целью выяснить отношение красноармейской массы к важнейшим психологическим основам армии.

1) Общей идеи или такого же *чувства,* которые об'единяют армию и господствуют над другими, составляя главный мотив душевной деятельности и поведения;

2) дисциплины, основанной на *чувстве долга;*

3) чувства товарищества, которое при господствующих революционных настроениях должно играть выдающуюся роль и, в то же время, отвечает одному из важнейших принципов военного дела, взаимной поддержке.

Другая категория вопросов относилась уже ближе к основному вопросу о том, какие же именно *побуждения,* по опыту войны, способны двинуть красноармейскую массу *навстречу опасности,* насколько их можно считать *внутренними* (непосредственными) или зависящими от *примера* других и *внешнего воздействия.*

Наконец, был поставлен ряд более конкретных вопросов, имевших целью выяснить общую склонность (тенденцию) поведения красноармейской массы в некоторых важнейших случаях военной обстановки.

По общему характеру психологических явлений нельзя было-бы проводить между ними слишком резкой грани или ставить слишком узко вопросы.

Вместе с тем надо было считаться с возможностью одностороннего или просто неправильного понимания этих вопросов, а потому приходилось дополнять их другими, чтобы получить более цельные ответы.

В итоге в анкету вошло 29 частных вопросов, как ниже указано

Что побуждало красноармейца вперед, навстречу опасности, какия побуждения преимущественно:

1) Какая идея, например: верность трудовому народу, освобождение пролетариата, его диктатура, утверждение советской власти, защита, закрепление и расширение революции, распространение нашей революции на весь мир, или просто идея—итти вперед и взять Варшаву, чтобы кончить войну?

2) Какое общее чувство, например, ненависть к буржуазии, помещикам, бюрократам, генералам?

3) Служила-ли побуждением лишь безотчетная храбрость? Часто-ли ее приходилось замечать? Среди массы или отдельных людей? Захватывала-ли массу храбрость отдельных людей?.

4) Что служило более основанием для храбрости: природная неустрашимость, сознание долга, преданность делу, чувство товарищества, честолюбие или, просто, равнодушие к смерти? В каких классах общества, в каких народностях, среди уроженцев каких губерний замечалось более какое-либо из указанных побуждений? В каких случаях какое-либо побуждение действовало сильнее?

5) Насколько сильно побуждало чувство честолюбия, жажда подвигов, отличий, наград, повышений?

6) Насколько сильно побуждало чувство долга, сознание своих обязанностей, стыд за их неисполнение?

7) Насколько сильно побуждала преданность делу, любовь к военной службе?

8) Насколько сильно побуждала чувство товарищества, чтобы не отстать от товарищей, не бросить их? Стыд перед товарищами?

9) Не давало-ли побуждений национальное чувство, как чувство достоинства или превосходства своей национальности перед другими?

В какой национальности это замечалось? Среди русских, украинцев, белоруссов, татар, латышей и пр.? Не было-ли подобного чувства среди сибиряков или уроженцев других местностей?

10) Не давало-ли побуждения религиозное чувство? В какой религии: православной, католической, иудейской и т. п.? Не отзывалось-ли оно на дезертирстве?

11) Какое значение имели пример начальника и любовь к нему?

12) Не давали-ли побуждение чувства достоинства своей части, бригады, полка, своей матросской части и т. п.?

13) Давало-ли побуждение вперед Красное знамя полка? Были-ли случаи увлечения вперед за знаменем полка?

14) Служила-ли побуждением общая постановка службы в своей части? Что более действовало: постоянная строгость и беспощадность, или справедливость, или то и другое вместе?

15) Какое значение имели исправная одежда и, в особенности, обувь? служили-ли они побуждением только для похода или также для атаки?

16) Какое значение имело хорошее питание? Служило-ли оно побуждением только для общей исполнительности или также для храброго поведения в бою?

17) Что больше препятствовало проявлению порыва и храбрости: чувство боязни, или думы о домашнем отдыхе, или действительные заботы о семье? Чем можно ослабить чувство боязни? Чем можно ослабить думы об отдыхе? Чем можно ослабить заботы о семье?

18) Чем можно было более обеспечить движение в атаку или, вообще, навстречу опасности: хорошим питанием и отдыхом, или, напротив, продолжительными лишениями, отсутствием покоя, постоянной опасностью, среди которых красноармеец забывал свои думы о семье и пр? Какое значение имел отдых с хорошим питанием при продолжительных лишениях и опасностях?

19) Не было-ли случаев, когда движение вперед, навстречу опасности, делалось, чтобы предупредить еще большую явную опасность, например: контр-атаки при отступлении через мост, чтобы на время отбросить противника? Как к этому относилась масса красноармейцев?

20) Не было-ли случаев, когда движение вперед делалось по той причине, что назад пути уже не было?

21) Как поступала масса красноармейцев при необходимости прорыва из кольца противника?

22) При каких условиях являлась наклонность или готовность к сдаче противнику?

23) Насколько побуждение к движению вперед зависило от страха наказания или расстрела? Часто-ли приходилось прибегать к физическому побуждению или расстрелу? Какое это имело действие на массу? Возбуждали-ли подобные меры чувство долга?

24) Бывали-ли случаи самострелов и дезертирства под предлогом сопровождения раненых и т. п? Много-ли бывало таких случаев? Имели-ли массовый характер? Какими мерами прекращались?

25) Не было-ли случаев вредной пропаганды? От кого она исходила? К чему призывала и к чему заманивала? Имела-ли успех? Какие средства борьбы оказывались наиболее действительными?

26) Какая разница поведения свойственна красноармейцу на глазах у начальника и товарищей или за глазами?

27) Соединялась-ли в красноармейцах выправка, исполнительность и исправность к службе с храбростью в бою? Много-ли было случаев, когда исправные были в первых рядах? Много-ли было случаев, когда боевая работа соединялась с такими облегчениями, как езда в поездах в классных вагонах, движение не иначе, как на подводах или извозчиках? Как это действовало на красноармейца?

28) Не служили-ли побуждением вперед жажда обогащения или другие подобные желания?

29) От каких причин зависил недостаток стойкости?

Чтобы покончить с необходимыми методологическими предисловиями, остается еще упомянуть, что при Высших Повторительных Курсах, в которых была произведена анкета, действует уже в течение второго сбора курсантов Аудитория, имеющая ближайшей целью изучение и разбор эпизодов из истории войны настоящего революционного периода. Работы ведутся под руководством бюро, составленного из курсантов (по выбору) с участием некоторых преподавателей. Изложение и разбор эпизодов дает богатый материал по вопросам военной психологии, в том числе по психологии красноармейской массы.

Между прочим именно этот материал послужил для такой постановки вопросов, которая изложена выше.

Излагать его подробнее не представляется возможным по размерам настоящей статьи. Но в некоторых случаях его можно будет коснуться для освещения отдельных вопросов.

Последующее изложение будет последовательно передавать содержание ответов на анкету.

Общая идея и общее чувство.

По вопросу о том, какая общая идея двигала вперед красноармейскую массу, большинство (34 голоса из 71) высказались за соединение революционной идеи с желанием скорее взять Варшаву, чтобы окончить войну. Сравнительно меньший процент (18 из 71, более 25%) указали лишь на одну, чисто революционную идею. Несколько меньше (14 или 20%) на одно стремление скорее окончить войну.

Только одно мнение приписывало стремление вперед „удачному продвижению“, которое породило „стихийный захват“, но и оно допускало желание скорее окончить войну по занятии Варшавы.

Наконец, еще одно только мнение было за то, что старые солдаты двигались вперед по чувству старой дисциплины, молодые красноармейцы подчиняясь общему движению и очень редко в защиту идеи.

Революционная идея выражалась словами: „защита революции и советской власти“, „освобождение трудящихся от ига капитала и закрепление советской власти“, „освобождение навсегда от гнета и насилия“, „нежелание прежнего режима“, „борьба за светлое будущее трудового народа“, „взятие Варшавы для распространения социалистической революции на всю западную Европу“ и т. п.

Из числа высказавшихся за одну революционную идею, три голоса делали это с оговоркой: „поскольку эта идея была понятна“. Одно мнение из той же категории указывало на „неясно осознанную обязанность перед трудящимися бороться беспощадно с представителями контр-революции и смутные надежды на приращение революционных сил“. Значительно заметнее разделилось мнение, соединяющее революционную идею со стремлением окончить войну взятием Варшавы: из 34 голосов 15 указывали на то и другое без всякого разделения, которое из этих побуждений действовало сильнее, 5 голосов были за преимущественное распространение революционной идеи, 4 голоса выразили мнение, что в начале или в середине войны более толкала революционная идея, потом —стремление окончить войну; 1 голос указывал на преобладание революционной идеи у молодых и стремление окончить войну—у старых призывных возрастов, наконец, 9 голосов были за преобладание стремления скорее закончить войну.

Из числа этих последних одно мнение было средактировано так: „Некоторые (меньшинство) шли, увлекаемые идеей верности трудовому народу, большая часть—с мыслью взять Варшаву, еще большая часть увлекалась общим (стадным) чувством“.

Другое мнение: „Сознание неизбежности войны и необходимости победы, чтобы покончить с посягательствами на мирную жизнь; довольно сильное стремление к Варшаве, как к конечному пункту; идея распространения революции на весь мир также имела последователей, хотя и в незначительном количестве; люди, которых не захватывала никакая идея, поддавались общему (стадному) чувству.“

Переходя к общему чувству, которое двигало красноармейские массы, приходится отметить, что вопрос был понят не совсем так, как он был поставлен. Отвечали не столько на вопрос, какое чувство вообще двигало вперед, сколько на вопрос, было-ли вообще враждебное чувство и к кому именно.

Но это недоразумение не имеет большого значения, если принять во внимание несомненную идейность движения даже в том случае, если эта идея была только сознанием неизбежности войны и необходимости победы, чтобы покончить с посягательствами на мирную жизнь. Такого рода сознание неизбежно связано с враждебным

чувством к тем, кто „навязывает войну“ или „не хочет мира“, как это отмечают ответы на анкету.

Большинство (38 из 71) высказалось за ненависть к буржуазии, помещикам, капиталистам и вообще к тем „которые навязали войну“ или „под чьим угнетением находились“.

Еще 7 голосов указывали на враждебное чувство в еще более общих выражениях, как „чувство мести ко всем эксплуататорам и неневисть с проснувшимся самолюбием“ или „наболевшее угнетение к трудовому народу в большинстве случаев несправедливые“; один из голосов той же группы, очень метко указывал на враждебное чувство „ко всем, у кого были наймитами“,

Два голоса указали на ненависть к „старому режиму“ и еще два, из той же группы, отмечали: „ненависти не наблюдалось, но не допустить до власти ни в коем случае“,

7 голосов высказалось за враждебное чувство к буржуазии с оговоркой: „не у всех“ и „не всегда (в начале войны, при занятии богатых имений)“.

6 голосов подчеркивало враждебное чувство именно к польской шляхте, которое возбуждала резкая разница в условиях жизни белорусских крестьян и помещиков; в том числе два голоса высказались за это чувство вообще к полякам за то, что „не хотели мира и захватили русские земли“.

Остальные голоса по-одиночке указывали на „героический порыв“, на „воинское чувство“ или на „разные чувства“, без предпочтительной силы одного перед другими.

Относительно значения *национального* чувства, как в гражданской войне, так и в войне с Польшей, значительное число мнений, а именно 28 из 71, что составляет около 40%, свелось к отрицательному ответу в выражениях: „нет, не наблюдалось, не замечалось“. Некоторые добавляли при этом что „национальное чувство не руководило, а было пролетарское достоинство“. К этой же категории ответов можно отвести еще 5, которые говорили, что национальное чувство замечалось очень редко, у отдельных лиц и т. д.

Большая часть остальных мнений указывали на то, что не национальное чувство в обычном смысле слова, но *чувство особого достоинства сильнее спаивало и двигало вперед некоторые национальности, чем другие.*

Подобное же чувство отмечено для некоторых категорий красноармейской массы, напр. для петроградских рабочих, а, в особенности, для *уроженцев некоторых областей* и губерний. Но мнения, вообще говоря, разбились по отдельным группам и национальностям, в зависимости от кругозора и личного опыта. Некоторые указывали на какую нибудь одну группу или национальность, другие на несколько.

Наиболшее число голосов (8) получили латыши, которые отличались наибольшей сплоченностью, сознанием превосходства над другими, смелостью порыва до самоотвержения; подобные же каче-

ства отмечались у татар (7 голосов), но не в смысле сознания своего превосходства, но в смысле честности, добросовестного исполнения и сплоченности. Отдельные мнения, в зависимости от личного опыта, указали, в том же смысле, на эстонцев и на китайцев. Встретилось указание на то, что немцы и мадьяры выражают чувство превосходства над русскими и взаимной ненависти друг к другу.

Наконец, отдельные же мнения подчеркивали сильное национальное чувство среди поляков; для тех, которые были на нашей стороне, это усиливало нанависть к своим соплеменникам.

Что касается до русских племен (великоруссов, украинцев, белоруссов), то встретилось лишь одно мнение, обобщающее их в одном стремлении, во время войны, показать „что они лучше поляков и эстонцев“. Напротив, несколько голосов (4) подчеркнули особенно слабое развитие чувства национального достоинства именно у русских.

Из уроженцев отдельных местностей чувством достоинства, мужеством и товариществом выделялись сибиряки (6 голосов), а затем уроженцы северных (Вологодской) и центральных русских губерний)по 2 голоса), донские казаки, но не все (2 голоса), и, в особенности, петроградские рабочие, независимо от места рождения.

Нельзя поэтому не подчеркнуть, какое значение для выработки внутреннего достоинства, спайки и мужества имеет самая борьба, будь то с политическими врагами, как у латышей, или с природой, как у сибиряков, но не малое значение имеют также общее развитие и известного рода традиции (казаки).

Относительно проявления религиозного чувства значительное большинство (51 из 71) высказалось в отрицательном смысле в выражениях: „нет, не наблюдалось, не замечалось“. В отдельных случаях встретились такие выражения: „религиозные вопросы для массы были неинтересны“, „религиозное чувство абсолютно отсутствовало“, от „религиозного чувства“ были далеки и смеялись над теми, которые верили или приносили дарование“. Отдельные голоса указывали: на преобладание молодых, которые всегда нерелигиозны, на то, что религиозное чувство встречалось, но редко, на то, что оно еще не отжито, есть и не служило причиной дезертирства, Такие же отдельные мнения подчеркивали наиболее сильное развитие религиозного чувства у евреев и поляков-католиков.

Чтобы закончить этот обзор, ответив об общей идее и общем чувстве, которые, как видно из ответов, сливались в общем в одно побуждение идейного характера, надо еще остановиться на 28 вопросе анкеты: *не служило ли побуждением вперед жажда обогащения или другие подобные желания*?

По этому вопросу мнения разделяются, но, из общего числа 71 голосов, только 4 приняли за указанным фактором большое значение, но и то некоторые из них опирались при этом на события 1918 года.

На „многие" случаи указали 8 ответов в выражениях: „среди многих, в большинстве случаев, сплошь и рядом", но с замечаниями: „особенно среди ездящих, по примеру кавалерии и т. д."

Из остальных ответов оказалось: отрицательных 10, утвердительных 37.

Но последние—опять с различными оговорками, а именно: „Случаев было очень мало, среди отдельных красноармейцев и комсостава, среди отбросов городского населения, среди отдельных красноармейцев и вне опасности (11 ответов) в некоторых случаях, напр., при взятии больших городов, или при оказании очень упорного сопротивления (6 ответов), когда цель оправдывала средства (7 ответов), среди несознательных и среди „интернационалистов" (4 ответа), частенько для достижения известных благ, или чтобы просто „поесть и прикрыть тело" (3 ответа).

Некоторые считали необходимым особенно подчеркнуть, что стремление к благам или наживе не носило массового характера, особенно в пехоте и если можно в этом смысле сделать упрек, то тыловым частям и учреждениям.

Для более полного освещения вопроса необходимо еще напомнить, что большинство ответов имеет ввиду гражданскую войну и войну на польском фронте, когда снабжение продовольствием и обмундированием стояло очень плохо или вовсе не производилось и когда войсковым частям, сплошь и рядом, приходилось самоснабжаться или спешно наполнять желудки и „прикрывать тело" на коротких отдыхах во время беспрерывных передвижений.

Внутренние побуждения к самоотвержению.

Как известно, важнейшее и труднейшее из требований военной этики это—самоотвержение, в противовес инстинктивному чувству самосохранения. Поэтому под приведенным выше заглавием об'единено все то, что содействовало возникновению и поддержанию этого чувства, а также и то, что могло бы служить признаком его присутствия или отсутствия.

Побуждения для проявления чувства самосохранения могут быть: внутренние (храбрость, чувство долга, чувство товарищества) и внешние (пример, воздействие среды).

Мы начнем с первых.

Обобщенный 4-й вопрос анкеты о том, что служило *более основанием для храбрости—природная неустрашимость, сознание долга, преданность делу, чувство товарищества, честолюбие или, просто, равнодушие к смерти,* —как и можно было ожидать, вызвало большое разделение голосов, которое очень трудно привести к общему знаменателю.

Причину такой дробности мыслей надо искать, с одной стороны, в крайней трудности определить отдельные побуждения и, в особенности, в трудности разделить их. К этому присоединяется недоста-

точность устойчивости самих подразделений чувства храбрости и различное понимание подчас одного и того же явления.

На природную неустрашимость в соединении с другими побуждениями (преданность делу революции, чувство долга, товарищество) указали 16 мнений, но некоторые с оговоркой о проявлении этого качества у отдельных лиц или среди комсостава и политических работников, или среди крестьян (вообще или только северных губерний и Сибири), или при удаче.

За равнодушие к смерти, также в соединении с другими качествами, оказалось 19 голосов, также с оговорками о проявлении этого чувства преимущественно у бедных рабочих и крестьян, или при удаче, или у менее развитых (непонимание опасности), кои заметны у некоторых народностей (китайцев, кавказцев, мадьяр).

Преданность делу революции, верность пролетариату, как основа самоотвержения, отмечены 16-ю мнениями, иногда с оговоркой о проявлении у более сознательных.

Менее голосов указало на чувство долга. Заметно подчеркнуто значение удачи и неудачи: в первом случае сильнее проявлялись храбрость и равнодушие к смерти, во втором—чувство долга и, иногда, честолюбие.

Товарищество отмечено 32 голосами, но большею частью в связи с другими побуждениями и с оговорками о проявлении этого чувства там, где была спайка, или не у всех, или даже не у многих.

Значение примера начальника и веского (зажигательного) слова, также примера политических работников (вообще коммунистов) подчеркнуто в сильных выражениях, но немногими голосами, очевидно по той причине, что это побуждение 4-м вопросом анкеты не предусматривалось.

Указать какие отдельные побуждения действовали сильнее в различных народностях или социальных классах, было бы слишком трудно, но по отзывам курсантов-командиров общая совокупность таких побуждений, как преданность делу революции, чувство долга, товарищество и отчасти природная храбрость, были заметнее среди рабочих и крестьян центральных и северных губерний (Петроградской, Архангельской, Вологодской), но упоминаются также губернии: Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Вятская, Екатеринбургская, Казанская, Пензенская, Уфимская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. Подобный же отзыв заслужили украинцы и белоруссы (по крайней мере при наступлении). Несколько раз упоминаются в этом отношении питерские и другие рабочие, в том числе, рабочие Дона и Кубани. Особою неустрашимостью, мужеством и спайкой отличались уроженцы Сибири (Тобольской губернии) и Урала.

Природная храбрость и равнодушие к смерти отмечены преимущественно у латышей, татар, мордвы, кавказцев и китайцев, но те же качества указаны и среди вообще русского крестьянства в такой мере, что, по мнению некоторых курсантов-командиров, именно эти

качества безотчетной храбрости, распространены среди русских крестьян, тогда как чувство долга и товарищества заметнее среди татар, мордвы и кавказцев. Честолюбие отмечено у латышей и мадьяр. Что же касается до социальных подразделений, то преданность делу и равнодушие к смерти более замечались у бедных, которые увлекали „богатых и несознательных". Но встречаются положительные отзывы и относительно „полу пролетарского общества" Петроградской, Архангельской и Вологодской губерний.

Яснее выступает значение различных побуждений из ответов на 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 23 и 24-й вопросы анкеты.

Часть курсантов-командиров (11 из 71) более или менее определенно высказались за то, что *природная храбрость и неустрашимость* были присущи не только отдельным лицам, но и вообще красноармейской массе. Это мнение было выражено словами: „в большинстве случаев были; часто замечались среди масс и одиночных лиц; были у отдельных людей и в массах".

Но большинство (45 из 11) поддержали мнение, что эти качества были присущи отдельным лицам, которые увлекали массу, но масса в свою очередь поддавалась этому увлечению.

Некоторые из курсантов-командиров подчеркивали при этом, что эти частные случаи храбрости среди отдельных лиц составляли именно одно из положительных свойств Красной Армии; при чем, там, где они были—они увлекали за собою остальную массу.

Другие (6 голосов), напротив, выражали мнение, что отдельные подвиги храбрости захватывали массу сравнительно редко.

Наконец, 4 мнения из 68 были за то, что храбрость проявлялась только у отдельных лиц и на массу не действовала.

Здесь, повидимому, сказалась разница индивидуального опыта и положения.

С психологической точки зрения интересно отметить замечания некоторых курсантов, что чувство храбрости чаще проявлялось при удаче и реже в начале боя и при неудаче; некоторые курсанты определенно заявили: „только не при отступлении, когда более выделялось чувство долга, поскольку оно было развито".

С этими суждениями о проявлении чувства храбрости интересно сопоставить другие, которые высказались по 17-му вопросу анкеты, по поводу чувства боязни.

О том, что боязнь вообще находила проявление, заявило значительное большинство, остальные не дали ответа или дали неопределенный ответ. Отдельные мнения говорили, что боязнь проявлялась редко, при дружных атаках ее не было, зато другие высказывались, что чувство боязни все же брало перевес над храбростью. Нечего и говорить что она проявлялась сильнее у молодых, необстрелянных и совсем невоспитанных в чувстве какого-нибудь долга (служебного или товарищеского). Много значило общее состояние и настроение. В период отступления из-под Варшавы чувство боязни особенно сильно проявилось.

Характерны увлечения, как безотчетным чувством храбрости, так и безотчетным чувством боязни. К сожалению размеры статьи не позволяют коснуться другой анкеты о свойствах красноармейца, о которой выше упоминалось. Там очень ярко подчеркнута эта способность красноармейской массы: с одной стороны—увлекаться порывом, опьяняться успехом и выходом при этом из рук командования, с другой—поддаваться чувству боязни, особенно при неожиданности, и доводить дело до паники.

Не менее характерна возможность быстрого превращения чувства безотчетной храбрости в чувство боязни и обратно: чувства боязни в чувство храбрости („страх вперед“).

Вот какие меры рекомендуют курсанты-командиры для борьбы с чувством боязни (в порядке по числу поданных за них голосов):

1) Воспитание, дисциплина, обучение, в том числе знание слабых сторон противника (но, конечно, также и сильных сторон).

2) Уверенность в себе и в своем оружии (вот откуда психологическое значение стрелкового дела, которое сейчас в таком полном забвении).

3) Пример начальников и их бодрость.

4) Привычка к опасностям.

5) Необходимый отдых, хорошая пища и ослабление постоянных забот о семье.

Относительно участия в побуждениях *чувства долга* 16 командиров дали отрицательный ответ, или указали, что сильнее действовали стыд или страх кары за неисполнение, 12 ответили, что чувство это побуждало слабо, редко или мало; 9 определяли его только у сознательных, партийных или комсостава; 13 дали вообще утвердительный ответ, без особых оговорок или указывая, что оно захватывало до 50% массы и, наконец, 5 ответили, что оно замечалось у многих и действовало сильно (бывали выклики из массы: расстрелять негодяев), хотя иногда имело смутный характер; 8 ответов получилось неопределенных, из них один особенно характерный и важный для общего заключения: „чувство долга побуждало, насколько военно-начальники *каждый раз* умели просто, но ясно подчеркнуть роль подчиненных в предпринимаемом деле“.

В остальных случаях не было никакого ответа.

Как видно, голоса вообще разделились, но большинство не склонно было приписать чувству долга широкого распространения. Пример в этом смысле был столь же важен, как и для проявления чувства храбрости, но иногда достаточно было об'яснения и вообще хорошо направленного слова.

По вопросу о *преданности делу* произошло недоразумение, вследствие неясности вопроса. Большинство поняли под этим выражением преданность службе, как собственно и следовало понять, но некоторые отвечали на вопрос о преданности революции.

Насколько речь идет о преданности службе, ответы также разделились, как и по вопросу о чувстве долга. Ответов отрицательных или с оговоркой „редко, слабо, мало“ дано 27; утвердительных 12; остальные дали неопределенные ответы или не дали никакого ответа.

По вопросу о *преданности военной службе* большинство (45 из 71) дали категорически отрицательный ответ или с оговоркой, что она замечалась редко и мало. Несколько ответов указывало на недостаток продовольствия, обуви и одежды, как на одну из причин недостатка любви к военному делу. Характерен следующий ответ: „любви к военной службе не замечалось, надо полагать потому, что военная служба не обеспечивала самих военно-служащих, а равно и их семейства, но, тем не менее, большинство массы сознавало ее неизбежную необходимость“.

По вопросу: насколько сильно побуждало *честолюбие, жажда подвигов, отличий, повышений и наград*, ответ большинства отрицательный.

В том числе 14 ответов было вообще отрицательных по той причине, что этого рода побуждения отсутствовали в красноармейской массе и действовали лишь в среде командного состава.

Затем 34 ответа указывали, что побуждения из честолюбия действовали мало, редко, в единичных случаях и преимущественно среди командного состава и т. п.

Положительных ответов явилось только 8, но с весьма характерными оговорками, что красноармейцы хотели бы получать награды, но их в действительности не давали, а также что они хотели только наград, но не повышений по службе, которых „страшились“.

Наконец, явились несколько мнений, которые нельзя подвести ни под одну из указанных категорий и которые, по их характерности, приводятся дословно:

„В борьбе с Польшей были единичные случаи—бросались на верную смерть с уверенностью совершить что-то необыкновенное“.

„Побуждало сильное чувство отличиться перед товарищами в обоих войнах, т. е. в гражданской и в польской“.

„Побуждало чувство быть первыми не ради наград“.

„Нет, не наблюдал: никто не заискивал“.

Как видно, своего рода „честолюбие“, соединенное, если так можно выразиться, с гордой скромностью истинных героев,—жило, по крайней мере, в отдельных представителях массы и при том именно красноармейской массы, проникнутой духом коммунистических идей, но это чувство, по тем или другим причинам, не имеет развития, между тем, несомненно, оно желательно с военной точки зрения.

Одна из причин заключалась в том, что наград просто давали очень мало, о чем некоторые курсанты-командиры заявляют в таких выражениях: „некоторые лица комсостава, желали выдвинуться за счет общего успеха; красноармейцы не стремились к этому потому, что многие представления к наградам оставались совершенно не-

удовлетворенными“. Возможно, что самая система наград требовала каких-либо изменений, считаясь с настроением красноармейской массы.

Достойна замечания та нотка, некоторой как-будто розни между комсоставом и красноармейцами, которая слышится в последнем из приведенных мнений.

Пример начальника, товарищество, достоинство части, знамя.

На вопрос о значении *примера начальника*, как и следовало ожидать, значительное большинство ответили утвердительно, подчеркивая громадное значение этого примера, как одного из важнейших, если не важнейшего, побуждений, в особенности при движении в атаку или в трудных положениях: при окружении, при действиях в тылу противника и т. п. Некоторые делали лишь оговорки, что следование за начальником еще не означало любви к нему, которой не наблюдалось. Неопределенных ответов было 11.

К сожалению вопрос относительно любви и преданности к начальнику остались недостаточно разработанными. Но, считаясь с тем, что указанная выше оговорка, встречается у очень серьезных и наблюдательных командиров, надо притти к заключению, что пример начальника далеко не всегда мог выражаться в одном личном примере атаки, с уверенностью, что красноармейцы за ним непременно последуют. Нужны были: близость, проникновенное слово, надзор, решительные распоряжения на самом месте боя и личное воздействие, как это и подтверждается различными эпизодами из войны.

Мнения по вопросу о том, насколько сильно побуждало *товарищество* разделились. Положительных ответов оказалось 23; некоторые с оговоркой „за малыми исключениями“. Отрицательных—тоже 23, большею частью в выражениях „редко, слабо, мало“, некоторые с оговорками „за исключением рабочего элемента“ или „за исключением татар“. Кроме того 10 ответов ограничивали проявление товарищеского чувства лишь некоторыми случаями, а именно: в сплоченных частях, или при удаче, или вообще в некоторых случаях. В остальных случаях ответы были неопределенные и непонятные, или же вопрос оставался без ответа.

Надо при этом заметить, что некоторые очень дельные и наблюдательные командиры, из числа коммунистов, с боевым опытом, определенно дали отрицательный ответ.

В одном случае был ответ: „Чувство товарищества отсутствовало у подавляющего большинства массы; случаи—выручить из беды в опасную минуту—проявлялись редко; при неудаче и отходе нередко оставлялись раненые“.

В другом случае был даже такой ответ: „Чувство товарищества или отсутствовало или—в перегонку в сторону наименьшего сопротивления во всех боевых действиях“. Но некоторые из среды командиров той же категории давали ответы иного содержания, как например: „стыд перед товарищами прослыть трусом, был двигателем для

некоторой части красноармейцев," Или еще сильнее: „вообще чувство товарищества в Красной армии стояло довольно-таки высоко и, пожалуй, в массе служило очень сильным побуждением вперед, за товарищами."

По этому поводу нельзя не высказать, что по общему складу народа, по естественному чувству нелюбви к „начальству", по недостаточному развитию настоящего чувства долга,—товарищество должно было бы служить одной из главных основ Красной армии, если не главной основой. Но как видно это чувство, подобно многим другим более высоким чувствам, так называемого альтруистического характера, еще не успело достаточно развиться, чтобы получить такое значение.

Нельзя также не припомнить, что события последней войны с Польшей представляют соединение двух совершенно различных периодов. Первая половина представляет ряд почти сплошных успехов, вторая—ряд еще более сплошных неудач. По крайней слабости частей, с потерей большей части командного состава и лучших бойцов и товарищей, по чрезвычайной разбросанности и отсутствию разведки и связи, по чрезвычайной слабости и даже негодности прибывающих пополнений, по крайне тяжелым материальным условиям, вообще,— по целому ряду причин, эти неудачи часто обращались в катастрофы, в которых мало-подготовленные части не могут не поддаваться действительно стадному чувству самосохранения. При таких условиях видеть положительные примеры настоящего боевого товарищества не так легко.

Возможно, что одна часть курсантов-командиров основывала свои выводы преимущественно на опыте первого периода, другие—на опыте второго.

Во всяком случае приходится признать, что в истомленных, расстроенных частях, в этот второй период чувство товарищества не было достаточно развито.

По вопросу о том, не давало ли побуждений *чувство достоинства своей части*, как одно из средств, различаемого в психологии, воздействия среды, значительное большинство (46 из 71) высказалось в положительном смысле. Очень многие выражали мнение, что красноармейцу вообще свойственно гордиться своей частью и выставлять ее лучше других. Другие делали оговорки, что эта гордость была свойственна красноармейцам „победных частей", или таких, в которых они уже долго пробыли или, наконец, таких, где были старые, боевые красноармейцы.

Замечания эти имеют весьма важное значение и много говорят в пользу сохранения в мирное время кадров всех частей, ознаменовавших себя боевой службой, каковы бы ни были финансовые соображения.

Отрицательных ответов по этому вопросу оказалось однако тоже довольно много (14), что указывает, конечно, на некоторые слабые

стороны Красной армии по части формирования, комплектования и командного состава.

Отрицательное значение имели крайняя слабость частей, постоянная смена комсостава, ничтожность кадров, неподготовленность пополнений. При таких условиях органическими единицами становились дивизии, развивался своего рода „дивизионный патриотизм“, но он не мог заменить спайки.

Остальные ответы носили неопределенный характер или обходили вопрос.

В тесной связи с понятием о достоинстве войсковой части стоит понятие о *знамени*, которое является, прежде всего, символом этого достоинства части, в частности—полка. Понятие о символе, как о конкретном понятии или о конкретном предмете, заменяющем в ярком образе иногда целый ряд отвлеченных и подчас трудно-постигаемых понятий, имеет в психике масс особенно важное значение.
Отсюда же его значение в военном деле, где все воспитание масс в значительной мере основано на символах. Кроме знамен, к таким символам относятся: форменная одежда, знаки отличия, отдание чести и многие другие.

В ряду этих символов—знамени, бесспорно, принадлежит важнейшая роль.

Как известно в старой армии знамя имело очень важное значение и даже, так называемую, присягу производили перед знаменем. Солдат старательно, хотя и не всегда удачно, учили, что такое знамя; все его, по крайней мере, знали и видели. В прежние войны знамя в бою играло видную роль. Известны исторические примеры, когда знамя в бою было впереди полка и увлекало за собой весь полк. В последнюю минувшую войну этого уже не было. Чтобы знамя увлекало вперед, надо его поднять и распустить. Но сделать это в условиях огневого боя, как он разыгрывался в минувшую войну, было невозможно. Тем не менее знамена были при полках и опытные начальники пользовались подходящим случаем, чтобы об этом напомнить.

Из ответов курсантов—командиров на 13-й вопрос анкеты видно, что это полезное и очень важное начало в Красной Армии еще не привилось.

Большинство ответов (49 из 71) указывают: „случаев не было, не приходилось видеть, не было ни одного случая применения знамени в бою“. Среди этих ответов есть даже такие:

„За все отступление от Варшавы не видел знамени“

„Не видел знамени своего полка“

„Не видел вообще красных знамен за время войны“.

„В полку два красных знамени, об них иногда упоминали, но случаев увлечения вперед не было“.

„Нет. Красноармейцы мало слышали о его значении и оно далеко от передовых частей“

„Красноармейцы не имели никакого представления о красном знамени“ *).

Между тем красное знамя в некоторых частях бесспорно играло значительную роль.

На это указывают 9 ответов, которые свидетельствуют, что случаи увлечения бывали даже часто.

В одном из ответов указано: „за честь красного знамени 235 стрелкового полка 14 августа было произведено 9 атак: шли без страха и сомнения и умирали со словами „да здравствует советская власть!“

В 5-ти ответах говорится, что знамени в полку или в полках не было, но заметно было желание иметь его; уже одно представление полка к красному знамени придавало храбрости и предприимчивости. За неимением знамен, все части старались добыть и захватить, как можно больше, красных 8 флагов.

В общем, красное знамя, как стимул для движения вперед далеко не было применено, а потому и судить о значении этого стимула пока не приходится.

Страх наказания, дезертирство, сдача, пропаганда.

По вопросу 23-му анкеты о том, насколько побуждение к движению вперед зависело от *страха и наказания расстрела* и часто ли приходилось прибегать, к *физическому воздействию*, большинство не отрицало, что к этим мерам приходилось прибегать, но исключительно в боевой обстановке или же для прекращения беспорядка в тылу.

Относительно распространения их и степени воздействия мнения были неодинаковы.

8 голосов указали, что к физическому воздействию приходилось прибегать редко, только в цепи, а также, что достаточно было угрозы или слухов о расстрелах в других частях; 19 голосов указали на то же в более общих выражениях „приходилось, бывало“, по большею частью с оговоркой, что это требовалось против несознательных или необстрелянных. Против бегущих с поля боя побои применялись самими же красноармейцами и действовали, как следует, на новичков и не обстрелянных; 13 голосов поддержали более определенно выраженное мнение, что физическое воздействие и угроза расстрела имели большое значение в боях, а расстрелы действовали на массу отрезвляющим образом, но столько же голосов (13) дали совсем отрицательный ответ в выражениях: „не приходилось применять, не наблюдалось, случаев не было“.

Наконец, 5 голосов дали неопределенный ответ, касаясь лишь последствий физического воздействия и расстрела, но не области их применения или частоты случаев.

*) Этому ответу вряд ли можно придать какое либо значение, т. к., нет такой части, в которой об этом не знали-бы. *Редакция.*

Они заявляли, например, что „суровые меры не оказывали действия ускоряющего в движении вперед, а наоборот; „удерживали от проявления варварства и мародерства“.

Подобные же замечания встречались и у тех, которым „приходилось применять“: 9 голосов было за „благотворное“ воздействие, 5 за „отрицательное“, а 2 за то, что эти меры действовали в бою иногда в положительную, а иногда в отрицательную сторону.

Как известно, уставы Красной Армии категорически и безусловно воспрещают применение физического воздействия и таковое противоречит резко принципам положенным в основу дисциплины Красной армии. Таким образом, мы склонны думать, что правы давшие отрицательные ответы и это более соответствует истинному положению вещей.

На имевшие место случаи применения физического воздействия следует, конечно, смотреть как на произвол; и если указывается, что применялось к несознательным кр-цам, то надо сказать, что применяли это также и несознательные командиры.

Как видно, многое еще зависело от обстановки, которая в войне с Польшей, как уже было замечено, сложилась в два совершенно различных периода. Большое значение имел также и состав части, который во вторую половину кампании резко изменился. Наконец, много значила личность начальника: от одного—достаточно угрозы, тогда как другому может потребовалось лично бегать по цепи с револьвером в руках.

Эпизоды, доложенные курсантами—командирами, дают яркие примеры, как одна и та же часть, составленная из плохих или необстрелянных пополнений, разбегалась при атаке по лесу от нескольких неожиданных выстрелов, а затем, после энергичных угроз или отдельных случаев физического воздействия, шла в атаку по открытому полю.

Но могли быть случаи и отрицательного воздействия, смотря по тому, от кого и когда они исходили и к кому применялись.

Затем, известен ряд случаев, когда, после проявления малодушия, или даже отказа итти в бой и признаков мятежа, достаточно было иногда энергичной или даже инсценированной угрозы, иногда лишь напоминания о прежних подвигах, а иногда просто отдыха и хорошей еды, чтобы части вновь становились боеспособными и даже стремились загладить свой проступок.

В подобных случаях и надо искать признаки полезности или вредности суровых мер, когда приходится иметь дело с недостаточно воспитанной и сознательно-дисциплированной массой.

Относительно *дезертирства* (24-й вопрос анкеты) 36 ответов получилось отрицательных или с оговоркой „очень мало, очень редко, в единичных случаях“; в 11 случаях ответы носят более общий ха-

рактер: просто „было“ или „было из состава пополнений“, „было не массового характера, кроме Минских уроженцев“, во всех случаях добавлено, что дезертирство прекращали соответствующими мерами; в 11 же случаях ответы указывают, что случаи бывали не редко и даже очень часто; много было случаев при форсировании р. Березины, а затем при отступлении, в районах Бреста, Белостока и Гродно, но в 6-ти ответах из 11 сделана оговорка, что дезертирство не имело массового характера.

Только в одном ответе говорится, что дезертирство было очень часто „что-то в роде эпидемии; страх перед карой“.

Один из неопределенных ответов очень метко указывает, что „дезертирство замечалось различное при различных условиях питания и снабжения одеждою и обувью; но умелым наблюдением и устройством тыла на время боя эти явления ослаблялись“.

Относительно *самострелов* (тот же 24-й вопрос анкеты) ответы были в сущности аналогичные; 40 ответов отрицательных или с оговоркой; „очень мало, редко, в единичных случаях“.

По 22-му вопросу анкеты, о том, при каких условиях являлась наклонность или готовность к *сдаче противнику* и среди каких элементов, довольно большой процент (23 из 71) было ответов, указывающих, что таких случаев в своей части не было, или вообще не наблюдалось; 22 ответа содержали указания, что наклонность к сдаче замечалась среди врагов советской власти, белогвардейцев из пленных, шкурников, мелкобуржуазных элементов, кулаков, злостных дезертиров, неопытной молодежи, и, в особенности, среди уроженцев местностей, из которых отходили; в большинстве ответов стоит оговорка „при безвыходном положении“.

17 ответов перечисляют условия, при которых проявлялась наклонность к сдаче, а именно: „при неуспехе и потере веры в себя и в успех, как то было при отступлении от Варшавы“, „в безвыходном положении, по мнению их, а шкурники, когда узнают, что противник их не тронет“, „при внезапных нападениях противника“, „когда чувствовали за собой вину“, „при убыли начальников“, „по примеру начальника“, и, в особенности „при отходе, при острой нужде в патронах, пище и обуви“, или „при неудаче в голоде и в холоде“.

В остальных случаях не было ответа на вопрос. По 25-му вопросу *о пропаганде*, 25 голосов дали отрицательный ответ словами: „не было если находили прокламации—сдавали; вполне достаточное средство были комячейки“.

6 ответов указывали, что случаи пропаганды были очень редки; польские прокламации только озлобляли; к белогвардейским относи-

лись отрицательно, тогда как, по словам пленных, „большевитские у противника уважали". В 21 случае ответы были в общих выражениях „случаи были" или „бывали", при этом перечислялись различные отдельные случаи на южном, северном и на польском фронтах; в остальных случаях они, по словам курсантов—командиров, успеха не имели, часто возбуждали насмешки; достаточною мерою, в большинстве случаев оказывалось раз'яснение этих же прокламаций, которые „не соответствовали действительности" и другие меры политической агитации. Лишь 3 ответа отмечали, что случаи пропаганды были очень часто, но тоже успеха не имели. Остальные курсанты отвечали, что не имели случая заметить пропаганды, или оставляли вопросы без ответа.

Дисциплина.

С военной точки зрения армия имеет три главнейших моральных основы: единую идею (или единое чувство), дисциплину и товарищество.

О первой и третьей из этих основ уже достаточно сказано. Остается рассмотреть дисциплину, насколько дает возможность анкета.

Вопрос о дисциплине в анкете прямо не поставлен, но есть ряд вопросов (6-й, 14-й, 26-й и 27-й), которые близко ее касаются.

Моральную основу сознательной дисциплины составляет свободное, внутреннее побуждение, т. е. чувство долга.

О том, насколько оно развито или, вернее, не достаточно развито,—было уже говорено выше. По вопросу о его проявлении 37 голосов высказались отрицательно или почти отрицательно, или с большим ограничением и только 18 дали утвердительный ответ.

В связи с тем, что было сказано о чувстве товарищества, о значении товарищеской спайки и о том, насколько самоотверженный порыв зависел именно от этих данных в некоторых группировках по социальному положению (вернее,—по роду занятий), по национальному происхождению или по месту рождения, видно проявление чувства долга не мало зависило от чисто товарищеской дисциплины, чем, вероятно, и надо об'яснить некоторую разницу в ответах курсантов—командиров.

Другая данная, которая сильно влияет на дисциплину части и развитие чувства долга,—это личность начальника. Нет сомнения, что в этом отношении участь красноармейских частей была весьма неодинаковая, что отразилось в таких ответах, как: „пример начальника зависил от того, какой начальник", или „чувство долга зависит от воспитания, коего не было даже у комсостава".

Из примеров отступательного периода войны с Польшей мы знаем, что строевые начальники оказывались не редко не на высоте положения не только по знанию и пониманию военного дела, но и в моральном отношении.

Тем важнее было значение другого воспитательного начала, т. е. воздействия среды, *общего порядка службы*.

Этот именно вопрос и затронут 14-м вопросом анкеты. Конечно, он затронут далеко не полно.

Из примеров истории войны с Польшей мы знаем, что в порядке службы было много недостатков не только по части, так называемого внутреннего порядка, но и по части боевой или полевой службы: охранением пренебрегали, возлагая его всецело и очень шаблонно на команды разведчиков, которые одновременно играли роль ударных частей, разведки и связи; походные движения совершали имея обозы за каждым баталионом; на отдых располагались, как-попало и т. п. Все эти вопросы остались незатронутыми анкетой, но затронут один очень важный вопрос: какое значение имела общая постановка службы и что сильнее действовало—постоянная строгость и беспощадность, или справедливость и заботливость? Затронут, так сказать, общий характер режима.

Как и можно было ожидать значительное большинство ответов (39 из 71) указали, что наилучшее воздействие оказывает соединение строгого режима с заботливым. На сторону справедливости и заботливости склонилось 17 голосов, на сторону строгости только 3 голоса.

Отдельные мнения указывали на необходимость вообще справедливости и заботливости, а в бою—больше строгости или на то, что справедливость и заботливость хороши, только в дисциплинированных частях.

Но общий подсчет указывает все же, что полное равновесие между двумя противоположными режимами как-будто не всегда отвечал наличным условиям.

Один из ответов бросает на этот вопрос луч света. Он говорит, что нужны: „справедливость, забота и *товарищеское уважение*".

Как видно, традиционная нелюбовь к начальству и недоверие к нему еще дают себя знать, и прежде, чем дисциплина в армии сделается служебной, нужно, чтобы она прошла через этап товарищеской дисциплины, при которой задача начальника становится более сложной. Он должен быть действительно воспитателем. Если же он не обладает такими способностями, то должен быть, во всяком случае, заботливым и справедливым, проявляя строгость с необходимой осмотрительностью, такими способами, чтобы не оставалось сомнения в

ее необходимости и чтобы она находила поддержку в товарищеской дисциплине.

Другой вопрос анкеты, который касается дисциплины, это вопрос 26-й: *какая разница в поведении свойственна красноармейцу на глазах у начальника и товарищей и за глазами?*

Казалось бы, что на этот вопрос должно наверное получить ответ, что на глазах у начальника красноармеец старался, за глазами—небрежничал. Но дело обстоит не так просто: положение начальника в Красной армии не то, что в прежней.

Разница же в поведении в зависимости от взоров товарищей для Красной армии имеет особую важность в видах, уже указанной выше, товарищеской дисциплины.

По анкете 30 ответов отметили разницу в поведении на глазах начальника и за глазами в различных выражениях в том смысле, что на глазах красноармеец вежливее, исполнительнее, честнее, храбрее, но лишь „поддерживает вид", за глазами обнаруживает противоположные качества, часто критикует и ругает начальника, порой бывает „с камнем за пазухой".

Но в 11 случаях ответы говорят, что разницы в поведении нет или она несущественная; на глазах приличнее, за глазами свободнее; „за глазами один недостаток—картишки". 20 ответов определяют поведение на глазах и за глазами „смотря по начальнику, как себя поставит". Если начальника любят, если он сам относится с любовью и заботой, и пользуется при этом авторитетом, то разницы в поведении не бывает. Но нужны оба условия: любовь и авторитет, иначе „раскусывают в два счета".

Поведение красноармейца, как верно замечает один из курсантов—командиров, нуждается в воспитании, в особенности по отношению к начальнику. Пока еще чувствуются остатки недоверия после старого режима. Если начальник только требователен, хотя бы в пределах служебного долга, то являются подозрения „в выделении его интересов из интересов красноармейца".

Нужна близость, которая кстати сказать ныне еще невполне достигнута, но в то же время, нужен и авторитет, т. е. несомненное превосходство в знаниях, подготовке и способностях, чтобы слушаться было необходимо и выгодно.

Следующий вопрос анкеты, связанный с вопросами дисциплины,—это 27-ой: *соединялось ли в красноармейцах выправка, исполнительность и исправность по службе с храбростью в бою?*

Здесь заключен вопрос о связи дисциплины с военными качествами, в частности вопрос о связи внешней, строевой дисциплины с боевой.

Ответы распределились следующим образом: 13 за то, что выправка и исполнительность соединялись с храбростью в бою, с оговоркой, что с прибытием пополнений выправка, вообще говоря, сходила на нет, но все же неисправные первыми в бою не бывали; 17 указали, что соединение такого не наблюдалось или наблюдалось редко; напротив, нередко наблюдалось, что неисправные в тылу оказывались первыми в бою; вообще, как заявил один из командиров, приходилось командовать «бойцами военного времени» и лишь наблюдать «гром не из тучи»; наконец, 17 же ответов указали, что выправка, исправность и храбрость соединялись, но бывало исключение иногда больше, иногда меньше, бывали храбрые „дезертирные" части, часто исполнительные оказывались трусами; исправность это свойство храбрых, но не всегда; впереди были дисциплинированные, воспитанные, сознательные, но оказывались впереди и неисправные; выправка необходима, но бывали впереди и «свободомыслящие».

Подобные явления, конечно, были и в старой армии и вообще бывают во всех армиях, но сравнительно большой процент ответов, указывающих на отсутствие соединения исполнительности и храбрости в бою, без сомнения указывает одновременно на недостаток дисциплины и подготовки.

Материальные условия.

Материальные условия имеют весьма важное психологическое значение. Это может показаться парадоксом, но, в действительности это именно так, в особенности, когда массы, с которыми приходится иметь дело не имеют высокого духовного или нравственного развития. Недостаток в удовлетворении предметами первой необходимости, к которым экономические науки относят пищу, одежду и жилище, за известными пределами неизбежно ведет сперва к сокращению работы, а затем к истощению организма.

Но параллельно с этим развиваются и отрицательные психические явления: недостаток питания и одежды действует на общее *самочувствие*, которое в свою очередь создает известное *настроение*, имеющее очень важное, иногда так сказать стихийное, значение, в особенности, в психике масс.

При недостатке в удовлетворении важнейших жизненных потребностей должен явиться не только упадок энергии, но неудовольствие вызванное этим недостатком ищет себе опоры в других смутных неудовольствиях, тащит за собой другие чувства, которые могут его подкрепить и усилить и, наконец, создается своего рода новое захватывающее чувство, которое парализует прежнее, если оно было, и ведет толпу в новом, отрицательном направлении.

Если мы имеем дело не с толпой, но с армией, то прочная организация, одушевленная дисциплиной и нравственные основы этой армии с известной захватывающей идеей могут сопротивляться отрицательному воздействию вредных настроений, но все зависит от глубины и силы захватывающей идеи и от прочности основ армии, для которых может создаться тяжелое испытание.

По 15-му и 16-му вопросам анкеты о том, какое значение имела *исправная одежда и обувь, а также хорошее питание,*—ответы сгруппировались следующим образом:

Безусловно положительный ответ для одежды и обуви дали 49 для питания 54 голоса; условно в первом случае 9, во втором 10 голосов. Отрицательное или слабое значение признали для одежды и обуви 3, для питания только один голос.

Указавшие на безусловное значение перечисленных материальных условий одинаково распространяли их, как на общую исполнительность и исправность, так и на все случаи походной и боевой деятельности. Указывалось именно воздействие плохого состояния одежды и обуви на настроение, на упадок духа. Особенное значение имел недостаток обуви. Люди шли босые с израненными ногами, многие десятки верст, часто по лесу и по камням. При отступлении одним из побуждений к сдаче бывало отсутствие обуви, в связи с общим утомлением. Особенно подчеркиваются два мотива необходимости более исправного снабжения: видимая забота о красноармейцах „народа и начальства“ и средство избавить его от личной заботы, не развивать жажды к наживе и ненужному хламу.

Условные ответы признавали большое значение одежды и обуви для похода, в особенности в зимнее и вообще холодное время, но не для боевой деятельности.

В пользу значения питания приводились в общем те же основные мотивы, но в гораздо более сильных выражениях: „пища для человека—это все, это—самое главное, важнее обмундирования; сытый и веселый пойдет куда угодно, рвется в бой, делает легче большие переходы, тогда как голодный способен бить противника только тогда, когда нет другого выхода, голод—это утомление; вообще один сытый заменит пятерых голодных“.

Подчеркивается значение хорошего питания не только для походной, но, именно, для боевой работы, по силе психического воздействия на бодрость, на чувство „своей силы“, т. е. избытка сил.

Голод иногда действительно двигал вперед, но только после ряда удачных боев, когда предвиделось захватить продукты.

Говорится о том, что недостаток питания приводит к антогонизму с начальством, которого считают ответственным, а за этим чувством тянутся и другие еще более вредного и глубокого значения.

Говорится также и о том, что хорошая пища значит одной заботой меньше, не приходится бегать по деревням, меньше произвола.

Условное признание значения питания преимущественно или только общей исполнительности, иногда для стойкости, но не для возбуждения порыва при атаке, дает также несколько характерных указаний. Так в одном случае говорится, что „для проявления храбрости не хватало инициативы даже при сытости", в другом—„бывали случаи, когда люди не ели сутки и спрашивали: скоро ли пойдем вперед? Хотя бы занять деревню! Смотришь, поправились бы!".

Между прочим, в доказательство значения хорошего питания приводится параллель между успешными действиями на восточном фронте и неуспешными (во второй половине кампании) на западном. Приписать такое значение неустройству питания, конечно, нельзя, но несомненно это неустройство отразилось на боях под Варшавой.

К характеристике значения материальных условий относятся также ответы на 17-й вопрос анкеты о том, *что больше препятствовало проявлению порыва: чувство боязни, думы об отдыхе или действительные заботы о семье? Чем можно ослабить эти препятствия?* Также отчасти, на 18-й: *чем можно было более обеспечить движение на встречу опасности: хорошим питанием и отдыхом или, напротив, продолжительными лишениями и постоянной опасностью?* По первому из этих вопросов вывести какой-либо один общий ответ было-бы трудно. Многие ответы носят именно неопределенный характер. Но можно определенно вывести общее заключение, что чувство боязни имело большее значение, чем думы об отдыхе. Но нельзя того же сказать относительно забот о семье. 41 ответов отметили значение этих забот из них 10 указали, что эти заботы имели больше значения, чем даже простая боязнь, свойственная вообще каждому человеку.

Как выражались некоторые из курсантов—командиров заботы о семье были заветными думами красноармейцев, особенно старших сроков службы, иногда приковывая все внимание. Из получаемых писем можно было видеть одни и те же жалобы на весьма тяжелое положение, разруху, упадок хозяйства. К этому присоединились жалобы на действия продовольственных отрядов и реквизиций, которые „не соответствовали декретам" и т. п. Такие известия толкали многих на нарушение долга службы, хотя они были храбрыми и верными сынами трудового народа.

Бывали и другие письма о том, что такие-то односельчане хорошо устроились в тылу. Это также смущало совесть красноармейцев.

Вот почему среди мер, которые могли бы ослабить эти заботы, кроме действительных забот местных властей об оставленных красноармейцами семействах и хозяйствах, некоторые курсанты—командиры указывали на необходимость обеспечить красноармейцам получение известий из дома, но с известной цензурой. Ряд мнений приведен за то, чтобы разрешить кратковременные отпуска.

Несомненно однако, что вопрос об обеспечении семейств был „больным вопросом“ и играл очень большую роль в психике красноармейца.

Вопрос о значении *отдыха,* с соответствующим питанием, был выдвинут вследствие отдельных заявлений курсантов-командиров, что такой отдых иногда вредно отражался на боевой работе и что, напротив, опасности и лишения заставляли красноармейца забывать его думы о семье и домашнем отдыхе и инертно поддаваться движению.

Действительно, ряд мнений по анкете оказался за то, что наилучшим образом действовали пища и отдых среди опасностей и лишений. Некоторые передавали это мнение в таких выражениях: „Продолжительные лишения и опасности делают зверем, атака вперед обеспечена“.

Но большинство ответов, собранных анкетой, опровергло это мнение, указывая на то, что по опыту войны, пища и отдых придавали бодрости, после отдыха люди, плохо одетые и босые, даже с плохими начальниками шли вперед, тогда как изнурение действовало отрицательно, обостряло отношение даже к хорошим командирам, навевало еще больше дум о семье.

В связи с оценкой значения материальных условий остается рассмотреть еще значение таких *облегчений в боевой работе, когда езда в поездах (в классных вагонах) или движение не иначе, как на подводах,* о которых упоминается в 28-м вопросе анкеты.

По этому вопросу 16 курсантов-командиров ответили, что им таких случаев не приходилось наблюдать, 8 ответили, что вообще таких случаев не было (?), но 32 их отметили, а один дал ответ, что „в гражданскую войну вообще пешком ходили мало, так что судить трудно“. Двое дали неопределенные ответы, двое оказались начальниками бронепоездов, в которых всегда передвигаются с известными удобствами, а остальные 6 оставили вопрос без ответа.

Из 31 мнения лишь 4 останавливаются на езде по жел. дороге, из них два только на этом способе передвижения, указывая, что случаев езды в классных вагонах не было. В остальных ответах говорится о езде на подводах и один раз на грузовиках; 20 ответов отзываются одобрительно о перевозке войск на подводах, говоря, что

это „действовало в самую лучшую сторону, превосходно, великолепно, приводило в восторг, сберегало силы, поднимало дух войск, которые потом бодро и весело шли в атаку“; только в двух случаях упомянуто, что „при перевозке целых частей сознательные замечали, что нехорошо срывать крестьян с работы“, а также, что сбор подвод „действовал в защиту крестьян особенно на красноармейцев из крестьян“. Еще двое указали, что частые перевозки действуют вредно, а один, что перевозились только вещи красноармейцев, что действовало вполне благотворно.

Только 10 отнеслись к перевозке на подводах вполне отрицательно, указывая, что это „действует прескверно, разлагает войска, доводит до того, что не желают носить сами винтовок“. Даже перевозка штабов и тыловых утреждений действует на войска отрицательно.

Разбирая эти мнения, нельзя не заметить, что мы в них видим отчасти отражение того, что было в действительности, а еще более—отражение взглядов на данный вопрос самих командиров.

Несомненно, перевозка на подводах небольших частей, с особыми оперативными заданиями, вполне допустима и иногда необходима. Во время минувшей войны во Франции обе стороны перевозили целые корпуса с одного участка на другой, но не на крестьянских, одноконных, утлых подводах, с заморенной и голодной лошадью, по плохим дорогам, а на автомобилях, целыми грузовыми поездами, по отличным шоссе.

В войну с Польшей красноармейские части были невелики: полки по несколько сот человек, сперва,—как баталионы, а под конец,—как роты. Но этих баталионов и рот было очень много, они возили то, что им казалось необходимым, забирали подводы без контроля и держали без срока. Поэтому перевозка на подводах принимала уже массовый характер.

Курсанты-командиры, которые с таким сочувствием относятся к перевозке на подводах, не отдают себе отчет в этом вопросе во всем его об‘еме.

Но такой взгляд является лишним доказательством, что к перевозкам прибегали очень часто.

Между тем эти перевозки являлись фактором очень важным в психологическом отношении. В отдельных случаях они действовали благотворно, но, мало по малу, создавали очень невыгодную психологическую обстановку, как извнутри, подрывая дисциплину и стойкость частей, так и снаружи, в окружающей среде, которая из благоприятной, обращалась в неблагоприятную.

Стойкость и упорство.

Перейдем к последней категории вопросов, которые касаются, так сказать, итогов психологических побуждений, в некоторых, наиболее трудных боевых положениях.

Начнем со стойкости, в которой отражаются, все качества войск и условия по подготовке.

Вопрос 29-й анкеты спрашивал: от каких причин зависел недостаток стойкости?

Он был поставлен в такой форме не потому, что Красная армия вообще неспособна проявить стойкость, но по тем соображениям, что, судя по многим эпизодам из войны с Польшей, разработанных курсантам и (как указано выше) этот именно недостаток являлся особенно характерным для Красной армии. В то же время, будучи характерным, он лучше других признаков может послужить для раскрытия тех условий, которые действуют на Красную армию в отрицательном направлении. Разобраться в ответах по этому вопросу не так легко, ибо: во первых,—большинство курсантов—командиров выставляли одновременно несколько причин недостатка стойкости, а во-вторых—отражали не только действительность, но и свои суб'ективные суждения, иногда ошибочные, иногда неполные.

Нельзя было бы всю сумму голосов разбить на отдельные группы, но можно перечислить по отдельности причины, упомянутые курсантами и подсчитать, сколько голосов указано на каждую из них.

Вывод получится следующий, в порядке по числу голосов:

1)	Недостаток военного обучения	29 голосов.
2)	Недостатки снабжения	25 „
3)	Несознательность, недостатки воспитания и политической подготовки	21
4)	Недостатки комсостава	21
5)	Переутомление	19
6)	Недостаток дисциплины	18
7)	Малочисленность частей и большие участки.	10
8)	Повторение неудач в боях	7
9)	Недостатки прибывающих пополнений . .	7
10)	Нет ответа на вопрос	6
11)	Недостаток связи	5
12)	Недостатки сплоченности частей	2
13)	Воздействие новейших технич. средств. .	2
14)	Плохая эвакуация раненых	1

Из этого перечня видно, что едва-ли все курсанты с одинаковой широтой оценили вопрос и одинаково подошли к его разрешению.

Некоторые из этих причин так тесно связаны, что большое значение одной неизбежно предполагает соответственно такое же значение и другой. Более основные причины не могут оказаться менее важными. Между тем такие случаи оказываются.

Надо однако основательнее разобраться в ответах, чтобы увидеть, отчего это могло случиться.

Недостатки военной подготовки, казалось бы, не могли оказаться на первом месте, но они не только заметнее других (что несомненно имело свое значение), но доходило до таких пределов, как полное неумение обращаться с винтовкой. Не умели зарядить: приходилось заряжать взводному. Не умели прицеливаться: стреляли из положения изготовки. Не знали рассыпного строя. Не понимали самых простых команд. Все это конечно, не могло относиться до старых солдат, но было много и молодых.

Нечего и говорить, что не знали походных и сторожевых порядков, свойств артиллерии и конницы, применение к местности.

Между тем такие недостатки подготовки непосредственно отзывались *на вере в себя и свое оружие.* Отсюда их очень важное психологическое значение.

Недостатки снабжения, казалось бы, также не должны были занимать одного из первых мест, но они выделились по своей яркости и непосредственности, а также снова по своему глубокому психологическому значению. С ними связывался вопрос о *чувстве личного достоинства,* в самой простой и общедоступной форме, а также представления о *заботе высшей власти и народа,* как о том было уже говорено выше.

Невольно приходят на память войска Великой Французской революции, тоже босые и голодные, но исполненные энтузиазма. Но и в войне с Польшей был тоже энтузиазм до перелома в настроении, которое случалось также и с французскими революционными войсками. Сказались, быть может, другие свойства психологии народных масс, но сказались также и другие свойства времени. Красноармейцам приходилось не только оставаться по неделям без подвоза продовольствия, но испытывать *недостаток патронов для винтовок и пулеметов,* которого не испытывали войска французской революции. Также испытывать *молчание своей артиллерии под огнем противника,*— по недостатку снарядов.

Недостаток сознательности, воспитания, политической подготовки выражался, по мнению командиров, в неясном представлении, что „данная война есть залог благополучия страны и личности“, в неразвитости чувства долга, в темноте красноармейской массы и во „врожденном чувстве страха“.

С психологической точки зрения эта причина несомненно стояла в основе всех других, хотя и не была так доступна непосредственному, каждодневному наблюдению, как незнание строя или недостаток обуви. Особенно характерно, при этом, что не все командиры соединяют этот недостаток сознательности и политической подготовки с недостатком военного воспитания и дисциплины.

Так было и во времена Великой Французской Революции, когда долгое время в армии действовал только один революционный порыв наряду с постоянными и вопиющими нарушениями дисциплины. Лишь мало по малу из „порыва“ выковывалась настоящая военная дисциплина, необходимая для победы не только на-коротке, в благоприятных условиях, или против слабейшего противника, но всегда и всюду, против какого угодно противника и в каких угодно условиях, не спрашивая сколько его, но где он?

Этот недостаток дисциплины, как психологическая причина не только неудач, но и определенных неверных приемов действия или тактических и стратегических ошибок, хорошо выражен в следующем мнении одного из командиров: „Недостаток стойкости зависел от неровности порыва (порывистости) красноармейских масс. Сразу успех сильно захватывал и ему уделялось слишком много энергии и напряжения нравственного и физического, после чего наступала реакция, в особенности при упорстве противника.

Когда упоение первой ослабевает, необходима другая победа, которая опять возбудила бы энергию красноармейца. Если же противник ее не дает, то наступает именно реакция—упадок духа и сил. Красноармейцы при успехе быстро выходили из подчинения командиров и отдавались всецело иногда неразумному порыву вперед. Необходимо развить дисциплину, которая давала бы возможность начальнику расходовать силы своих подчиненных только там, где это необходимо“.

Но вся сила дела заключается именно в том, чтобы в армии были начальники, которые обладали бы властью и военным глазомером, и подчиненные, которые, не теряя способности ориентироваться и помочь исполнению, послушно выполняли бы боевые приказы. Казалось бы, что это очень простая истина, но провести ее в молодую армию очень трудно и тем труднее, чем менее дисциплинирован народ, чем менее развито в нем сознание единства своих интересов и основанное на этом чувство долга и товарищества.

Я думаю, мы не ошибемся, если скажем, что именно в этом направлении надо искать недостатки Красной армии и меры для их исправления.

Из сделанных замечаний ясно, какое огромное значение имеет в революционной армии командный состав и правильные взаимоотно-

шения между ним и управляемыми массами. Только через командный состав, при правильных взаимоотношениях, можно провести здоровые и прочные начала военной дисциплины. Но здесь мы снова встречаемся с некоторыми отрицательными сторонами Красной армии, которые предстоит устранить или ослабить.

Эти отрицательные стороны, по мнению командиров—курсантов, заключаются: с одной стороны в „плохом подборе“ комсостава и в недостатках его подготовки, с другой—в недостатке доверия к нему красноармейских масс и в самом непонимании необходимости подчинения.

Плохой подбор, по мнению некоторых командиров—курсантов, выражается в политической безграмотности комсостава, или в его нежелании принять участие в политическом развитии красноармейцев, в его „классовом подборе“. Но из других мнений можно вывести заключение также и о плохом подборе в нравственном отношении. Курсанты—командиры очень сдержаны в отзывах по этой части. Только в одном случае, очень скромно, выражено мнение о „трусости комсостава и неуверенности, сопряженной с личными интересами“. Но указание на недостаток нравственных качеств проскальзывает в ответах по поводу „побуждений к обогащению или других подобных желаний“. Эти недостатки особенно выступали в тяжелых положениях, в частности, во время отступления из-под Варшавы.

Было много случаев, когда не только более высокое начальство теряло всякую связь с войсками, но командиры полков бросали свои полки. Недостаток места не позволяет привести подлинных примеров, но в описании военно-исторических эпизодов их встречается достаточно.

Немудрено, что в подобных случаях красноармейская масса теряла веру в начальника, в его способности „выводить из опасности“.

Такое же психологическое значение имел и недостаток технической подготовки комсостава, который не имел достаточного авторитета в глазах подчиненных. Теперь приобрести его гораздо труднее, чем во времена Великой Французской революции,—когда не требовалось такое чтение карты, как теперь, не было таких свойств огнестрельного оружия и совсем не было железных дорог, телефонов, аэропланов и т. п. Эти недостатки усиливались от крайней малочисленности комсостава и недостачи пополнений. Приходилось назначать на командные должности просто рядовых бойцов и такие бойцы иногда командовали крупными частями.

Но все это не умаляет значения другой причины ненормальных взаимоотношений, которая коренилась в непонимании красноармейцами подчиненности, как одной из основ дисциплины и некотором предубеж-

дении к „начальству“, которое являлось пережитком „старого режима“ и поддерживалось недостатками нового комсостава.

Переутомление, как одна из причин недостатка стойкости, поставленная командирами-курсантами на очень высокое место, равно как и повторение неудач в боях, являлись уже последствиями недостатков командования, а также и снабжения.

Если-бы позволяло место, то можно привести ряд примеров, показывающих до чего доходило требование по части выносливости. Были части, которые от Березины до Вислы не имели ни одной дневки. По вопросу анкеты о значении отдыха встречаются ответы: „не видал, чтобы войска отдыхали“.

При этом люди шли голодные, необутые, неодетые, валялись на ночлегах на грязном полу, без соломы, не мылись целыми неделями. В приказах начдивов и комбригов постоянно выражались требования о немедленном выступлении ночью, „в полной боевой готовности“, за 30—40 верст, не имея никаких сведений о противнике и о дорогах. Невольно приходит на ум чисто бюрократическое значение подобных приказов, которые являлись лишь отпиской перед высшим начальством: приказ отдан, значит дело сделано, а потом пусть отвечают те, которые его не исполнили.

Большинство остальных причин недостатка стойкости коренится в недостатках организации. Сюда относятся: малочисленность частей, недостатки прибывающих пополнений и недостатки сплоченности.

Курсанты—командиры редко отмечали эти обстоятельства и мало на них останавливались, так как они слишком общеизвестны, да и не относятся к их компетенции.

Но причины эти имеют значение основных, на-ряду с малой сознательностью и недостатками дисциплины.

Еще меньше курсанты останавливаются на значении новейших технических средств, вероятно, на той причине, что с ними не везде пришлось встречаться.

Только один голос отметил значение плохой эвакуации раненых, между тем на этом вопросе не мешало бы больше остановиться.

Вопросы 19-й 20-й и 21-й анкеты о том: *Не было-ли случаев, когда движение вперед, навстречу опасности, делалось, чтобы предупредить еще большую, явную опасность? Не было ли случаев, когда движение вперед делалось по той причине, что назад пути не было? Как поступала масса красноармейцев при необходимости прорыва из кольца противника?*— были поставлены курсантам-командирам в связи с читаемым курсом военной психологии и в связи с разбором военно-исторических эпизодов. Таким способом имелось ввиду выяснить интересное психологическое положение, что источником храбрости в массах, в особен-

ности мало-дисциплинированных по натуре, может быть то же эгоистическое чувство самосохранения, так называемый, „страх вперед“. Эти вопросы имеют более частное значение, но связаны одним общим вопросом об *упорстве* войск в бою, которое имеет еще более важное значение, чем стойкость.

Ответы оказались интересными, но частичными, раздробленными. Для многих курсантов вопросы, повидимому, были слишком трудными. Многие не дали никакого ответа, или ограничились кратким ответом: не было случаев, не наблюдалось и т. п.

По вопросу о побуждении вперед, навстречу опасности, что, в большинстве случаев выражалось в контр атаке, 11 ответов отметили положительные свойства красноармейцев (шли охотно, увлекались вели бои спокойно, атаковали из самолюбия), 8—отрицательные (старались уйти скорее за преграду, шли вперед неохотно, волновались, спрашивали—зачем наступать, когда лучше занять позицию за преградой) и 13 указали, что все зависило от начальника: если верили, то шли вперед, если боялись, то исполняли боевой приказ.

По вопросу о движении вперед, когда назад пути не было, 11 ответов оказалось в положительную для красноармейцев сторону (шли вперед, бросались, действовали с под‘емом), 7—в отрицательную (нельзя было убедить вперед, терялись, предавались панике), 6—указало на значение начальника.

Наконец, по вопросу о прорыве 23 ответа было положительных, с указанием примеров (старались пробиться, проявлялось товарищество и под‘ем духа, прорывались во что-бы то ни стало, с решимостью победить или умереть), 2—отрицательных и 19—условных, в зависимости от начальника.

Как видно в общем по вопросу об упорстве в трудных положениях положительных ответов оказалось больше, чем отрицательных. Но слишком многие не дали определенных ответов, чтобы обосновать какой-нибудь вывод.

Из ответов можно, пожалуй, заключить, что к прорыву красноармейская масса проявляла больше способности, чем к контр-атаке или к атаке в трудном положении.

Но недостаток ответов и по этому поводу вынуждает воздержаться от каких либо общих выводов.

Заключение.

Задача изучения психологии красноармейца, настолько сложна и недостаточно разработана, а представленный здесь материал, настолько ограничен, что делать из него какие-либо слишком конкретные выводы было-бы невозможно.

К тому же, как уже было замечено, в этой статье изображено лишь отражение психологии красноармейца в мнениях командиров, а потому весь материал служит одновременно характеристикой самих командиров или, по крайней мере, их взглядов по затронутому вопросу.

Опыт войны уже в достаточной степени обнаружил общие боевые качества красноармейца, а также и некоторые его недостатки.

Мнения курсантов-командиров только подтверждают данные этого опыта и дают возможность несколько глубже проникнуть в его психологическую сторону. Далеко не все вопросы исчерпаны или достаточно освещены, многое только намечено, но сделанная работа может послужить основанием для обмена мнений и дальнейшей разработки затронутых вопросов.

Некоторые, важнейшие, боевые достоинства и недостатки красноармейца в достаточной мере освещены в последней главе о стойкости и упорстве. В ней же сделана сводка и тех важнейших причин, от которых зависили и зависят недостатки красноармейца.

Из них уже можно сделать вывод и о тех практических мерах, которые было-бы необходимо провесить, не теряя времени.

В числе их, как нам кажется, надо поставить на первое место подготовку командного состава.

Комсостав должен быть подготовлен не только в техническом, но и в психологическом отношении. Он должен сделаться воспитателем красноармейца. Его положение должно быть упрочено как подбором, так и подготовкой. Прежде чем побеждать врагов Республики, он должен завоевать полное доверие красноармейца.

Другое важное требование психики красноармейца это прочная организация и сплоченность частей, при том—достаточно многочисленных, т. е. близких—к штатному составу по постоянной организации. Постоянные перемены в комсоставе и слабая численность частей должны самым отрицательным образом отражатся на психике красноармейца. Части должны быть сплочены совместным расположением, а также всем укладом службы и жизни.

В каждой части должны быть прочные кадры опытных бойцов, воспитанных и дисциплинированных, которые поддерживали бы достоинство части.

Из опыта последних войн можно извлечь не мало примеров, как команда разведчиков и одна какая нибудь хорошая или хорошо уцелевшая рота выручала весь полк, а иногда и целую бригаду.

Таково значение кадров, для создания которых, в том или другом виде, нельзя останавливаться не перед какими усилиями.

Наконец, нельзя не подчеркнуть значение для психологии красноармейца материальных условий: помещения, одежды, обуви и пищи·

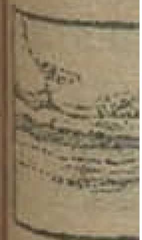
По своей непосредственности красноармеец начинает понимать значение и достоинство армии, даже военную дисциплину, именно с этих материальных начал.

За ними идет его техническая, военная подготовка, которая должна быть так направлена, чтобы поднять в его глазах настоящий смысл военной деятельности и службы.

Но в основе всего лежит, конечно, необходимость общего развития народа, его политическое воспитание, расширение его кругозора, известный уровень образования и, наконец, физическое воспитание, как подготовка к военной службе.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Военная мысль".

Военно-научный журнал. Издание Революционного Военного Совета Туркестанского фронта Ташкент. Книга 1-я. 445+11 стр.

Немногочисленная наша литературная семья обогатилась новым собратом—журналом, издаваемым Р. В. С. Туркфронта. Внешность его, необычный по нынешним временам об'ем, имена некоторых сотрудников журнала таковы, что на нем стоит остановиться повнимательней.

Согласно стороннего сообщения, редакционное руководство журналом находится в руках Военного факультета Туркестанского Гос. Ун-та. Журнал предполагается издавать трехмесячными выпусками, объемом в 20—25 печатных листов каждая книга.

В заключительной заметке редакция излагает свои задачи, как: „1) освещение командному и комиссарскому составу Туркестанской Красной армии всех вопросов военного характера и с ним сопредельных, касающихся как общих, так и специально восточных проблем, в частности Туркестанских; 2) выявление центру, а равно прибывающим из центра советским деятелям, Туркестанской действительности, по мере ее отражения на Туркестанском фронте".

Если первый пункт вполне ясен, то второй допускает самое широкое и произвольное толкование назначения журнала, поглощая специфически-военный характер, определяемый задачей первого рода.

Эта неясность наложила отпечаток и на содержание выпуска. На четырехстах слишком страницах можно найти статьи самого разнообразного содержания, причем ни по распределению материала, ни по его существу не удается определить, в какую сторону, как выражается редакция, главным образом, „обращено лицо журнала".

Так, из общего числа статей посвящено: стратегии, в. географии в. истории—около 150 страниц.

Артиллерии, авиации, военной технике—43 стр. Военно-экономич. вопросы (труд. армии, пути сообщения, военн. статистика и т. п.)—92 стр. Внутр. и внешн. политике (с'езд народов Востока, особые отделы и т. п.) 69 стр.

Остальные страницы отведены вопросам коннозаводства, санитарного дела, электрофикации, горно-технического образования и пр.;

тут же можно найти и диспут о пролетарском искусстве, (поднятый, как это ни странно, редакцией „Военной Мысли“), и археологию, и атомическую гипотезу и ирригацию. Словом, журнал всеоб'емлющ; но в этой своей универсальности он забыл старую истину Козьмы Пруткова: „необ'ятного обнять нельзя“.

Непонятно к чему это разбрасывание.

Ведь атомическая гипотеза, археология, Кон-и-Гутская экспедиция и спелеология,—что у них общего с военным делом и в какой области они „с ним сопредельны?“.

Если идея Большого Закаспийского канала еще интересна по несомненному стратегическому значению этого сооружения, то к чему для Кр. Армии эти заметки о неудачном рифмовании слов „губы и трубы“? Если все эти вопросы „сопредельные“, то при таком широком понимании своих задач можно дойти до палеонтологии, археоптериксов, малайской фонетики, причин лейкопатии, законов аберрации... благо ирригация уже на лицо, а всеми этими ациями, измами и прочими ненужными варваризмами „Военная Мысль“ злоупотреблять любит, в ущерб ясности и простоте изложения.

Между тем, поставив вопрос, какой военный журнал нам нужен. Редакция отвечает на него вполне ясными выдержками из речи Л. Д. Троцкогона совещании редакторов и сотрудников военных изданий в феврале 1918 года.

„Нужно чтобы журнал, претендующий на наименование военно-научного, действительно выполнял свою задачу, т. е. проверял старые выводы военной науки на нынешнем опыте, в нынешней социальной среде и исторической обстановке“.

«То, что нам сейчас нужно, это прямое и непосредственное участие журнала в работе по материальному и идейному формированию Красной Армии, той, что создается сейчас».

И, ответив этими словами, журнал менее всего проверяет, а более всего (по выражению того же Л. Д. Троцкого): в качестве стороннего наблюдателя, как-то чем-то пописывает, «отнюдь не всегда исходя из внутренних потребностей Красной Армии“.

В силу такого неумения отделить необходимое от излишнего балласта, в результате этой мозаичности „Военная Мысль“ не справилась с распределением попавшего в ее руки материала и создала мало определяющие названия отделов, вроде «научного» и «технического» и довольно свободно разместила по ним статьи. Например, воинская выучка и муштра отнесены к вопросам научным, снабжение в Туркестане—к технике, а не народному хозяйству, авиация спутана с аэронавтикой, лечение раненых причислено к вопросам техники, по соседству с персидским телеграфом и т. д.

Не собираясь давать советы, все же можно было-бы предложить более простое деление: стратегия, тактика (кстати, забытая в „Военной Мысли“ отрасль), военная история и география, администрация, артиллерия, военная техника и т. д., при котором и редактору и читателю

было-бы легче и не приходилось-бы ломать голову над вопросом, что куда поместить и где что искать.

А это тем более необходимо, что при многоликом существе журнала он предназначен одновременно для читателей самых разнообразных специальностей. Напрашивается только вопрос, будет-ли удовлетворен рядовой военспец статьей о таинственной Кон-и-Гутской пещере, а пролеткультовец—горно-техническим образованием. Думается, что нет. И тот, и другой и третий пройдут равнодушно мимо пестрого калейдоскопа не „сопредельных“ им вопросов и пожалеют, что „Военная Мысль“ не распалась на несколько отдельных журналов, с более узкой специальностью каждый.

Причина многосторонности журнала кроется, видимо, в широком понимании задач теории военного искусства, во включении в нее отделов собственно-военного, политического и экономического (так можно думать на основании некоторых статей журнала). Но это, правильное в основе понимание не дает еще оснований включать в один и тот же журнал стать и столь разнообразного содержания, что каждому специалисту, минимум, три-четверти из них будут неинтересны. Лучше, повторяем, было-бы дать несколько журналов, каждый посвятив отдельной специальности.

В этом вопросе мнения могут быть различны; но энциклопедизм, всегда вредный, особенно опасен, когда его калируют на таком еще молодом растении как Красная Армия.

Из числа немногих строго военных статей (их всего не более 15 из всей полусотни), обращают на себя внимание следующие:

Наука, война и революция, написанная с большой общей и специальной эрудицией, разбирает историческое взаимодействие этих фактов. Рядом интересных примеров автор доказывает, что военное искусство не стоит в стороне от общих наук и что оно требует серьезной общей подготовки. Перед читателем проходит плеяда генералов революций Пишегрю, Морсе, Клебер,, Бертье, Даву, Моро—все они пример того, как военные способности вырастают на почве общего развития; вот другие имена—престарелый Архимед, силой своего ума защищавший родные Сиракузы от захватнических покушений всесильного Рима; Леонардо да-Винчи, мыслитель, художник, изобретатель, поэт, математик и военный; математик Монж, наполнивший пороховницы революционной Франции; великий Араго, военный и морской министр; адвокат Гамбетта—все те, кто клали свой научный опыт на алтарь безопасности родины.

Не отрицая значения, таланта, гения, автор предостерегает от еще не совсем изжитого, ложного взгляда что „военачальники революции создавались внезапно, а не в итоге длительного периода военно-профессионального образования“ и рекомендует выучку и знание, как основу слаженности военной системы и безопасности государства. Не содержа в себе ничего нового, статья интересна по живости изложения и широте подхода.

Дальше развертываем журнал на заметке Н. Бедринцева „О методике воинской выучки в связи с вопросом о муштре“.

Статья затрагивает один из важнейших вопросов, выдвигаемых в процессе строительства Красной армии—о необходимости подготовки будущего командного состава к роли учителей и инструкторов, способных довести дело воинской выучки до степени тонкой духовной муштры. Положения автора весьма интересны и заслуживают быть поставленными на обсуждение.

Дальше Э. С. Батенин, со свойственной ему едкостью и филигранностью стиля, нападает на наш старый генеральный штаб, зарекомендовавший себя in corpore бездарностью, стремившийся замкнуть право на привелегию истинно-военного в границах своей касты. Достается и покойному „Военному делу“, даже несколько больше, чем то соответствует размерам всей статьи.

В заключение Э. С. Батенин, критикуя строение Большого Генерального Штаба в изложении старых военспецов, обосновывает понятие о высшей стратегии, как взаимодействии политической, экономической и военной кон'юктур.

До-революционная военная мысль, упершись в лееровский тупик, никак не могла внести в свою стратегию эту поправку на все разрастающееся влияние на область войны народно-хозяйственных предпосылок. Новая военная доктрина, которая рано или поздно будет выработана, не может не считаться с материалистическим пониманием истории и, безусловно, будет исходить из экономического фактора, как двигателя человеческих отношений. В этом смысле не согласиться с Э. С. Батениным может только человек, безнадежно заплесневевший в старых формах и не способный к прогрессу. Набрасываемая автором разбираемой статьи схема положения в стране военного аппарата и взаимоотношений его с другими органами государства покоится на отвечающих духу времени выводах и вполне согласована с марксистским пониманием государственности*).

Но на этом Э. С. Батенин и останавливается, не расширяя понятия о высшей стратегии. Продолжением его статьи в этом отношении является „Опыт систематизации некоторых мыслей по высшей стратегии“ А. Муханова.

Последний обнаруживает несколько метафизический подход к вопросу, добираясь в своем суждении до клеточки жизни. Однако, разбирая значение отдельных факторов в деле победы, А. Муханов, дает

---

*) Идея регулирования экономических взаимоотношений в период войны не нова; еще в минувшую империалистическую войну в России было применено с этою целью принудительное трестирование некоторых отраслей промышленности (Продрасмет, Комкожа и т. п.). В Германии, Людендорф добивался полного подчинения промышленников Большому Генеральному Штабу, вплоть до нормирования цен, заработной платы и организации производства, и его падение, кажется, и об'ясняется недовольством всесильных немецких аграриев и промышленных тузов этой попыткой урезать их барыши.

довольно ясную картину взаимодействия трех элементов высшей стратегии, военного, политического и экономического. Как опыт приведения в порядок, разрозненных, пока еще, достижений этой области, статья удачна. Можно не согласиться только с несколько искусственным построением, вроде названия настроения народа—длиной политического фронта и образа правления—его толщиной, и с отдельными положениями автора, грешащими против логики и истории.

Так, на стр. 84 А. Муханов пишет:

> История военного искусства все войны по целям возникновения может разделить на четыре категории: политические, экономические, религиозные и завоевательные. С нашей точки зрения, войны преследуют лишь цели: 1) усиление (одного, или двух или всех) своих фронтов государства; 2) ослабление или уничтожение фронтов противника (также одного, или двух или всех).

Во-первых нельзя согласиться с разделением причин войн на политические, экономические, религиозные и завоевательные, ибо это *неверно исторически* и логически. Исторически, ибо религия есть политический фактор и религиозные войны, под вывеской насаждения культа, всегда преследовали политические и экономические цели; логически такое деление неверно, потому что в основу каждой классификации должен быть положен какой-нибудь один признак.

Термин завоевательная война—внутренно пуст. Завоевание само по себе немыслимо оно может быть направлено только на политические или экономические об‘екты. Наконец, приводимое А. Мухановым деление не исчерпывает вопроса—почему, например, не прибавить сюда войн, ведшихся с династическими целями?

За вычетом двух произвольных категорий—религиозной и завоевательной—остаются причины политическая и экономическая. Без особого затруднения под одну из них можно подвести любую войну. Но, неудовлетворенный прежним делением, автор предлагает свою систему. Посмотрим, исправляет и упрощает ли дело (цель всякой классификации—упростить и схематизировать вопрос) предложение автора.

Деление войны на усиливающие собственную мощь и ослабляющие противника было-бы допустимо, если-бы сила и слабость (военная, политическая, экономическая-безразлично) были свойствами абсолютными. Но так как этого нет и усиление одного влечет за собой относительное ослабление другого и наоборот, то подобное деление отнюдь не дает ключа для уяснения целей войны, как думает А. Муханов. Как раз обратно, только еще больше путает, так как и усиление вообще и ослабление—равно не мыслимы. Возможны колебания в ту или иную стороны именно политической или экономической мощи. Следовательно эти два стимула попрежнему остаются повелевающими, а потому и наиболее удобными для основания при классификации.

Есть еще ряд мест, против которых можно было бы возразить, но останавливаться на них не позволяют размеры короткой рецензии.

На дальнейших статьях отделов политического и народно-хозяйственного задерживаться не будем. Среди обзоров интересна карта Индии с нанесенными на ней фабрично-заводскими и промышленными предприятиями, как об'ектами новой стратегии, составленная Э. С. Батениным.

Затем А. А. Маниковский, со свойственным ему знанием дела знакомит читателя с новейшими завоеваниями артиллерийской техники и боевым применением артиллерии в войне 1914—18 г.

Интересные штрихи использования этого рода оружия в Европейской войне живо напоминают тот хаос мыслей, который существует по этому вопросу в данное время, и доказывают, что ненормальности боевого применения артиллерии, столь болезненно ощущавшиеся, в гражданскую войну, происходят не вследствие недостаточной грамотности нынешнего командования, (как это принято повсеместно думать), а таят свои корни в глубоком прошлом русской армии.

Заканчивая эту рецензию, необходимо отметить, что как по внешности, так и по общему содержанию журнал производит впечатление серьезного издания, в которое вложено много труда. Те недостатки, на которые указывалось в начале обзора, быть может, об'ясняются тем, что журнал еще „не нашел себя“, не уяснил себе своего существа.

Если это только неминуемый в начале период колебаний, журнал в будущем может занять прочное и почетное положение в нашей периодической военной печати.

Ив. Московитин.

Три учебника.

Наша военная литература крайне бедна хорошими сочинениями—это положение давно уже стало надоевшим всем трюизмом. Тем более, казалось бы, строг должен быть выбор книг, которые издаются, чем больше технических затруднений встречается в издательской работе. Но—увы!—мы переживаем, очевидно, не только бумажный голод, недостаток всякого рода материала, красок и пр., но и голод на хорошие сочинения. Только полным отсутствием новых авторов, застоем военной мысли и нежеланием (или невозможностью) писать со стороны наших заслуженных военных специалистов и можно об'яснить, что среди книг, выпущенных за $3^{1}/_{2}$ года нашим центральным военным издательством, нет ни одной, которая превосходила бы размером среднюю брошюру, а содержанием поднималась бы выше обыкновенной компиляции.

Несколько на большее претендовала, видимо, Академия Генерального Штаба, давшая, все же, некоторое количество более или менее солидных трудов. Но и среди ее изданий есть пасынки, выпущенные похуже других, не только скверно, грязно, со множеством грубейших опечаток, но и по содержанию уступающие даже макулатурным брошюркам знаменитой Военно-Технической Редакции.

В числе этих пасынков интересны две части курса тактики артиллерии, читанной в Академии Генерального Штаба П. Зигелем и Н. Владиславским. Имена в артиллерийской среде небезызвестные, тем более жалко, что ими прикрыты сочинения, грешащие очень и очень серьезными недостатками.

* * *

Тактика артиллерии.

Лекции, читанные П. М. Зигелем на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба Раб.-Кр. Красной Армии в 19^{18}/$_{19}$ учебном году. Часть I. Москва—1920 г. 352 стр.

Книга эта является элементарной частью артиллерийской тактики, рассматривающей основные понятия: значение артиллерии, походные движения, позиции, порядки для боя, стрельбу и, наконец, организацию артиллерии.

По самому содержанию трудно требовать от автора широких, красивых, новых мыслей, учитывающих опыт, хотя-бы, большой войны 1914—18 г. г., так как в этой области, столь тесно связанной с техникой, улучшения и изменения наростают лишь с крайней медленностью. Но не только этого, нет у П. Зигеля даже и простой... свежести мысли. Все, что сказано, могло быть сказано не только в 19^{18}/$_{19}$ учебном году, но три года ранее, и даже пять—десять лет тому назад. Весь период, начиная с конца 1917 года, прошел мимо автора. Все изменения, которые должна была внести в артиллерийское дело гражданская война, автором не учтены; между тем, ее ярко-маневренный характер и партизанский оттенок, который носила внутренняя борьба в 1918 году, должны были наложить отпечаток на курс, который предназначался для ускоренного выпуска, готовившегося для нужд гражданской войны. Естественно, что красные генштабисты, прослушав лекции, основанные на опыте больших войн, и попав в условия гражданской, малой войны (а в значительной доле будучи практически знакомы с нею и раньше поступления в Академию), где им пришлось иметь дело с совершенно другой системой действий, не только потеряли веру в то, что действительно оказалось неприложимым, но, по инерции, могли разувериться и во многом таком, что осталось неизменным, как, например, тактика огня. Выходит, в итоге, что результат прослушания ими такого курса мог быть, как раз, обратный тому, чего добивались. Прослушав лекции ученых артиллеристов и убедившись в их оторванности от жизни и ее требований, молодой генеральный штаб мог только окончательно убедиться в неприложимости старой науки к новым условиям. Это мнение, действительно, нам не раз приходилось слыхать и, в конце концов, корни его кроются именно в том, что старые наши специалисты не сумели, не могли или не захотели снизойти до опыта гражданской войны и рос он без опытного глаза, дичком, а, выросши, стал глушить и старые деревья.

Вот что можно сказать об этих лекциях, в целом. Разбирая книгу по частям, следует отметить, что, с самого начала, автор оказывается совершенно бессилен определить... значение артиллерии в бою! Правда, он прибегает к длинному повествованию, описывает последовательно весь ход боя, цитирует арабские поговорки и даже Пшибышевского,

но на всех 19 страницах этого отдела лишь немного более десятой доли говорится на тему, а остальное—„вода", за обилием которой невозможно даже найти хоть одну фразу, определяющую, в целом, значение и роль артиллерии. Итак, с этой частью курса читатель расстается, не вынеся из него почти ничего, а прошедший хоть плохонькую тактику только устает от неудачного повторения того, что ему давно известно.

Далее автор переходит к анализу артиллерийских уставов. Здесь он, также как и ранее, очень мало говорит по существу, разбирает их. Вообще на протяжении всех 350 страниц непрестанно повторяя общие места, отвлекаясь, перескакивая с предмета на предмет, забегая вперед и ежеминутно возвращаясь назад, П. Зигель, в конце концов, совершенно затуманивает читателя. В этой же области (говоря об уставах) он только констатирует, что уставы переизданы вновь, но посвящает этому, ни много, ни мало, целых пять страниц.

Просматривая книгу дальше, все время сталкиваешься именно с этим дефектом. Безусловно, весь курс читан под сильным впечатлением позиционной войны. От этого, например, весь отдел, посвященный тактике позиций, перегружен массою мелких подробностей, которым нет места в маневренном бою, но применимость их исключительно в позиционных условиях не оговорена, отчего создается ложное представление о чрезвычайной сложности этого дела. То-же следует сказать и о стрельбе, рассматриваемой исключительно под позиционным углом зрения.

Остается после всего сказанного отдел, посвященный организации артиллерии. Здесь также почти ничего не говорится о нынешнем ее устройстве, зато свыше полусотни страниц посвящено рассмотрению забракованного проэкта ее организации, выработанного в кабинетной тиши Главного Артиллерийского Управления и интересного только как пример абсурда, до которого могут договориться даже и мудрые люди, если их во-время не вернуть к действительности.

Вместе с подчеркнутым многословием, работа отличается, на наш взгляд, крупным недостатком. Сведения о технике артиллерии, в об'еме курса, для Генерального Штаба вряд-ли нужны сами по себе. Единственно их можно было-бы считать полезными, если-бы они приводились, как основа чистой тактики артиллерии. Но для этого следовало бы от начала до конца, красною нитью провести одну главную мысль, у П. Зигеля как то затерявшуюся: что тактика артиллерии настолько зависит от ее технических свойств, что уважение к последним—первое условие успешного применения артиллерии.

Следует сказать еще несколько слов о примерах. Если вообще многие выводы автора не убеждают, то менее всего способны сделать это его анонимные, бледные и малообдуманные примеры. От таких „практических" доказательств полезнее всего воздержаться вовсе.

На этом мы и покончим рецензию. Вдаваться в подробное рассмотрение курса не стоит, хотя-бы уже потому, что он не даст ниче-

го нового, свежего и оригинального. Можно упрекнуть еще автора за некоторую игру словами и какой-то, точно легкомысленный, поверхностный язык; но прямых ошибок у П. Зигеля нет—для этого он слишком хороший артиллерист.

* * *

Тактика артиллерии.

Лекции читанные Н. Л. Владиславским на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба Раб.-Кр. Красной Армии в 1918/19 году. Часть II. Москва—1920 г. 307 стр.

Та-же внешность что и у предыдущей книги. Такие-же длинноты и отступления от темы. Такая-же оторванность от условий гражданской войны, для деятелей которой учебник предназначался. Но по самому существу темы, здесь это несоответствие сказывается в гораздо большей степени, так как книга посвящена той части тактики артиллерии, которая наиболее тесным образом связана с действиями пехоты.

Говоря о последних, автор в своих расчетах походного движения исходит из движения дивизии по одной дороге, что несвойственно не только гражданской войне, но и в большой будет только частным случаем. Поэтому и задачи по разведке, возлагаемые им на штаб артиллерии дивизии, будут выполняться лишь в исключительных случаях и, преимущественно, в позиционной войне. Вообще, хотя автор и проводит разницу в процессе разведывательной работы, рассматривая отдельно ее функции в маневренных и позиционных условиях, все же он никак не может отделаться от впечатлений 1916—17 г.г., внося в полевую войну методы чисто-позиционной и пред'являя к артразведке такие требования, которые выполнимы и уместны только при продолжительном стоянии на одном месте. Например, на стр. 47 он говорит, что на основании суммарных сведений разведки всех видов в „штабе артиллерийской разведки" (?) составляются „1) отчетные карточки неприятельских батарей; 2) карта деятельности батарей; 3) карта неприятельской позиции с нанесением.... штабов, складов, мест пересечения телеграфных линий" и т. д. Так-же невозможно на основании этих данных *„разработать план предстоящего боя" в маневренной войне.*

По словам автора (стр 79) необходима ночная артиллерийская стрельба, ввиду ее значительного морального действия. Это противоречит общему принципу, что артиллерия стреляет исключительно по „вполне определенным, достаточно важным целям", но отнюдь не „для морали", а от ночной стрельбы вообще, препочтительно, воздерживаться, особенно если (как утверждает Н. Владиславский) „поражение будет ничтожно".

Несколько странно и противно международному праву звучит совет обстреливать лазареты (стр. 124).

Также и предложение „выделить артиллерию в отдельную колонну“ из общевойсковой (стр. 148) может без нужды замедлить ее вступление в бой и подвергнуть опасности захвата.

Все расчеты для движения и боя сделаны, исходя из приказа Р. В. С. Р. 1918 г. № 220, а не нынешнего, фактического состава дивизии (стр. 177 и дальше).

Затем, на стр. 76, можно оспаривать утверждение, что тактика артиллерии „не всегда совпадет с тактикой других родов войск“. Такая сепаратная тактика каждого рода оружия в цельном боевом организме немыслима, как и изображение с кафедры артиллерии „более могущественной, более грозной, более стойкой“, имеющей больше значения, чем на самом деле (стр. 77).

Такого рода погрешностей (оговорок?) в курсе много. Кроме них встречается ряд непонятных выражений вроде: „каждая батарея может состоять из 4 орудий или может быть из 2, может быть из 22“ (стр. 39); „конус разлета пуль шрапнели по линии, перпендикулярной направлению стрельбы“ (стр. 115) или „задача наблюдательных пунктов общего наблюдения—это общее наблюдение“ (стр. 34) и много в этом-же роде.

В общем, рассматриваемая книга, как и предыдущая, в настоящем ее виде не заслуживала быть изданной.

* * *

Тактика артиллерии.

Г. И. Теодори, Генерального Штаба.

Часть 1. Период маневренной (полевой) войны. Военно-научное издательство „Военное Дело“. Москва—1920 г. 120 стр.

Книга принадлежит автору, в короткий срок подарившему русской военной литературе сочинения на темы: „Военно-Топографические разведки“, „Хозяйственный справочник“, писавшему о тактике инженерных войск, об организации авиации, и наконец, закончившему этот разносторонний цикл тактикой артиллерии.

При такой плодовитости и энциклопедичности, конечно, трудно дать что-либо ценное и полезное. Впрочем, как видно из предпосланной книге рецензии В. Борисова, это есть только учебник для сокращенного курса Академии Генштаба.

Но как учебник, книга должна содержать в себе лишь строго обоснованные положения, чего у Теодори нет: как видно из дальнейшего, он то приводит неправильные цифры, то, под видом истины, предлагает читателю собственное мнение.

Напр., он утверждает: „что война показала, что боевая обстановка и цельность организации повелительно требовали, чтобы полк имел свою артиллерию, независимую от дивизии“. Далее, он приводит (довольно жидкую) критику организации артиллерии дивизии по приказу 220 и набрасывает свой идеал, который вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения.

По поводу этого кромсания можно возразить, что война 1914-18 г. г. вовсе не показала необходимости полковой артиллерии в том виде, как ее рисует себе Г. И. Теодори (взять да и раздать легкие батареи по полкам—чего проще!), и лучшим доказательством этого является принятая организация, в которой полковая артиллерия отсутствует.

Делении орудий на пушки, гаубицы и *мортиры* (стр. 12 и 13) устарело, по крайней мере на десять лет; в современной артиллерии имеются орудия только двух типов, так как перекидная стрельба, в точном смысле этого слова, отжила свой век, а с ее исчезновением гаубица слилась с мортирой, сделавшись орудием навесной стрельбы.

К числу технических неправильностей, допускаемых автором, относятся также смешение начальной скорости со скорострельностью, смешение назначений компрессора и накатника (стр. 41); первый называется „приспособлением для отката“, вероятно по аналогии со вторым, приспособлением для наката; путаница в запасных и вспомогательных пунктах. Непонятно деление наблюдения на производимое „а) приборами, б) наблюдателями и в) воздушное“. Разве не может наблюдатель, вооруженный прибором, находиться на воздушном аппарате? И к какой категории отнести тогда совершаемое им наблюдение?

Ряд ошибок допущен в цифровых данных об орудиях на стр. 43 и 44, где не только умалчивается о находящихся на вооружении образцах и приводятся данные об устаревших, но и сообщаются сведения о вымерших типах и не разделяются столь различные вещи, как заряды—метательный и разрывной.

Таким образом, первая часть, в смысле точности и доказанности материала, оставляет желать лучшего. Непонятно также, почему она озаглавлена, как „тактика артиллерии“ (в отличие от второй—„действия артиллерии“), тогда как она посвящена вопросам организации, техники и службы.

Вторая часть рассматривает действия артиллерии во встречном наступательном и выжидательном боях.

С действиями артиллерии авангарда во встречном бою, как их излагает автор, можно согласиться, за исключением одного пункта:

на стр. 87 он предлагает для нее огонь химическими снарядами для обстрела возможных мест появления батарей и резервов. Сомнительно, чтобы малочисленная и обремененная работой авангардная артиллерия имела время для создания облака газов, требующего продолжительной стрельбы и большого расхода снарядов, тем более по целям *гадательным*, когда ей только-только впору справиться с обстрелом *действительных*.

На стр. 88 читаем: „артиллерия главных сил об'единяется в руках старшего артиллерийского начальника". Такое об'единение требует широкой предварительной разведки, большого запаса сведений о противнике и времени на устройство связи и налажение управления, наблюдения и целеуказания, т. е. всего того, что во встречном бою, как раз, недостижимо. В самом деле—неясность обстановки—его отличительная черта; развертывание по мере подхода к полю боя—обычный способ завязки. При этом, конечно, некогда особенно разведывать и думать о действиях по заранее составленному плану с точным распределением ролей. Здесь все построено на инициативе частных начальников, и парализование противника будет достижимо не столько „мощным огнем артиллерии", сколько тесным единством действий с пехотой, полной взаимопомощью, не столько методичным, сколько внезапным и повсеместным обстрелом. Такой способ действий предполагает не централизацию, а именно — рассредоточение артиллерии.

Судя по Теодори, вся деятельность батарей во встречном бою выражается во фланговом огне. Всем известно, насколько сложно организовать этот вид огня и сколько для этого нужно времени. Поэтому можно думать, не мудрствуя лукаво, что встречному бою свойствен именно фронтальный огонь, простые задачи и стрельба прямо перед собой, а не за тридевят земель. Перегруппировка артиллерии к моменту главного удара (стр. 90) вряд ли осуществима, да и надобность в ней сомнительна. Если развертывание батарей произведено в соответствии с пунктом главного удара, то переезда их не потребуется, а при ошибке в развертывании все шансы на успех—в руках противника, так что скорей придется думать об обороне, чем о перемене действий..

Сухой, кабинетной теорией отдает от совета для артиллерии авангарда в наступательном бою создавать ложные и вспышечные батареи (стр. 94). Это дело позиционное, в лучшем случае осуществимое при затяжке боя, так откуда же возьмут на него сил одна-две батареи авангарда. Тем более странна ссылка на опыт мировой войны (стр. 94). Если он и был, то не в этом случае, гр. Теодори!

Приложенная здесь же схема показывает, что в авангарде предполагается стрелковая бригада, т. е. всего, в движении по одной дороге, дивизия, т. е. допускается то-же заблуждение, что и первыми двумя авторами, Возвращаться к опровержению такой возможности, как нормального случая, более не приходится...

Все же прочее... можно прочесть в „наставлении для действий полевой артиллерии в бою“ и курсе тактики артиллерии Плющевского, изданном до войны 1914 - 18 г. г. Бросается в глаза сходство мыслей Теодори и последнего, до повторения давно признанных заблуждений включительно.

Важнейшие опечатки:

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
5	11 снизу	каждому	к каждому
7	11 „	ввиде	в виде
8	13 „	вторшигся	вторгшихся
19	5 „	бой	преднамеренно-отступательный бой
25	3 сверху	смогуть	смогут
27	7 снизу	из'ять	из'ят
28	15 „	с. Кунин	с. Лунин
51	4 сверху	того	этого
60	перед 3-й строкой снизу пропущен номер главы—II.		
61	6 снизу	в течении	в течение
69	1 снизу	нозможность	возможность
„	2 „	вачальнику	начальнику
72	6 „	кога	когда
80	7 сверху	**)	*)
81	подстрочные примечания поменять местами.		
83	13 снизу	усаст	участь
84	19 снизу	цринять	принять
100	11 сверху	пополкам	по полкам

Смоленск, типография Совнархоза № 14.—5.000 экз.

